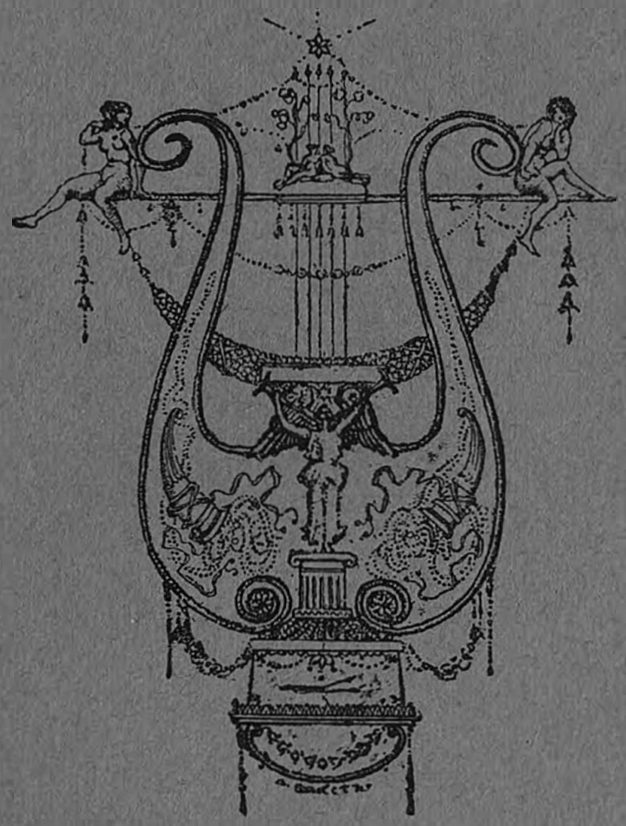
ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ



СЕЗОНЪ 1902—1903

ПРИЛОЖЕНІЕ 3е

ПРИЛОЖЕНІЕ 3е

Печатано по распоряженію Министра Императорскаго Двора.

Типографія Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Надежда Алексѣевна Никулина. (Заслуженная артистка Московскаго Малаго театра). 1

Марія Адріановна Дейша-Сіоницкая. (Солистка Его Императорскаго Величества). 9

Николай Игнатьевичъ Музиль. (Заслуженный артистъ Императорскаго Московскаго Малаго театра). 11

Антонъ Ивановичъ Барцалъ. (Заслуженный артистъ Императорской московской оперы). 13

Марія Александровна Славина. (Солистка Его Императорскаго Величества). 16

Первыя исполнительницы роли Авдотьи Максимовны въ комедіи А. Н. Островскаго „Не въ свои сани не садись". 20

А. П. Щепкина, артистка московскаго Малаго театра. (По поводу 25-тилѣтія ея сценической дѣятельности). 28

М. К. Третьяковъ-Стрѣльскій. Некрологъ. 29

Ольга Эдуардовна Шредеръ. Некрологъ. 31

Н. И. Троицкій. Некрологъ. 34

Ѳедоръ Игнатьевичъ Стравинскій, заслуженный артистъ, пѣвецъ русской оперы. 35

А. П. Грубинъ. Некрологъ. 40

Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Некрологъ. 41

В. Р. Шемаевъ. Некрологъ. 45

Я. Г. Брянскій. (По поводу 50-лѣтія его кончины, 20-го февраля 1853 г). 46

Памяти Е. И. Гусевой. (По случаю 50-тилѣтія ея кончины). 49

О. А. Петровъ. (По поводу 25-тилѣтія его смерти 27-го февраля 1878 года). 51
О. А. Правдинъ. (По поводу 25-лѣтія его сценической дѣятельности). 59
Гавріилъ Николаевичъ Стремляновъ. Некрологъ. 64
Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. Некрологъ. 65
О. И. Дютшъ. (По поводу сорокалѣтія его смерти). 73
Антонина Михайловна Дюжикова. (По поводу 30-лѣтія ея артистической дѣятельности). 75
И. И. Монаховъ. (По поводу 25-лѣтія его смерти). 77
Надежда Васильевна Рѣпина. (По поводу 35-лѣтія ея смерти). . . . 80
Александра Ивановна Колосова, артистка Московскаго Малаго театра. (По поводу 35-лѣтія ея смерти). *В. И. Родиславскій*. 83
Николай Петровичъ Домашевъ. (По поводу 25-лѣтія его дѣятельности) 92
А. А. Майковъ. (Бывшій управляющій Московскими Императорскими Театрами). Некрологъ. 93

Портреты:

Н. А. Никулина 1
Н. И. Музиль 12
М. А. Славина 16
А. М. Читау 22
— въ роли Фрошаръ 26
О. Э. Шредеръ 32
Ѳ. И. Стравинскій 36
Н. Ѳ. Сазоновъ 44
А. А. Майковъ 92

Надежда Алексѣевна

Никулина.

Заслуженная артистка Императорскаго Малаго театра.

Надежда Алексѣевна Никулина.

(Заслуженная артистка московскаго Малаго театра).

Нѣтъ ничего труднѣе для искусства, какъ истинная простота; нѣтъ ничего труднѣе для фантазіи, какъ увидать, что ей не нужно другого матеріала кромѣ того, который открыто лежитъ въ природѣ и исторіи. („Эстетика" Куно Фишера, т. II, стр. 223).

„Если въ драматической труппѣ, пишетъ Э. Лессингъ въ своей Гамбургской драматургіи, есть четверо актеровъ, которые играютъ превосходно, а остальные только хорошо, то она можетъ считаться образцовой". Основываясь на мнѣніи этого великаго знатока театра, можно смѣло было причислить труппу московскаго Малаго театра въ началѣ шестидесятыхъ годовъ къ образцовымъ. Въ ней было не два и не четыре даровитыхъ артиста, но она сплошь состояла изъ талантовъ: Екатерина Васильева, Кавалерова, Львова-Синецкая, Никулина-Косицкая, сестры Бороздины, Колосова, Медвѣдева, Акимова, Н. М. Рыкалова, Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ, Дмитревскій, Ленскій, Степановъ, Черкасовъ входили въ составъ ея. Но какъ ни хорошъ былъ персоналъ Малаго театра, неумолимое время накладывало на него уже свою руку. Особенно это ощутительно давало себя чувствовать въ женской половинѣ труппы, болѣе разумная часть которой спѣшила искать себѣ успѣха въ другомъ амплуа и вотъ, какъ бы на смѣну ей, Московское Театральное училище приготовило нѣсколькихъ своихъ воспитанницъ, въ числѣ которыхъ была и Надежда Алексѣевна Никулина, впервые появившаяся на сценѣ Малаго театра, вмѣстѣ съ г. Рябовымъ, въ водевилѣ

„Взаимное обученіе“, въ декабрѣ 1861 г. Извѣстный критикъ Баженовъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ такъ описываетъ первые шаги этой артистки въ Маломъ театрѣ. „Піеса для дебюта г-жи Никулиной и г. Рябова была выбрана слишкомъ старая и шла въ началѣ спектакля для съѣзда. Молодые артисты, несмотря на это, все-таки сумѣли зарекомендовать себя съ самой хорошей стороны и изъ ничтожныхъ ролей сдѣлали все, что могли; исполненіе ихъ было живо, весело, свободно; они выказали даже достаточное знакомство со сценой. Г-жа Никулина при первомъ появленіи на сцену нѣсколько оробѣла, потомъ обошлась и держала себя мило, безъ малѣйшаго кокетства, что, признаться, мнѣ особенно понравилось въ ея игрѣ. Простота, доходящая до наивности, прямота чувства,—вотъ характеристическія черты игры дебютантки“. Первой серьезной ролью Н. А. на сценѣ Малаго театра была роль Липочки, въ комедіи того-же названія В. Острогорскаго, напечатанной въ журналѣ „Эпоха“, издаваемомъ М. М. Достоевскимъ и обратившей, благодаря своимъ несомнѣннымъ литературнымъ достоинствамъ, вниманіе критики. Комедія эта, несмотря на превосходную игру въ ней Никулиной, А. Акимовой, Садовскаго, Самарина, Дмитревскаго и Вильде, успѣха не имѣла. Вкусъ публики былъ испорченъ царившей на сценѣ Малаго театра мелодраматической шумихой и вновь нарождающейся „гражданской“ драмой и комедіею. Одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ того времени, въ шутливомъ письмѣ къ Е. Н. Васильевой, нашелъ одну общую форму, выражающуюся такимъ шутливымъ, въ тонѣ кухонныхъ руководствъ, совѣтомъ: „Возьми чистую дѣвушку, или женщину (дѣвушку лучше), поставь ее подъ сильный свѣтъ и дай нѣсколько подсохнуть. Затѣмъ возьми двѣ доли коварныхъ родственниковъ, одного невѣрнаго или сквернаго любовника (мужа или жениха) и половину (можно и больше, или меньше) благороднаго человѣка. Все это взболтай въ мутной либеральной жидкости и, не давая ей черезчуръ настаиваться, переливай изъ актовъ въ актъ, пока дѣвушка совсѣмъ не остынетъ; тогда хорошенько дай вскипѣть и не остуживая, неси къ россійской театральной публикѣ; причемъ необходимо подабавить побольше драматическихъ икотъ, рыданій, одну или двѣ истерики, чтобы публика не могла оцѣнить правдивую, вырванную цѣликомъ изъ жизни пьесу Острогорскаго“. Впрочемъ постановка на сценѣ Малаго театра комедіи Острогорскаго, не прошла незамѣтной въ печати. Князь Урусовъ (Александръ Ивановичъ) въ „Библіотекѣ для Чтенія“ о „Липочкѣ“, и о худо-

жественной въ ней игрѣ г-жи Никулиной, отозвался съ большею похвалою. Такой-же сочувственный отзывъ о пьесѣ и объ ея исполнителяхъ, въ особенности Никулиной, находимъ мы и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

Объ исполненіи порученной затѣмъ г-жѣ Никулиной болѣе или менѣе отвѣтственной роли Капитанши въ комедіи Турбина „Картинка съ натуры", сыгранной ею въ бенефисъ г. Черкасова въ 1862 г., въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ" А. Баженовъ писалъ, что г-жа Никулина „исполнила ее съ увлекательной искренностью, и что въ игрѣ ея прежде всего бросалось въ глаза отсутствіе притворнаго жеманства, чѣмъ на первыхъ порахъ спѣшатъ обзавестись обыкновенно актрисы. Ничего рутиннаго, никакихъ избитыхъ общихъ мѣстъ не было въ ея умномъ исполненіи, а дѣтская наивность и безхитростность сообщали ему особенную какую-то свѣжесть и живость. Необыкновенно свободно и легко жилось ей въ роли изображаемой ею молоденькой женщины, ребяческій мягкій характеръ которой она такъ прекрасно поняла. Съ какою ясностью и полнотою передала она всѣ маленькія огорченія, заботы и радости узкой будничной жизни этой молодой офицерши. Много задушевности и теплоты было въ дешевыхъ слезахъ ея и еще больше откровенности въ смѣхѣ. Вся роль отъ начала до конца была полна той милой любезности (sic), которая рѣдка и такъ хороша на сценѣ. Да не огорчается молодая артистка на то, что ее публика приняла не такъ какъ бы слѣдовало. Ея оцѣнка въ будущемъ. Дѣйствительно, первое время своей сценической карьеры, Надеждѣ Алексѣевнѣ приходилось исполнять однородныя, шаблонныя роли и только два раза пришлось появиться, за болѣзнью другой исполнительницы, въ роляхъ болѣе или менѣе благодарныхъ. Мы говоримъ о роли „Институтки", въ комедіи Дьяченко того же названія и роли Дашеньки въ комедіи А. Потѣхина „Мишура", для которой у ней нашлось все, что нужно: и молодость, и честный порывъ, и искренняя страсть.

Въ 1864 году въ бенефисъ г. Разсказова, Н. А. выступила въ роли „Вѣрочки" въ комедіи Островскаго „Шутники", объ исполненіи которой покойный маститый поэтъ А. Н. Плещеевъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ: „Болѣе свѣжести, правды, искренности намъ не случалось встрѣчать въ роляхъ наивной дѣвочки. Казалось, что г-жа Никулина не играетъ, но что она такая и есть въ самомъ дѣлѣ: ни одной фальшивой аффектированной нотки, ни тѣни рутины. Отъ всей души привѣтствуемъ да-

рованіе этой начинающей артистки. Каждая новая роль ея показываетъ, что она работаетъ надъ собой, учится, думаетъ, а это, право, такая рѣдкость, что невольно порадуешься этому явленію. Мы видѣли ее нѣсколько ранѣе этого спектакля, продолжаетъ А. Н., въ комедіи Корфа „Браслетъ", гдѣ она играла молоденькую женщину, только что вышедшую замужъ, которая по совѣту опытной тетеньки, чтобы выпросить у мужа браслетъ, притворяется, падаетъ въ обморокъ и плачетъ, а потомъ, разумѣется, въ раскаяніи падаетъ „къ ногамъ" мужа. Тотъ, поколебавшись минутъ съ пять, прощаетъ ее. Г-жа Никулина въ сценѣ, гдѣ она колеблется упасть опять-ли ей въ обморокъ или на колѣна — превосходна". Въ слѣдующемъ, 1865 г., Н. А. создаетъ роль Нади въ комедіи Вильде „Молодежь". Пьеса эта, послѣ двухъ представленій снятая со сцены Александринскаго театра въ Петербургѣ, имѣла громадный успѣхъ въ Москвѣ и, благодаря превосходному исполненію Н. А. вышеназванной роли, почти два сезона не сходила съ афиши. Въ томъ же сезонѣ Н. А. играетъ Машеньку, въ комедіи Дьяченко „Гувернеръ"; она удается ей настолько, что самъ авторъ пьесы сознался въ одной изъ своихъ критическихъ замѣтокъ: „я никогда и не воображалъ, чтобы можно было такъ хорошо и правдиво исполнить эту роль". Въ томъ-же году Н. А. получаетъ въ награду первый бенефисъ, который А. Баженовъ, въ газетѣ „Антрактъ" привѣтствовалъ слѣдующими строками: „Ни одинъ дебютъ не доставлялъ намъ такого удовольствія, какъ дебютъ молоденькой дѣвушки, воспитанницы театральной школы, которая лѣтъ пять тому назадъ очень мило, съ живостью, большою веселостью и умомъ, сыграла небольшую роль въ маленькомъ водевилѣ „Взаимное обученіе". Это была г-жа Никулина. Мы тогда поспѣшили подѣлиться нашими впечатлѣніями и высказали надежды, которыя, судя по первому дебюту, могли возлагать на дарованіе г-жи Никулиной. Мы не обманулись, надежды наши сбываются, если не сбылись. Г-жа Никулина имѣетъ за собою цѣлый репертуаръ ролей и сдѣлалась любимицей публики". Мы не будемъ останавливаться надъ ролями Сашеньки въ „Свѣтскихъ ширмахъ", В. Дьяченко, Любочки въ „Гражданскомъ бракѣ" Чернявскаго, сыгранныхъ Н. А. въ очередь съ Г. Н. Ѳедотовой; скажемъ только, что въ нихъ Н. А. оставалась на высотѣ своей задачи, равно какъ съ большимъ успѣхомъ сыграла она роль Наденьки въ комедіи В. Дьяченко, „Семейные пороги", написанную спеціально для нея, и Вѣрочки въ комедіи В. Острогорскаго

„Мгла“, пьесѣ, обладавшей, точно также какъ и его комедія „Липочка“, несомнѣнными литературными достоинствами, но мало сценичной, въ томъ узкомъ значеніи этого слова, въ какомъ понимаетъ его масса зрительной залы.

Объ участіи Н. А. въ пьесахъ классическаго репертуара мы упоминаемъ ниже, а здѣсь отмѣтимъ одно изъ лучшихъ ея сценическихъ созданій: роль Царицы Анны въ драмѣ Островскаго „Василиса Мелентьева“. „До этого времени, пишетъ въ своемъ отчетѣ А. Н. Плещеевъ, г-жа Никулина особенно хороша была въ роляхъ требующихъ живости, подвижности, а также и въ роляхъ наивныхъ дѣвочекъ. Въ „Василисѣ Мелентьевой“ она явилась въ драматической роли и сыграла ее превосходно. Особенно понравилась она намъ своей неподдѣльной искренностью; за сцену съ Малютой Скуратовымъ она единодушно была вызвана шесть разъ всѣмъ театромъ. Кромѣ того, г-жа Никулина едва-ли не единственная артистка на нашей сценѣ, обладающая мимикой. Черты лица ея, подвижныя и выразительныя, необыкновенно способны измѣняться сообразно изображаемой личности. „Весьма интересенъ отзывъ также этого писателя и знатока театральнаго дѣла, объ исполненіи въ томъ же сезонѣ Н. А. роли Красновой въ драмѣ Островскаго „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“. „Что сказать,—пишетъ онъ,—объ игрѣ г-жи Никулиной въ роли Тани, въ которой публика еще помнитъ свою любимицу Колосову? По нашему крайнему разумѣнію г-жа Никулина заслужила не такой холодный пріемъ, какимъ встрѣтила ее публика. Правда, Колосова очень хороша была въ „Тани“, но въ игрѣ была недостаточно простодушна. Краснова простенькая, немного глуповатая женщина; въ лицѣ же Колосовой видѣлось постоянно какое-то глуповатое выраженіе. Игра г-жи Никулиной въ продолженіе всей пьесы была очень правдива. Ни разу она не взяла фальшивой нотки, нигдѣ не сказалась рутина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли, артистка, какъ это часто бываетъ съ нею, обнаружила замѣчательную мимику. Мы уже не разъ замѣчали, что ни у одной изъ нашихъ артистокъ нѣтъ такой подвижной физіономіи, какъ у г-жи Никулиной. Въ сценѣ четвертаго дѣйствія, гдѣ мужъ допрашиваетъ Таню, мимика г-жи Никулиной не могла не обратить на себя вниманіе зрителя. Артистка не форсировала, чтобы придать своему лицу необычайное выраженіе, не прибѣгала она также къ этой вѣчной манерѣ актрисъ-рутинерокъ тяжело дышать, поднимая грудь; но на блѣдныхъ ея чертахъ читался весь ужасъ той внутренней драмы,

которая должна была происходить въ эту минуту въ душѣ Красновой. Сцена съ Бабаевымъ, послѣ которой Таня уходитъ отъ него разсерженная, но потомъ присылаетъ сказать, что придетъ на свиданье — была передана г-жею Никулиною до мельчайшихъ оттѣнковъ съ поразительной правдой, сказавшейся какъ въ интонаціи, такъ и въ жестахъ. Но даже въ этой сценѣ г-жу Никулину едва и едва вызвали. Какая же тому причина? Не то-ли, что наша публика черезчуръ привыкла къ искусственности, или что тонкая игра, не бьющая на эффектъ, не жертвующая сценическому эффекту жизненной правдой, не можетъ быть у насъ достойно оцѣнена большинствомъ?"

Покойный Островскій глубоко цѣнилъ талантъ Н. А. Для нея онъ написалъ нѣсколько ролей, изъ которыхъ роли: вдовы Лебедкиной („Поздняя любовь"), Насти Крутицкой („Не было ни гроша"), Поликсены („Правда хорошо, а счастье лучше"), Глафиры („Овцы и волки"), Купавы („Снѣгурочка"), Н. А. исполняла превосходно. Комедіи „Ваалъ", „Просвѣщенное время" (Писемскаго), „Гдѣ тонко, тамъ и рвется" (Тургенева) нашли отличную толковательницу въ лицѣ Н. А.; наконецъ, театръ Д. В. Аверкіева далъ возможность создать ей Варюшу (въ комедіи „Фролъ Скабѣевъ") и Глашу (въ драмѣ „Каширская старина"), въ которыхъ у ней до сихъ поръ нѣтъ соперницъ. Съ большимъ успѣхомъ Н. А. исполняла также роль Ульяны Вяземской, въ одинъ изъ своихъ бенефисовъ, въ трагедіи того-же автора. „Г-жа Никулина, читаемъ мы въ рецензіи Антропова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", какъ нельзя болѣе подходитъ къ Ульянѣ. Въ сильныхъ мѣстахъ своей роли она не стояла ниже своей задачи. Какъ трогательна была она въ сценѣ, когда узнаетъ отъ стараго своего слуги, что Юрій убилъ ея супруга, какъ трогательно молилась она за него, съ какой энергіею и экспрессіею провела она сцену обличенія Юрія! Однимъ словомъ, артистка имѣла въ трагедіи успѣхъ полнѣйшій". Очень удалась также Н. А. роль Лелечки въ „Блуждающихъ огняхъ", пьесѣ Л. Н. Антропова. Въ ней Н. А. имѣетъ одну только соперницу, М. Г. Савину. Попытка культивировать Шекспира и Кальдерона, иниціатива чего всецѣло принадлежала А. Баженову, сильно ратовавшему въ „Антрактѣ" за возстановленіе ихъ репертуара на сценѣ Малаго театра, прививалась весьма и весьма туго. Считаемъ при этомъ своимъ долгомъ замѣтить, что сѣмя, брошенное имъ, упало на добрую почву и пьесы классическаго репертуара (Шекспира, Шиллера, Гете, Мольера, Бомарше, Кальдерона и Лессинга) постепенно завоевывая вниманіе публики, заняли видное мѣсто.

Причина же ихъ слабаго успѣха при первоначальной постановкѣ въ Маломъ театрѣ объясняется тѣмъ, что онѣ ставились безъ всякой системы. По волѣ бенефиціанта на афишѣ изъ богатаго репертуара Шекспира и Кальдерона появлялись только однѣ ихъ комедіи, т. е. пьесы, полныя не столько образами, сколько очертаніями, которыя скорѣе, по замѣчанію Гервинуса, наброски, чѣмъ строго законченныя произведенія. Ставить-же трагедіи и драмы этихъ авторовъ, съ болѣе богатымъ содержаніемъ, въ которыхъ характеры ярко и рельефно очерчены, и которыя, несмотря на трудность исполненія, полны столькими достоинствами, что невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе публики, Малый театръ того времени не былъ въ состояніи: въ составѣ его труппы не значилось актера на трагическія роли и, единственный изъ нихъ, которому былъ по плечу репертуаръ подобнаго рода, К. Полтавцевъ, былъ на смертномъ одрѣ. Въ прощальный бенефисъ этого артиста, въ которомъ онъ самъ по болѣзни не участвовалъ, была поставлена комедія Шекспира „Все хорошо, что хорошо кончается" и въ ней Н. А. не безъ успѣха сыграла роль Діаны. Бажеповъ объ ея исполненіи пишетъ слѣдующее: „Г-жа Никулина очень недурно сыграла роль Діаны, изъ которой у нея вышла неглупая, скромная и добрая дѣвушка. Г-жа Никулина, всмотрѣвшись въ роль, очень хорошо поняла, что если Діана и впутывается въ интригу, такъ съ тѣмъ, чтобы помочь Еленѣ возвратить любовь ея мужа; но и прежде, и послѣ интриги она сохраняетъ нравственную чистоту, въ которой и она, и мать ея видятъ лучшее ихъ достояніе". Н. А. играла также Геро въ комедіи того же автора, „Много шуму изъ ничего", но роль эта, равно какъ и роль Причудницы въ пьесѣ того же названія Лопе-де-Вега, не удались ей... Зато она превосходно исполнила нѣсколько лѣтъ спустя роль Куикли въ „Виндзорскихъ проказницахъ". Театры Мольера, Бомарше и современнаго французскаго репертуара дали Н. А. нѣсколько выдающихся ролей. Роли: Туанетты въ „Мнимомъ больномъ", Дорины въ „Тартюфѣ", Пажа въ „Свадьбѣ Фигаро", Бомарше, врядъ-ли когда видали лучшее исполненіе; Жильберта въ извѣстной комедіи „Фру-фру", Мельяка и Галеви также очень удалась Н. А. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами на русской сценѣ Жильбертъ, Н. А. была самой лучшей. Ни у одной исполнительницы этой роли не было той непосредственности и симпатичности, которую проявляла въ ней Н. А. Комическія сцены роли, само собой разумѣется, должны были удасться ей: въ нихъ артистка была какъ рыба въ

водѣ, но драматическая часть роли: сцены объясненія съ сестрою, мужемъ послѣ дуэли и, наконецъ, сцена смерти исполнены ею были безподобно. Попытка Н. А. сыграть Бланшъ-де-Шель, въ извѣстной комедіи Октава Фелье „Сфинксъ" была тоже не безуспѣшна: она превосходно справилась съ этой трудной ролью, отмѣтивъ Бланшъ преимущественно, какъ натуру страстную, порывистую и пламенную. Можно также упомянуть о весьма удачномъ исполненіи Н. А. роли въ комедіи В. Крылова, передѣланной изъ пьесы Сарду „Яблоки сосѣда"—„Отъ преступленія къ преступленію" и комедіи Мельяка въ передѣлкѣ В. Родиславскаго „Она его ждетъ". Въ 1879 г. въ свой бенефисъ Н. А. появляется въ послѣдній разъ въ молодой роли, а именно, роли Вари въ комедіи Островскаго и Соловьева „Дикарка". Съ этого времени Н. А. только изрѣдка появляется въ нѣкоторыхъ своихъ коронныхъ роляхъ, и постепенно переходитъ на амплуа женщинъ среднихъ и пожилыхъ лѣтъ. Въ этомъ новомъ амплуа Н. А. осталась все той же умной, задушевной, талантливой артисткой, чуждой всякой аффектаціи, полной свѣжести, правды, жизни и простоты". 6-го декабря 1886 года Н. А. праздновала на сценѣ Малаго театра 25-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности, а 2-го февраля 1902 года удостоена званія заслуженной артистки Императорскихъ театровъ.

Марія Адріановна Дейша-Сіоницкая.

(Солистка Его Императорскаго Величества).

М. А. Дейша-Сіоницкая — уроженка города Чернигова. Родилась г-жа Сіоницкая (такова собственно дѣвичья фамилія артистки) 22-го Октября 1861 г. Отецъ ея былъ человѣкъ бѣдный и притомъ все свое время отдававшій на добываніе средствъ къ существованію своей многочисленной семьи. Вся обстановка, въ которой г-жа Сіоницкая провела свои дѣтскіе и отроческіе годы, была отнюдь не такова, чтобы давать должную пищу для развитія художественныхъ задатковъ будущей примадонны. Но талантъ побѣдилъ среду, и М. А. Сіоницкая добилась наконецъ того, что отецъ далъ ей немного денегъ, съ которыми она пріѣхала въ 1878 г. въ Кіевъ и стала брать уроки пѣнія въ мѣстномъ музыкальномъ Училищѣ по классу профессора Кравцова. Въ 1879 г. г-жа Сіоницкая поступаетъ въ петербургскую Консерваторію и въ качествѣ стипендіатки одинъ годъ занимается у г-жи Цванцигеръ, а потомъ переходитъ къ Эверарди. Лѣтомъ 1881 г. г-жѣ Сіоницкой пришлось какъ-то пѣть въ К***, въ кругу представителей лучшаго мѣстнаго дворянскаго общества. Юная талантливая консерваторка, обладавшая великолѣпнымъ голосомъ, такъ понравилась своимъ слушателямъ, что они, узнавъ о матеріальныхъ обстоятельствахъ своей новой знакомой, тутъ-же собрали 4.000 руб., которые были вручены будущей примадоннѣ на поѣздку заграницу для усовершенствованія въ пѣніи. Впослѣдствіи, когда г-жа Сіоницкая стала артисткой Императорскихъ театровъ, она выплатила свой долгъ лицамъ, помогавшимъ ей въ минуту жизни трудную. Спустя нѣсколько лѣтъ, дѣла одной изъ добровольныхъ жертвовательницъ пошли такъ скверно, что она не была въ состояніи запла-

тить проценты по заложенной въ банкѣ землѣ, и дворянское гнѣздышко должно было пойти съ молотка. Совершенно случайно узнала объ этомъ г-жа Сіоницкая и внесла слѣдуемую сумму въ банкъ, за нѣсколько минутъ до окончанія рѣшительныхъ торговъ. Такъ добрая заслуга, оказанная ближнему, была вознаграждена сторицей... Заграницей М. А. Сіоницкая училась въ Вѣнѣ у Маркези, а затѣмъ переѣхала съ нею въ 1882 году въ Парижъ. Въ 1885 году 24-го апрѣля состоялся дебютъ М. А. Сіоницкой въ С.-Петербургѣ, въ заглавной партіи оперы „Аида". Зачисленная послѣ дебюта въ составъ Петербургской Императорской оперной труппы, М. А. Сіоницкая прослужила тамъ восемь лѣтъ. Вскорѣ М. А. вышла замужъ за г. Дейша. Въ 1891 году состоялся переводъ г-жи Дейша-Сіоницкой въ Москву. Въ Большомъ театрѣ артистка дебютировала въ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ" въ партіи Татьяны. Петербургскій репертуаръ артистки состоялъ изъ 17 оперъ: Аида, Русалка, Мазепа, Русланъ и Людмила (Горислава), Евгеній Онѣгинъ (Татьяна и Ларина), Фрейшютцъ, Тангейзеръ, Робертъ, Мефистофель (Маргарита и Елена), Гарольдъ, Жизнь за Царя, Чародѣйка, Джіоконда, Нижегородцы (Ольга), Купецъ Калашниковъ, Снѣгурочка и Князь Игорь. Въ Москвѣ къ этому репертуару примадонны прибавились еще 19 оперъ: Пиковая дама, Африканка, Гугеноты, Алеко, Іоланта, Зигфридъ, Донъ-Жуанъ, Тушинцы, Дубровскій, Федулъ съ дѣтьми (Дунляша), Ночь подъ Рождество, Балъ-Маскарадъ, Макковеи (Клеопатра), Торжество музъ (Кліо), Ледяной домъ (Маріорица), Вѣра Шелога, Пиръ во время чумы и Валкирія (Брунгильда). Въ декабрѣ 1903 года М. А. удостоена высшей артистической награды — почетнаго званія заслуженной артистки Его Императорскаго Величества.

Николай Игнатьевичъ Музиль.

(Заслуженный артистъ Императорскаго Московскаго Малаго театра)

Сынъ фабриканта суконъ, Н. И. Музиль родился въ 1840 году, въ Москвѣ, на Чесменахъ, а въ 1848 году поступилъ въ извѣстный пансіонъ Стори, гдѣ, впрочемъ, пробылъ недолго: черезъ три года онъ уже былъ переведенъ пансіонеромъ въ первую московскую гимназію. Въ стѣнахъ этой гимназіи юбиляръ впервые выступилъ на сценическіе подмостки въ спектакляхъ, даваемыхъ воспитанниками гимназіи подъ руководствомъ извѣстнаго критика Ап. Григорьева. Тогда же у Н. И. Музиля зародилась мысль посвятить себя сценической дѣятельности, но мысли этой не скоро суждено было осуществиться. Судьба забросила Н. И. въ провинцію, откуда онъ вернулся только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и вернулся уже съ твердымъ намѣреніемъ осуществить свою давнишнюю мечту. Добиться дебюта на сценѣ Малаго театра было не легко, и Н. И. очень долго приходилось довольствоваться участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ нимъ игралъ и М. И. Писаревъ. Такъ прошло три-четыре года и только въ 1865 году 21 іюля Н. И. Музилю былъ данъ, наконецъ, дебютъ на казенной сценѣ театра въ Петровскомъ паркѣ; дебютировалъ Н. И. въ передѣланной съ французскаго комедіи, по выбору Дирекціи „Колечко съ бирюзой" въ роли Ивана.

Г. Музиль еще разъ на той же сценѣ съигралъ ту же роль Ивана а вслѣдъ затѣмъ спектакли въ театрѣ Петровскаго парка были прекращены навсегда: театръ былъ проданъ Дирекціей въ частныя руки. Дебюты Н. И. были признаны Дирекціей удачными, хотя лучшій изъ тогдашнихъ критиковъ, Бажановъ, видимо сильно возбужденный противъ

любительскихъ спектаклей и любителей, изъ среды которыхъ вышелъ дебютантъ, отозвался о немъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, замѣтивъ, что г. Музиль „вмѣсто камердинера Ивана, можетъ быть незамѣтно для самаго себя, сыгралъ покойнаго Васильева въ роли Ивана“ Н. И. Музиль въ январѣ 1866 года былъ оффиціально принятъ на Императорскую сцену „безъ жалованья“ и въ первый же годъ съигравъ около ста ролей,—между прочимъ, съ особымъ успѣхомъ роль Любена въ мольеровскомъ „Жоржѣ Данденѣ“ и роль Митрофанушки въ „Недорослѣ“, сразу завоевалъ себѣ почетное мѣсто на сценѣ Малаго театра. Въ то же время было исполнено и желаніе Бажанова: Н. И. проявилъ несомнѣнный талантъ и несомнѣнную способность къ самостоятельному творчеству; по поводу исполненія нашимъ юбиляромъ роли Митрофанушки, тотъ-же Бажановъ даетъ восторженный отзывъ.

Нелегко было тогда на сценѣ Малаго театра обратить вниманіе публики. Молодому артисту приходилось дѣлать свои первые сценическіе шаги среди такихъ артистовъ, какъ Шумскій, Самаринъ, Садовскій, Живокини, Никифоровъ, Дмитревскій, Полтавцевъ,—но и среди нихъ Музиль скоро становится замѣтнымъ и дѣлается однимъ изъ любимцевъ публики. Это должно служить лучшей характеристикой размѣра талантливости юбиляра. ● размѣрахъ его сценической дѣятельности за истекшую четверть вѣка, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ болѣе 450 исполненныхъ имъ отвѣтственныхъ ролей.

Поступивъ на сцену безъ жалованья, Н. И. Музиль въ настоящее время получаетъ 7.000 руб. въ годъ, а съ 1885 года—и пенсію за 20 лѣтъ, въ размѣрѣ 1.140 рублей. Николай Игнатьевичъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Въ 1870 году онъ женился на дочери выдающейся артистки Малаго театра В. В. Бороздиной—В. П. Бороздиной, бывшей тогда воспитанницей театральной школы. Талантливый, искренно любящій сцену, энергичный, любезный, всегда отзывчивый на все доброе и честное, Музиль пользовался большою любовью и уваженіемъ покойнаго А. Н. Островскаго: начиная съ 1872 года, новыя пьесы знаменитаго драматурга шли въ Москвѣ въ первый разъ всегда въ бенефисъ г. Музиля. Въ 1890 году Н. И. Музиль праздновалъ 25-лѣтіе своей артистической дѣятельности, а въ февралѣ 1903 г. удостоенъ званія заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ.

Николай Игнатьевичъ

Музиль.

Заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ.

Антонъ Ивановичъ Барцалъ.

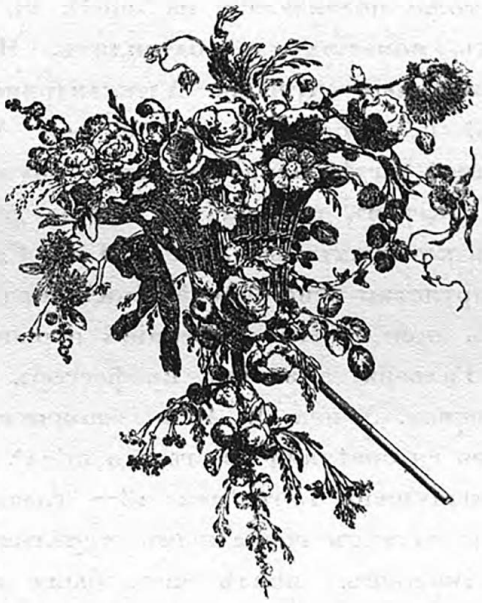
(Заслуженный артистъ Императорской московской оперы).

А. И. родился 25 мая 1847 г. въ городкѣ Чешско-Будеевице (Южная Богемія). Воспитывался онъ въ мѣстной гимназіи, но музыкальное образованіе получилъ въ Вѣнѣ, въ придворной оперной школѣ, куда поступилъ въ 1865 г. Директоромъ этой школы былъ Сальви, когда то знаменитый колоратурный теноръ, потомъ директоръ Императорской вѣнской оперы. Одной оперной школой А. И. однако не ограничился и посѣщалъ музыкально-декламаціонные классы профессора вѣнской консерваторіи Ферхтготъ-Товочовскаго, замѣчательнаго пѣвца-баритона. Въ качествѣ публичнаго исполнителя, А. И. выступилъ впервые 4 сентября 1867 г. въ концертѣ Большого Общественнаго Пѣвческаго Общества въ Вѣнѣ. Юный пѣвецъ обратилъ на себя вниманіе, несмотря на то, что въ тотъ же вечеръ игралъ незабвенный скрипачъ Лаубъ, для котораго главнымъ образомъ и съѣхалась публика. Результатомъ удачнаго концерта было приглашеніе А. И. дебютировать въ Пражской національной оперѣ, и дебютъ состоялся въ октябрѣ того же года въ „Велизаріѣ" Доницетти (партія Аламира). Дебютантъ имѣлъ успѣхъ (первый же речитативъ былъ биссированъ) и пріемъ его въ труппу былъ такимъ образомъ рѣшенъ. Три года пѣлъ А. И. на сценѣ Пражской оперы, успѣлъ себѣ составить разнообразный, большею частью классическій репертуаръ, но несмотря на постоянный успѣхъ, какимъ онъ пользовался, только къ концу третьяго года службы получилъ прибавку въ 1000 гульденовъ и 3 гульдена разовыхъ, до тѣхъ же поръ онъ получалъ всего 30 гульденовъ мѣсячнаго жалованья. Въ концѣ іюня 1870 года прибылъ въ Прагу извѣстный тогда своими русско-славянскими концертами кн. Ю. Н. Голицынъ. Прага приняла его самымъ радушнымъ и торжественнымъ образомъ. Между про-

чимъ ему была въ „Пражской бесѣдѣ“ устроена серенада превосходнымъ хоромъ любителей „Глаголъ“, подъ управленіемъ композитора Карла Бендля. Здѣсь принялъ участіе и А. И., и познакомилъ русскаго гостя съ народными чешскими пѣснями, которыя у него дѣйствительно выходили восхитительно. Кн. Голицынъ былъ въ восторгѣ и тутъ же, въ тотъ самый вечеръ, 29 іюня 1870 г. ангажировалъ А. И. на шесть недѣль для артистическаго путешествія съ нимъ по Россіи. А. И. въ Петербургѣ участвовалъ съ громаднымъ успѣхомъ въ концертахъ, устраиваемыхъ кн. Голицынымъ въ Павловскѣ.

Въ одномъ изъ этихъ концертовъ, его услышалъ В. А. Кологривовъ, основатель и директоръ музыкальнаго общества въ Кіевѣ. Участь А. И. была рѣшена: черезъ Кологривова онъ былъ приглашенъ кіевскимъ антрепренеромъ Бергеромъ въ тамошнюю оперную труппу. Передъ кіевской публикой А. И. выступилъ впервые въ третьемъ актѣ „Трубадура“, потомъ въ партіи Мазаніелло въ оперѣ „Фенелла“. Такъ началась его карьера въ Россіи. Въ лѣтніе сезоны 1873 и 1874 годовъ А. И. принималъ участіе въ одесской русской оперѣ, пользуясь тамъ не меньшей симпатіей, какъ и въ Кіевѣ, наравнѣ съ такими артистическими и вокальными силами, какъ г-жи Меньшикова, Лавровская, Крутикова-Раабъ, г.г. Никольскій, Орловъ, Корсовъ, Палечекъ,—съѣхавшимися лѣтомъ 1874 г. въ Одессу. Въ томъ же году, 4 октября, А. И. дебютировалъ на сценѣ петербургскаго Маріинскаго театра въ оперѣ „Фаустъ“ и былъ приглашенъ въ составъ труппы. Въ началѣ 1875 года, онъ снова въ Кіевѣ, и поетъ сезонъ въ тамошней оперной антрепризѣ г. Сѣтова. Черезъ годъ состоялось, однако, вторичное приглашеніе А. И. въ петербургскую оперу. Въ 1878 году А. И. почти одновременно съ Б. Б. Корсовымъ переведенъ въ труппу московскаго Большого театра. Съ 1878 г. А. И. служилъ въ Москвѣ непрерывно. Этой службѣ 4-го октября 1902 года исполнилось ровно 25 лѣтъ, и пожалованный званіемъ заслуженнаго артиста, А. И. простился съ Большимъ театромъ, гдѣ съ 1882 г. онъ былъ главнымъ опернымъ режиссеромъ, и гдѣ онъ оставляетъ по себѣ хорошую память, какъ добрый отзывчивый человѣкъ и хорошій товарищъ. Особенно обязаны ему оркестръ и хоръ, такъ какъ, по его энергичному ходатайству, проведена реформа объ увеличеніи жалованья хористамъ и оркестрантамъ. Какъ артистъ-пѣвецъ. А. И. Барцалъ много поработалъ на русской сценѣ, особенно въ первое десятилѣтіе своей службы. Въ его

репертуаръ входили теноровыя партіи очень многихъ оперъ. Изъ нихъ назовемъ Фауста, Берендея (Снѣгурочка), Сабинина (Жизнь за Царя), Миме (Зигфридъ), Элеазара (Жидовка), Альмавивы (Севильскій цирюльникъ), боярина (Нижегородцы), Финна (Русланъ и Людмила), князя (Русалка), Манрико (Трубадуръ), Мазаніелло (Фенелла), Трике (Евгеній Онѣгинъ) и др. Какъ искусный пѣвецъ, А. И. Барцалъ стоялъ всегда въ ряду первоклассныхъ артистовъ. Красивый и звучный голосъ его былъ прекрасно обработанъ, въ пѣніи всегда видна была строгая школа, музыкальность и художественное чувство. Помимо театральной дѣятельности А. И., отмѣтимъ его ежегодныя поѣздки въ Петербургъ для участія въ классическихъ ораторіяхъ. Въ пѣніи этого стиля, А. И. у насъ единственный спеціалистъ. А. И. извѣстенъ и какъ педагогъ: онъ состоялъ долгое время въ числѣ профессоровъ пѣнія въ училищѣ Московскаго Филармоническаго Общества.



Марія Александровна Славина.

(Солистка Его Императорскаго Величества).

Марія Александровна Славина, по мужу баронесса Медемъ, по своему происхожденію принадлежитъ къ артистической семьѣ. Отецъ ея, А. П. Славинъ, былъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія весьма замѣтнымъ дѣятелемъ петербургской Императорской труппы. Мать, Надежда Петровна, тоже подвизалась на сценѣ съ 1847 по 1867 годъ, участвуя въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Наконецъ ея сестра и оба ея брата были также актерами Александринскаго театра. М. А., родившаяся въ 1858 г., свое дѣтство провела въ Петербургскомъ Театральномъ училищѣ, гдѣ первоначально обучалась танцамъ до 16-лѣтняго возраста, а затѣмъ перешла на курсы драматическаго искусства, преподавателемъ которыхъ былъ тогда Н. И. Свѣденцовъ. Когда-же у будущей молодой артистки ясно опредѣлилось вокальное призваніе, для занятія съ ней былъ приглашенъ Дирекціей первоначально извѣстный преподаватель пѣнія Гальери, а затѣмъ профессоръ петербургской консерваторіи Н. А. Ирецкая. У нея М. А. и закончила свое музыкальное образованіе, пользуясь ея совѣтами два года и послѣ выхода изъ школы, откуда М. А. была выпущена 15-го мая 1877 года. Дебютировала она 17-го сентября 1879 года съ громаднымъ успѣхомъ въ оперѣ Верди „Аида", въ партіи Амнерисъ, послѣ чего была принята въ составъ оперной труппы, на весьма незначительный окладъ — всего 800 руб., который былъ вскорѣ ей увеличенъ до 1143 руб. и 53 руб. поспектакльной платы, и затѣмъ постепенно возрасталъ до получаемыхъ артисткою въ настоящее время 9000 рублей. Съ 14 мая 1897 г. къ нему прибавилась пенсія (за 20 лѣтъ) въ 1143 рубля, и наконецъ въ декабрѣ 1902 г. М. А.

Марія Александровна

Славина.

Солистка Его Императорскаго Величества.

была удостоена высшей артистической награды—званія солистки Его Императорскаго Величества.

М. А. Славина съ первыхъ своихъ сценическихъ шаговъ, благодаря своему дарованію, заняла одно изъ видныхъ мѣстъ въ петербургской оперѣ; съ каждымъ сезономъ репертуаръ даровитой артистки росъ, и въ настоящее время достигъ 48 оперъ. Цифра эта получитъ еще больше значенія, если принять во вниманіе разнохарактерность партій, исполняемыхъ ею (отъ Амнерисъ въ „Аидѣ" и „Орлеанской дѣвы" Чайковскаго, до Груни въ „Вражьей Силѣ" Сѣрова включительно) для чего требовался обширный и гибкій талантъ какъ вокальный, такъ и сценическій. Сдѣлавшись очень скоро любимицей публики, заслуженная артистка ни въ началѣ своей сценической дѣятельности, ни послѣ, никогда не прибѣгала къ искусственнымъ мѣрамъ, чтобы имѣть успѣхъ; она тихо и скромно себѣ завоевала симпатію публики, безъ рекламъ, заискиванія и пристегиванія своего имени ко всевозможнымъ благотворительнымъ концертамъ, что ей однако нисколько не помѣшало быть всегда очень отзывчивой къ нимъ и никогда не отказывать въ своемъ безвозмездномъ въ нихъ участіи. Вся дѣятельность этой артистки принадлежитъ Петербургу; внѣ его она появлялась всего три раза на концертной эстрадѣ и театральныхъ подмосткахъ: разъ пѣла она въ Москвѣ въ симфоническомъ Собраніи и два раза выступала на Харьковской оперной сценѣ. Артистическая скромность М. А. была по достоинству оцѣнена не только публикой и ея товарищами по сценѣ, но и всѣми почти музыкальными и художественными учрежденіями обѣихъ столицъ, явившимися въ лицѣ своихъ депутатовъ, въ Маріинскомъ театрѣ выразить свое привѣтствіе этой сценической художницѣ на празднованіе двадцатилѣтія ея славной дѣятельности. Въ этотъ день юбилярша блистательно доказала исполненіемъ четырехъ разнообразныхъ партій въ отрывкахъ изъ оперъ: „Аида", „Пиковая дама", „Карменъ" и „Самсонъ и Далила", что она, несмотря на свою четвертьвѣковую артистическую дѣятельность, можетъ еще увлекать долго своей художественной вокальной передачей партій и удивительной законченностью ролей. Какъ человѣкъ, Марія Александровна отзывчива, проста, доступна, не себялюбива и не было примѣра, чтобы она отказала кому нибудь въ просьбѣ или помощи.

Партіи, исполненныя М. А. Славиной въ продолженіе 25-лѣтія ея артистической дѣятельности.

1879 г. Аида (Амнерисъ) 17 сентября; Вражья сила (Груня) 14 ноября; Фаустъ (Зибель) 18 ноября; Ріенци (Адріано) 7 декабря.

1880 г. Майская ночь (Ганна) 9 января; Демонъ (Геній добра) 20 января; Рогнѣда (Изяславъ) 12 октября; Гугеноты (Урбанъ) 24 октября.

1881 г. Бронзовый конь (Пекки) 25 ноября; Борисъ Годуновъ (Ѳедоръ) 11 декабря.

1882 г. Снѣгурочка (Весна) 5 февраля; Севильскій цирульникъ (Розина) 13 октября.

1883 г. Кавказскій плѣнникъ (Маріамъ) 4 февраля; Орлеанская дѣва (Іоанна) 16 сентября; Лоэнгринъ (Ортруда) 11 ноября.

1884 г. Мазепа (Любовь) 9 февраля; Рогнѣда (Рогнѣда) 3 октября; Евгеній Онѣгинъ (Ольга) 19 октября.

1885 г. Карменъ (Карменъ) 30 сентября; Снѣгурочка (Лель) 29 ноября.

1886 г. Русланъ и Людмила (Ратмиръ) 31 августа; Гарольдъ (Гита) 11 ноября; Месть (Уберта) 22 декабря.

1887 г. Чародѣйка (Княгиня) 20 октября.

1888 г. Джіоконда (Лаура) 21 января; Русалка (Княгиня) 16 сентября; Жуанъ де-Теноріо (Зулема) 21 октября.

1889 г. Горюша (Горюша) 21 ноября.

1890 г. Князь Игорь (Кончаковна) 23 октября; Пиковая дама (Графиня) 7 декабря.

1891 г. Ромео и Джульетта (Стефано) 14 января; Іоаннъ Лейденскій (Фидесъ) 15 октября.

1892 г. Эсклармонда (Парсеида) 6 января.

1893 г. Сельская честь (Леля) 18 января; Джамилэ (Джамилэ) 6 декабря.

1894 г. Фальстафъ (Куикли) 9 января; Черное домино (Бригитта) 2 февраля.

1895 г. Орестейя (Клитемнестра) 17 октября; Рафаэль (Рафаэль) 13 декабря.

1896 г. Самсонъ и Далила (Далила) 19 ноября.

1897 г. Виндзорскія кумушки (г-жа Пэджъ) 13 февраля; Опричникъ (Морозова) 1 сентября.

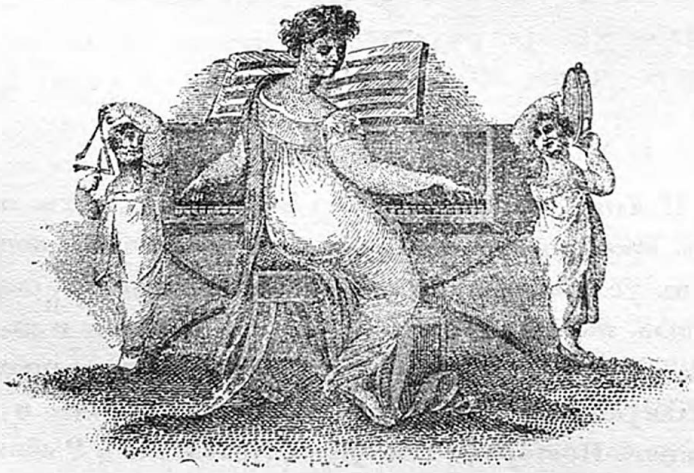
1898 г. Фераморсъ (Гафиза) 15 сентября.

1899 г. Юдиѳь (Авра) 14 марта.

1900 г. Валкирія (Фрика) 24 ноября.

1901 г. Садко (Нѣжата) 6 февраля; Царская невѣста (Любаша) 30 октября.

1902 г. Франческа да-Римини (Анджела) 26 ноября; Борисъ Годуновъ (Марина); Гибель боговъ (Вальтруда).



Первыя исполнительницы роли Авдотьи Максимовны въ комедіи А. Н. Островскаго „Не въ свои сани не садись“.

I.

Л. П. Косицкая.

Любовь Павловна Косицкая была крупный талантъ, но талантъ самородокъ. Она происходила изъ крѣпостного званія и почти ребенкомъ была отдана въ услуженіе къ одной барынѣ, съ которой она какъ то разъ случайно пошла въ Нижнемъ-Новгородѣ въ театръ, и съ этой минуты почувствовала къ нему такое влеченіе, что покинувъ родныхъ, поступила на провинціальную сцену, и скиталась по городскимъ и ярмарочнымъ театрамъ Нижняго-Новгорода, Костромы, Ярославля и Рыбинска. Сыгравъ весьма успѣшно во время одной изъ нижегородскихъ ярмарокъ съ гастролировавшимъ тамъ извѣстнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ Агату въ „Волшебномъ стрѣлкѣ“ и Надежду въ „Аскольдовой могилѣ“, Косицкая рѣшилась искать болѣе широкой среды для своей сценической дѣятельности и попробовать свои силы на сценѣ Московскаго театра, а для того, чтобы быть поближе къ ней, она заключила въ 1845 г. контрактъ съ антрепренеромъ Алексѣевымъ, державшимъ театръ въ Костромѣ, Ярославлѣ и Рыбинскѣ. По окончаніи сезона въ Рыбинскѣ она, Успенскимъ постомъ 1846 года, пріѣхала въ Москву. Ей было тогда всего 16 лѣтъ. Въ Москвѣ молодую дѣвушку на первыхъ порахъ встрѣтило полное разочарованіе. У нея не было тамъ никого знакомыхъ, кромѣ молодого актера Степанова, съ которымъ она познакомилась во время его гастролей въ Рыбинскѣ, но который и самъ въ то время былъ начинающимъ, не имѣвшимъ ни вѣсу, ни значенія въ московской Дирекціи актеромъ. Къ тому-же, управляю-

щаго конторой Императорскихъ театровъ Верстовскаго какъ разъ не было тогда въ Москвѣ, а онъ одинъ могъ разрѣшить дебютъ Любови Павловнѣ, положеніе которой день ото дня становилось болѣе критическимъ. Она все ожидала пріѣзда съ дачи Верстовскаго, израсходовала всѣ деньги, привезенныя ею въ Москву, и чтобы не умереть съ голода, должна была поступить въ качествѣ служанки въ семейство Степанова. Узнавъ отъ него, что Верстовскій пріѣхалъ, Косицкая рѣшилась прямо отправиться къ нему. На театральномъ подъѣздѣ ее встрѣтилъ Бантышевъ, единственное послѣ Степанова знакомое ей лицо въ Москвѣ; онъ проводилъ Л. П. къ Верстовскому; тотъ попросилъ ее спѣть арію изъ „Аскольдовой могилы" и, очарованный ея прекраснымъ голосомъ, помѣстилъ ее въ театральную школу. Въ школѣ Любовь Павловна провела два года въ классѣ учительницы пѣнія Остерманъ, готовясь въ оперу, но случай отнялъ эту артистку у лирической сцены и подарилъ ее драмѣ. По поводу этого Соловьевъ, бывшій режиссеръ драматической труппы Малаго театра и преподаватель драматическаго искусства въ Театральной школѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Постомъ 1847 года я готовилъ къ пріѣзду изъ Петербурга А. М. Гедеонова, директора театра, испытательный спектакль. Во время одной изъ репетицій, подошли ко мнѣ двѣ сестры Бороздины, воспитанницы школы, (впослѣдствіи бывшія долгое время украшеніемъ Малаго театра) и младшая изъ Бороздиныхъ, Евгенія, сказала мнѣ, что въ школу къ нимъ недавно поступила одна воспитанница, которую готовятъ въ оперу, но она хочетъ играть непремѣнно въ драмѣ. „Сдѣлайте одолженіе, просила Бороздина,—дайте ей какую-нибудь рольку". „Вслѣдъ затѣмъ, разсказываетъ Соловьевъ, — ко мнѣ подошла дѣвушка средняго роста съ прекрасными голубыми глазами и симпатичнымъ лицомъ.—„Какія вамъ роли больше нравятся? спросилъ я у нее. — Драматическія, отвѣтила мнѣ она, потупивъ взоръ и покраснѣвъ до ушей. — Знаете ли вы что-нибудь наизусть?—Знаю... Если угодно, я вамъ могу прочитать роль Микаэли, изъ драмы „Дочь короля Рене".—Хорошо, извольте читать.—И она начала. „Отъ робости-ли, или отъ неопытности, продолжаетъ Соловьевъ,—но она читала нехорошо; возвышала голосъ не тамъ гдѣ слѣдуетъ, останавливаясь на концѣ стиха, отъ чего терялся смыслъ и неправильно его произносила; но несмотря на это, я, прослушавъ ее въ продолженіи болѣе двадцати минутъ, ни разу не рѣшился остановить ее, такъ много звучало въ ея голосѣ чего-то удивительно хватающаго за душу. Эта дѣ-

вушка была Любовь Павловна Косицкая". Соловьевъ приготовилъ съ Л. П. для испытательнаго спектакля въ школѣ роль Маріи въ драмѣ „Материнское благословеніе", и она сыграла ее такъ хорошо, что въ началѣ осени 1847 года ей данъ былъ въ ней дебютъ на сценѣ Малаго театра. Дебютъ этотъ превзошелъ всѣ ожиданія. Косицкую закидали цвѣтами, такъ какъ въ то время букеты не подносили черезъ оркестръ, а кидали на сцену. Билеты на представленія „Материнскаго благословенія" брались съ боя. Суфлеръ Ермоловъ (отецъ Маріи Николаевны Ермоловой) написалъ водевиль, въ которомъ одинъ куплетъ кончался слѣдующими стихами въ честь дебютантки:

„Ее Мочаловъ самъ замѣтилъ
И на театръ благословилъ".

Поводъ къ этому куплету далъ слѣдующій случай. Мочаловъ, находившійся на гастроляхъ въ провинціи во время первыхъ дебютовъ Л. П., не видалъ Косицкой въ „Материнскомъ благословеніи". Онъ въ первый разъ встрѣтился съ нею въ Маломъ театрѣ, на репетиціи трагедіи „Коварство и любовь", пріѣхавъ прямо изъ Ярославля и не заѣзжая даже домой. Косицкая должна была играть роль Луизы, и Мочалову настолько понравилось чтеніе молодой артистки, что, подойдя къ ней, онъ поцѣловалъ ее и благословилъ, сказавъ, что будетъ играть съ ней роль Миллера, которая за его отсутствіемъ была поручена оперному пѣвцу, очень слабому актеру С. Сахарову. Мочаловъ прямо съ репетиціи отправился въ театральную контору заявить о своемъ пріѣздѣ и желаніи играть съ Косицкой роль Миллера. Верстовскій, протежировавшій Сахарову и не любившій Мочалова за его прямоту, отказалъ ему въ этомъ на томъ основаніи, что отпускъ Мочалова еще не кончился. Это такъ взбѣсило Мочалова, что онъ въ тотъ же день уѣхалъ обратно въ провинцію, откуда возвратился только уже въ 1848 году, незадолго до своей смерти...

Съ появленіемъ репертуара Островскаго, имя Косицкой заблистало рядомъ съ именами другихъ корифеевъ Малаго театра. Лучшими ролями въ театрѣ Островскаго у Косицкой были: Авдотьи Максимовны Русаковой („Не въ свои сани не садись"), вдовы Анны Ивановны („Бѣдность не порокъ"), Групи („Не такъ живи, какъ хочется"), Бѣлотѣловой („Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь"), Андригиной (въ другой части той же трилогіи „Свои собаки грызутся—чужая не приставай"). Л. П. была также довольно хорошей исполнительницей роли Катерины въ „Грозѣ". Пробовала она въ

Александра Матвѣевна

Читау.

одинъ изъ своихъ бенефисовъ сыграть роль Лизаветы въ „Горькой Судьбинѣ“, Писемскаго, но эта попытка была крайне неуспѣшна. О Косицкой сохранилась память, какъ объ одной изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и добрѣйшихъ женщинъ, когда-либо появлявшихся на сценическихъ подмосткахъ. У нея было золотое сердце. Оно-то и свело ее прежде времени въ могилу и заставило умереть въ крайней бѣдности, чуть не на соломѣ. Она скончалась въ Москвѣ 5-го сентября 1868 г. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего послѣдняго бенефиса, который совпадалъ со днемъ двадцатипятилѣтняго ея служенія при Московскомъ театрѣ. Публика, какъ бы чувствуя, что больше не увидитъ своей любимицы на сценѣ, переполнила театръ въ этотъ вечеръ сверху до низу, и кромѣ устроенной въ честь ея оваціи, поднесла Любови Павловнѣ цѣнный подарокъ съ надписью: „Л. П. Косицкой—отъ почитателей ея таланта и любителей драматическаго искусства“.

II.

Александра Матвѣевна Читау.

А. М. Читау начала свое драматическое поприще въ 1849 году 2-го ноября, дебютируя на сценѣ Александринскаго театра въ бенефисъ Г. Григорьева 1-го, въ извѣстной комедіи А. Грибоѣдова „Своя семья“, и съ перваго своего дебюта обратила на себя вниманіе публики. Заслуженная эта симпатія еще болѣе увеличилась въ 1853 году, 19 февраля, когда, на другой день послѣ прощальнаго бенефиса г-жи Самойловой 2-й, была поставлена въ первый разъ комедія А. Н. Островскаго: „Не въ свои сани не садись“. Пьеса эта еще болѣе упрочила любовь публики къ А. М. Еще полная воспоминаніями, о своей сценической утратѣ, публика, незнавшая кто можетъ замѣнить ей Самойлову 2-ю, вдругъ увидѣла передъ собою артистку съ талантомъ самобытнымъ, незнающимъ никакого подражанія, проникнутымъ задушевностью и чувствомъ, а главное необыкновенно естественнымъ и чисто русскимъ. Съ этихъ поръ А. М., постоянно стала занимать главное амплуа и выходила всегда побѣдительницей въ роляхъ самыхъ трудныхъ и разнообразныхъ.

„Г-жа Читау—новая утѣшительная звѣзда на русской сценѣ, и притомъ звѣзда первой величины“, писалъ про А. М. въ Пантеонѣ Ѳ. А. Кони,

послѣ перваго представленія „Не въ свои сани не садись". „Она создана на нашемъ театрѣ ролями г. Островскаго. Отличительныя свойства таланта г-жи Читау состоятъ въ особенности глубоко проникаться характеромъ роли, чувствовать искренно и выливать свои чувства симпатически, но просто, въ формы, совершенно чуждыя всякой театральности. Это—сама истина на сценѣ, безъ заученія движеній, безъ принятыхъ сценическихъ уловокъ. Въ органѣ ея есть звуки, доходящіе прямо до души. Если это постиженіе и естественность передачи самыхъ тонкихъ чувствъ человѣческой души въ г-жѣ Читау плодъ глубокаго изученія—то она великая художница; если это просто артистическій инстинктъ, дарованный свыше, инстинктъ въ родѣ Мочаловскаго, въ родѣ инстинкта Е. С. Семеновой и Мартынова, то, во всякомъ случаѣ, артистка эта—отрадное явленіе на сценѣ, потому что она въ состояніи дать совершенно новое направленіе театральному изученію характеровъ. Мы особенно высоко цѣнимъ на сценѣ художническія натуры, особенныя организаціи, одаренныя въ одно и тоже время нѣжной воспріимчивостью чувства и энергической способностью передавать каждый его оттѣнокъ. Натуры эти рѣдки, но тѣмъ болѣе надо дорожить ими. Къ такимъ-то именно натурамъ принадлежитъ г-жа Читау. До сихъ поръ мы считали ее только умной актрисой, съ толкомъ, съ тактомъ разрѣшающей заданную ей тему. Но она пока играла только роли лицъ—безъ образовъ, очертаній — безъ содержанія. Въ комедіяхъ Островскаго ей въ первый разъ попались живые человѣческіе элементы, и она изъ нихъ создала живыхъ людей, дышащихъ полною грудью, смыслящихъ, чувствующихъ и дѣйствующихъ по непремѣннымъ законамъ природы. Успѣхъ ея въ обѣихъ роляхъ, и въ неразборчивой купеческой дочкѣ (въ „Не въ свои сани не садись") и разборчивой барышнѣ (въ „Бѣдной невѣстѣ") былъ одинаково великъ и вполнѣ заслуженъ. Столько правды, столько типичности и столько женской натуры въ этихъ двухъ изображеніяхъ, что публика, несмотря на новизну такого рода игры, почувствовала всю эту истину и прелесть и громкими рукоплесканіями привѣтствовала новый, замѣчательный талантъ русской сцены, талантъ совершенно свѣжій и глубоко обаятельный. Г-жа Читау, съ прекрасной наружностью, крупными, но нѣжными и чрезвычайно подвижными чертами лица, соединяетъ голосъ звучный, пріятный, которымъ владѣетъ мастерски. Она обладаетъ весьма рѣдкимъ достоинствомъ между театральными дамами: говоритъ ясно, произноситъ слова внятно и дѣлаетъ правильныя ударенія, не глотая

гласныхъ буквъ. Въ отношеніи дикціи, она равняется единственной по этой части русской артисткѣ Е. Я. Сосницкой. Мы уже сказали, что она натуральна на сценѣ, стало быть, нечего прибавлять, что ея походка, пріемы и движенія не заучены, не придуманы, а просто необходимыя физическія слѣдствія внутренняго движенія. Оттого они такъ правдивы и эффектны".

Въ 1854 году А. М. Читау удалилась со сцены, выйдя замужъ за М. И. Огарева, владимірскаго предводителя дворянства и двѣнадцать лѣтъ не появлялась на ней, хотя и не разрывала окончательно связи съ театромъ, время отъ время появляясь на любительскихъ подмосткахъ и принимая самое живое участіе въ судьбахъ Владимірскаго театра, находившагося подъ ея дирекціей. Въ 1867 году вслѣдствіе крайне неблагопріятно сложившихся для нея семейныхъ обстоятельствъ, А. М. вновь поступила на сцену въ городской Виленскій театръ, антрепренеромъ котораго былъ ея мужъ М. И. Огаревъ, а затѣмъ въ 1868 году снова вошла въ составъ Императорской драматической труппы петербургскихъ театровъ, конечно перемѣнивъ амплуа драматической актрисы на роли свѣтскихъ женщинъ и кокетокъ, съ котораго она постепенно затѣмъ перешла на благородныхъ матерей и характерныя роли полукомическаго характера. Пріемъ А. М. былъ сдѣланъ блистательный и она вновь сдѣлалась любимицей публики, хотя въ игрѣ ея замѣтна была нѣкоторая дѣланность. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, выслуживъ полную пенсію, А. М. сошла со сцены, которую еще долго могла бы украшать своимъ дарованіемъ.

Роли, исполненныя г-жей Читау на Императорской сценѣ: Мирандолина; Наташа — „Своя семья"; Жюльетта — „Семейная драма"; Эмилія— „Клевета"; Олинька — „Поѣздка заграницу"; Кларисса — „Двѣ женщины противъ одного мужчины"; Лизавета Ивановна — „Сей домъ продается"; Курочкина — „Ночь на пескахъ". Сюзетта; Людмила — „За золотомъ въ Калифорнію"; Серафима—„Докторское предписаніе"; Евгенія—„Именины городничаго"; Адель — „Порывъ и Страсть"; Иванова — „Всякій шутъ Иванъ Ивановъ"; Лиза—„Притворная невѣрность"; Мальвина Нельская — „Талисманъ"; Елецкая—„Житейская школа"; Березина—„16 лѣтъ кокетка"; Зинаида — „Школа натурщицъ."; Ширина — „Воспоминаніе о Персіи"; Маша — „Бѣда отъ нѣжнаго сердца"; Маркиза — „Мельничиха въ Марли"; Александрина—„Заговорило рѣтивое"; Сесилія—„Дѣвичьи клятвы"; Софья

Ивановна — „Богатая старушка“; Тереза — „Двѣ Терезы“; Варенька — „Итальянскія наслажденія“; Марго—„Пятница“; Соничка — „Френологъ“; Акцея — „Карлъ XII“; Эммелина—„Старый мундиръ“; Цвѣткова — „Богатый холостякъ“; Луиза — „Много шуму“; Софья Павловна — „Горе отъ ума“; Корделія — „Король Лиръ“; Марія — „Замокъ Плесси Латуръ“ Матильда — „Женскій умъ“; Маріл „Елена Глинская“; Юлія — „Материнская любовь“; Фанни—„Клевета“; Нина—„Маскарадъ“; Леона—„Дамская война“; Зубкова — „Амишка“; Аделаида Павловна—„Сотрудники“; Корнелія—„Дѣдушка русскаго флота“; Авдотья Максимовна—„Не въ свои сани не садись“; Марья Андреевна — „Русская свадьба“; Марія — „Кораблекрушители“; Вероника—„Уголино“; Горинева — „Упрямство и настойчивость“; Катарина — „Венеціанская актриса“; Варвара — „Великодушіе“; Тереза — „Старая аристократія“; Люція Ламермурская: Лелія — „Любовь и предразсудокъ“; Дуняша — „ Мартинъ“; Марья Андреевна—„Бѣдная невѣста“; Наташа—„Дядюшка о трехъ ногахъ“; Наденька — „Кащей“; Люція—„Это былъ я“; Маша — „Бракъ при Петрѣ Великомъ“; Амалія — „Лейзевицъ“; Ольга Михайловна — „Праздникъ въ Севастополѣ“; Глафира Львовна — „Разлука“; Татьяна — „Маркитантка“; Скодзоне — „Бенвенуто Челлини“; Матрена — „Судъ людской“; Дуня — „Станціонный смотритель“; Валерія—„Деоклетіанъ“; Любовь Гордѣевна—„Бѣдность не порокъ“; Марѳа— „3-й бракъ Іоанна II“; Агнеса—„Отецъ и дочь“; Жанна—„Демонъ“; Селима— „Взятіе Казани“; Наташа—„Любовь, долгъ“; Груня—„Экипировался“; Наташа — „2-я часть Житейской школы“; Марья Андреевна — „Карьера“; Марья Алексѣевна — „Подвигъ матери“; Даша — „Не такъ живи какъ хочется“; Анна Демби — „Кинъ“; Лемтюгина — „Паутина“; „Василиса Мелентьева“; Мамаева — „На всякаго мудреца“; кн. Елена — „Матери соперницы“; Буланина—„Въ доброе время“; Людмила Васильевна—„Мѣщанская семья“; Соковнина—„Наканунѣ ссылки“ баронесса фонъ-Бацъ—„Заблудшія овцы“; Егорова—„Рѣшительная ночь“; Элиза—„Хижина дяди Тома“; кн. Хотовская—„Общее благо“; Поппея—„Неронъ“; Клара—„Защитницы Капитоліа“; Васильева—„Когда-бъ онъ зналъ“; Регана — „Король Лиръ“; Ольга — „Чужое имя“; Франциска — „Вѣчный жидъ“; Сара — „Бездна“; княгиня Рѣзцова — „Ошибки молодости“; Вельская — „Столичный воздухъ“; княгиня Цезанъ — „Ольга“: графиня де-Кассаньякъ—„Бабушка“; Гуслярова—„Семейная бѣда“; Ростовская—„Либералъ“; княгиня Барская— „Я буду васъ имѣть въ виду“; Виницкая—„На хлѣбахъ“; Зинаида Михай-

А. М. Читау.

Въ роли Фрошаръ (Двѣ сиротки).

Съ фотографіи Бергамаско 1879 года.

ловна—„Приданое современной барышни“; Гурмыжская—„Лѣсъ“; Орлинская — „Прежде маменька“; Курдюкова — „Каково вѣется“; Жанна — „Ограбленная почта“; баронесса д'Обиньи—„Дитя“; Катерина Петровна — „Противъ теченія“; Крутицкая — „Не было ни гроша“; Софья Львовна— „Старый баринъ“; Бляхина — „Это мой маленькій капризъ“; Ястребова — „Ангелъ доброты“; Сара—„Воровка дѣтей“; г-жа Жерди—„Дѣло Леружъ“; Полозова — „Серебряная свадьба“; графиня де-Бланжи — „15-ти-лѣтняя вдовушка“; Градищева—„Злоба дня“; Графиня--„Графъ Говорлинъ“; г-жа Вернье—„Парижскіе нищіе“; г-жа Бонаръ—„Два отца и два купца“; Потрохова — „Трудовой хлѣбъ“; графиня Вильморъ — „Бабушка и внучка“; Сохачова — „Неожиданный переворотъ“; Фрошаръ — „Двѣ сиротки“; Сбоева — „Мертвая петля“ Мавра — „Въ осадномъ положеніи“; баронесса Рютлингъ — „И крылья есть“; Мурзавецкая — „Волки и овцы“; Аналія — „Забубенная головушка“; Айдарова—„Чья правда“; Бородавкина—„Виноватая“; Марья Яковлевна—„Богатырь вѣка“; Тереза—„За монастырской стѣной“; Барабанова—„Правда хорошо“; Посадница—„Посадникъ“; Засухина— „Не такъ страшенъ чортъ“; Сахарова — „Сообщники“; Чукушина — „Безъ вины виноватые“; Ласточкина—„Наслѣдство мужа“; Коробочка — „Мертвыя души“; Квашнина—„Выгодное предпріятіе“; Сандырева—„Счастливый день“; Глафира Фирсовна — „Послѣдняя жертва“; Бѣлугина — „Женитьба Бѣлугина“; Матрена Захарьевна—„Откуда сыръ боръ“; Марья Петровна—„Паутина“; Стружкина — „Въ средѣ расчетливыхъ людей“; г-жа Дюранъ — „Дочь адвоката“; Огудалова—„Безприданница“; Горина — „Дитя несчастья“; г-жа Фуршамбо — „Старшій братъ“; г-жа Тревичъ — „Старая пѣсня“; графиня де-Бюссе — „Жена убійцы“; Трувильская — „Домовой шалитъ“; Улита Прохоровна—„Шутники“; Озарина—„Семья Жирцовыхъ“; Алекина—„Нищіе духомъ“; Марковну—„Капризница“; Ашметьева — (мать) „Дикарка“; Варвару Петровна—„Второй бракъ“; Поспѣлова—„Нашъ другъ Неклюжевъ“; Каурова — „Завтракъ у предводителя“; Скомова — „Поздній расцвѣтъ“; графиня Хрюмина — „Горе отъ ума“; Барыня — „Гроза“; Любовь Михайловна — „Фофанъ“; Липочка — „Карьеристъ“; Жозефина — „Жизнь прожить не поле перейти“; Потачкина — „Однимъ грѣхомъ болѣе“; Хвостова — „Шалость“; Сарытова — „Блажь“; Пошлепкина — „Ревизоръ“; Анна Львовна—„Вакантное мѣсто“.

А. П. Щепкина,

артистка московскаго Малаго театра.

(По поводу 25-тилѣтія ея оценичеокой дѣятельности).

15-го ноября 1902 г. исполнилось 25-лѣтіе сценической дѣятельности А. П. Щепкиной, внучки знаменитаго артиста. Артистическую свою карьеру А. П. начала въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Павловскѣ (подъ Петербургомъ) въ антрепризѣ покойнаго А. Ѳ. Ѳедотова, а затѣмъ дебютировала въ бенефисѣ Г. Лентовскаго въ роли Любочки, въ небольшой комедіи: „Съ благонамѣренной цѣлью", послѣ чего была зачислена въ труппу Малаго театра. Сценическая дѣятельность А. П. была посвящена водевильному репертуару, небольшимъ одноактнымъ пьескамъ, которыя она весело и бойко разыгрывала. Александра Петровна была замужемъ за С. А. Черневскимъ, извѣстнымъ режиссеромъ московскаго Малаго театра.

М. К. Третьяковъ-Стрѣльскій.

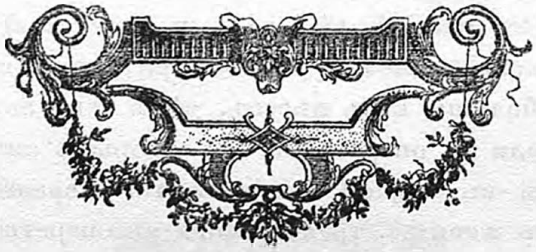
Некрологъ.

† 14 ноября 1902 г.

Михаилъ Кузьмичъ Третьяковъ-Стрѣльскій принадлежалъ къ артистической семьѣ. Отецъ его, Кузьма Васильевичъ Третьяковъ, былъ заслуженный артистъ московскихъ и петербургскихъ театровъ, гдѣ не безъ успѣха несъ амплуа резонеровъ и злодѣевъ. М. К. родился въ Петербургѣ въ 1844 году, воспитывался въ одной изъ гимназій, гдѣ курса не кончилъ, увлекшись театромъ. Къ поступленію на сцену готовилъ его Н. Н. Куликовъ, бывшій режиссеромъ петербургскихъ театровъ, въ семьѣ котораго онъ почти выросъ. На сценѣ М. К. выступилъ въ первый разъ въ Москвѣ, въ декабрѣ 1864 года, въ извѣстной опереткѣ „Кетли", такъ какъ обладалъ очень недурнымъ баритономъ, въ роли де-Сенвиля. Онъ понравился больше, какъ пѣвецъ, чѣмъ какъ актеръ, а потому ему стали поручать роли въ оперетткахъ, въ которыхъ онъ пѣлъ, между прочимъ роль Париса въ модной опереткѣ того времени Зуппе: „Десять невѣстъ, ни одного жениха", трактирщика въ опереткѣ Адама „Глухой", Корнеліуса въ „Нюрнбергской куклѣ" того-же композитора и многія другія *). Чувствуя, что въ Москвѣ трудно занять видное амплуа въ труппѣ Малаго театра, которая блистала тогда дѣйствительно выдающимися артистами, М. К. принялъ весьма выгодный ангажементъ въ провинцію, сдѣланный ему І. Я. Сѣтовымъ, съ которымъ онъ и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ прослужилъ два года, женившись тамъ на извѣстной пѣвицѣ

*) М. К. были поручены на сценѣ Малаго театра всего только три отвѣтственныя роли: Хорькова (Бѣдная невѣста), Васи (Горячее сердце) и Зайчикова сына (Мишура) которыя онъ сыгралъ безъ особеннаго успѣха.

Воячко. Въ Кіевѣ молодой артистъ участвовалъ не только въ драмахъ, но и пѣлъ также вторыя баритонныя партіи въ операхъ; благодаря совѣтамъ І. Я. Сѣтова голосъ его настолько развился, что по окончаніи контракта въ Кіевѣ ему предложено было самарскимъ антрепренеромъ поступить къ нему въ театръ на первыя опереточныя партіи. Онъ съ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ, несъ это амплуа въ большихъ театральныхъ центрахъ Волги и юга Россіи, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ амплуа сначала jeune premier, а затѣмъ перваго резонера и актера на характерныя роли. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, М. К. вновь поступаетъ на Императорскую сцену, уже не въ Москву, а въ Петербургъ, но остается тамъ недолго. Соскучившись своимъ бездѣйствіемъ въ Александринскомъ театрѣ, М. К. снова ѣдетъ въ провинцію, гдѣ до самой смерти занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Послѣдніе шесть сезоновъ, М. К. съ успѣхомъ подвизался на сценѣ Виленскаго театра, которую заставилъ его покинуть въ 1898 году прикованнаго его къ постели на два года, тяжкій недугъ. М. К. умеръ въ Петербургѣ въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ 14-го ноября 1902 года.



Ольга Эдуардовна Шредеръ.

Некрологъ.

† 31 марта 1902 г.

Ольга Эдуардовна Шредеръ (по мужу Направникъ) родилась въ С.-Петербургѣ 14-го августа 1844 года. Воспитаніе получила она въ Театральномъ Училищѣ, гдѣ обучалась пѣнію у профессоровъ Вителяро и Риччи и фортепіанной игры у Дрейшока; дебютировала она въ Русской оперѣ, будучи еще воспитанницей Училища 26-го августа 1863 года. Объ этомъ дебютѣ въ журналѣ „Якорь" извѣстный композиторъ А. Сѣровъ писалъ слѣдующее:

„Блистательное представленіе превосходнаго созданія Глинки 26-го августа нынѣшняго года должно быть отмѣчено капитальною чертою въ лѣтописяхъ русской оперы, гдѣ „Жизнь за Царя" вообще играетъ столь важную роль. Уже нѣсколько времени (т. е. съ начала нынѣшняго лѣта) до приверженцевъ русской оперы доносились отрадные слухи, что для сцены Маріинскаго театра готовится новый и притомъ „настоящій" контральто. Ольга Шредеръ еще пансіонерка Императорскаго театральнаго училища, ей только 19-й годъ. Контральтовый голосъ, для своего полнаго развитія, требуетъ нѣсколько большей зрѣлости и въ самомъ возрастѣ. Но юность—хотя бы даже излишняя — небольшая еще помѣха въ роли отрока Вани, и особенно въ соединеніи съ прелестною наружностью и самымъ счастливымъ отъ природы звукомъ голоса. Недостатки въ пѣніи Ольги Шредеръ конечно есть и даже значительные, но—право—невозможно обращать на нихъ вниманіе при такихъ великолѣпныхъ задаткахъ чарующаго голоса и симпатичной оживленной игры — невозможно замѣчать мелочи, при полномъ обаяніи отъ расцвѣта передъ нами

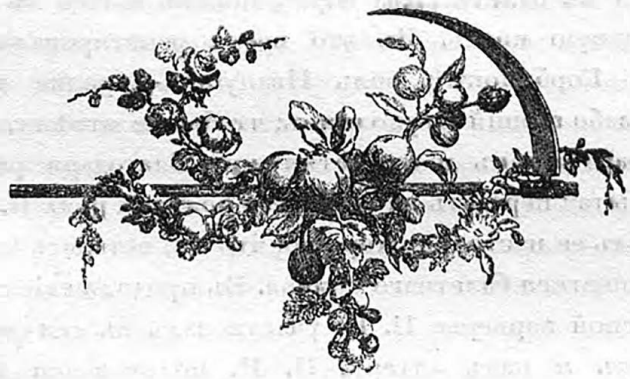
рѣдко-даровитой, истинно художественной натуры! Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Ольги Шредеръ чувствуется ея призваніе къ театру. Она родилась для сцены, оттого съ первыхъ шаговъ на ней, какъ у себя дома. Даже робость—столь понятная въ молодомъ существѣ передъ пытливыми взорами тысячеглавой гидры — публики, даже эта робость, которую иногда самые опытные артисты не могутъ вполнѣ преодолѣть, въ нашей дебютанткѣ поглощена тѣмъ чувствомъ наивнаго спокойствія, самоувѣренной простоты, которое дается въ удѣлъ только призваннымъ художникамъ. Сценическая иллюзія вообще—не бездѣлица, тѣмъ менѣе въ пьесѣ, которая такъ небогата драматическими положеніями и увлекательнымъ ихъ сплетеніемъ. Любоваться надо было нашимъ новымъ Ваней съ самой первой сцены. И пѣсенка о птенчикѣ пропѣлась въ увлекательной наивностью—и дуэтъ съ Сусанинымъ прошелъ совсѣмъ исправно и даже съ одушевленіемъ—и въ квартетѣ чистый контральтовый тембръ завоевалъ себѣ опять настоящее мѣсто. Но—апогеемъ исполненія г-жи Шредеръ на этотъ разъ была сцена передъ воротами Ипатьевскаго монастыря—она послужила самымъ вѣрнымъ залогомъ для великихъ будущихъ торжествъ г-жи Шредеръ въ области сильно-драматическаго пѣнія. Это, впрочемъ, отчасти уже въ свойствѣ истинныхъ контральтовъ! Контральто органъ или для обаятельнаго, мечтательнаго, убаюкивающаго грезами лиризма, или для могучей страстности, для взрывовъ паѳоса. Каждый женскій голосъ въ минуту патетическаго выраженія долженъ перейти въ контральтовый регистръ. Слѣдовательно паѳосъ—истинная область контральта. Самый костюмъ Ольги Шредеръ въ этой эффектной сценѣ рѣзко выдавался отъ прежнихъ, по штату положенныхъ, форменно-ямщицкихъ кафтанчиковъ съ галунчиками и позументиками. Нынче мы видѣли Ваню въ настоящемъ, овчинномъ полушубкѣ, какъ и подобаетъ костромскому деревенскому мальчику въ морозную ночь. Ну, да это совсѣмъ другой вопросъ. Къ эпилогу голосъ юной дебютантки успѣлъ уже нѣсколько утомиться и знаменитое изумительно-геніальное тріо „Ахъ, не мнѣ бѣдному“ неимѣло еще всего того эффекта, котораго мы въ правѣ ожидать отъ Ольги Шредеръ впослѣдствіи“. На сценѣ О. Э. Шредеръ оставалась 21 годъ. Она покинула службу въ русской оперѣ 20-го августа 1884 года, исполнивъ въ Маріинскомъ театрѣ 30 партій въ 26 операхъ. Она пѣла въ „Жизни за Царя“ (Ваню); „Мартѣ“ (Нанси); „Русланѣ и Людмила“ (Ратмира и Наину); „Рогнѣдѣ“ (Изяслава и Скульду); „Русалкѣ“ (Княгиня);

Ольга Эдуардовна

Шредеръ.

† 31 марта 1902 г.

„Линдѣ“ (Пьеро); „Травіатѣ“ (Флору); „Нижегородцахъ“ (Ксенію); „Вражьѣ силѣ“ (Афимью); „Проданной невѣстѣ“ (Людмилу); „Аскольдовой могилѣ“ (Буслаевну); „Гугенотахъ“ (Придворную даму); „Карлѣ Смѣломъ“ (Эдвигу); „Псковитянкѣ“ (Перфильевну): „Фаустѣ“ (Марту); „Ермакѣ“ (Лину); „Борисѣ Годуновѣ“ (Мамку Ксеніи); „Опричникѣ“ (Захарьевну); „Демонѣ“ (няню Тамары); „Анджело“ (Дафну); „Маккавеяхъ“ (Рабыню Клеопатры); „Тѣни воеводы“ (пріѣзжую на водахъ); „Бронзовомъ конѣ“ (Ло-Мангелли); „Риголетто“ (Джіованну); „Майской ночи“ (Мачеху); „Купцѣ Калашниковѣ“ (сосѣдку); „Тарасѣ Бульбѣ“ (католическую монахиню); „Снѣгурочкѣ “(Бобылиху). Наиболѣе успѣшными ролями въ ея репертуарѣ можно считать партіи: Вани, Ратмира, Княгини, Изяслава, Ксеніи (Нижегородцы) Нанси и Пьеро. О. Е. скончалась 31-го марта 1902 года; погребена она въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Покойная была замужемъ за Э. Ѳ. Направникомъ, капельмейстеромъ русской оперы.



Н. И. Троицкій.

Некрологъ.

† 11 сентября 1902 г.

Н. И. Троицкій родился въ С.-Петербургѣ въ 1837 году, воспитывался въ петербургскомъ Театральномъ училищѣ. Въ 1854 году онъ былъ выпущенъ изъ него въ балетную труппу, занявъ въ ней, весьма неохотно, амплуа перваго танцовщика, такъ какъ, обладая несомнѣннымъ комическимъ талантомъ, который онъ проявилъ на школьныхъ спектакляхъ, тяготѣлъ къ драмѣ и если бы не случай, можетъ быть, ему никогда не удалось бы обнаружить истинное свое призваніе. Въ 1864 г. Т. А. Стуколкинъ, танцуя въ балетѣ „Два вора", попавъ ногою въ рейку, переломилъ себѣ берцовую кость. Въ это время репетировали балетъ Сенъ Леона „Конекъ Горбунокъ"; роль Иванушки-Дурочка долженъ былъ играть въ немъ заболѣвшій Стуколкинъ; чтобы не отмѣнять балета, представленіе котораго и такъ долго затянулось благодаря репетиціямъ, рѣшили „ввидѣ опыта" передать на время его болѣзни роль Н. И. Троицкому, но онъ исполнилъ ее настолько хорошо, что она осталась за нимъ, создавъ ему славу выдающагося балетнаго комика. Въ продолженіе своей тридцатилѣтней сценической карьеры, Н. И. участвовалъ въ семидесяти балетахъ, какъ танцовщикъ и какъ актеръ. Н. И. пользовался также большой популярностью, какъ учитель бальныхъ танцевъ, которые онъ преподавалъ почти во всѣхъ корпусахъ и оставилъ послѣ себя цѣлую сотню учениковъ. Н. И. умеръ въ Петербургѣ въ 1902 году, 11 сентября отъ туберкулеза въ легкихъ. Похороненъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

Ѳедоръ Игнатьевичъ Стравинскій,

заслуженный артистъ, пѣвецъ русской оперы.

† 21 ноября 1902 г.

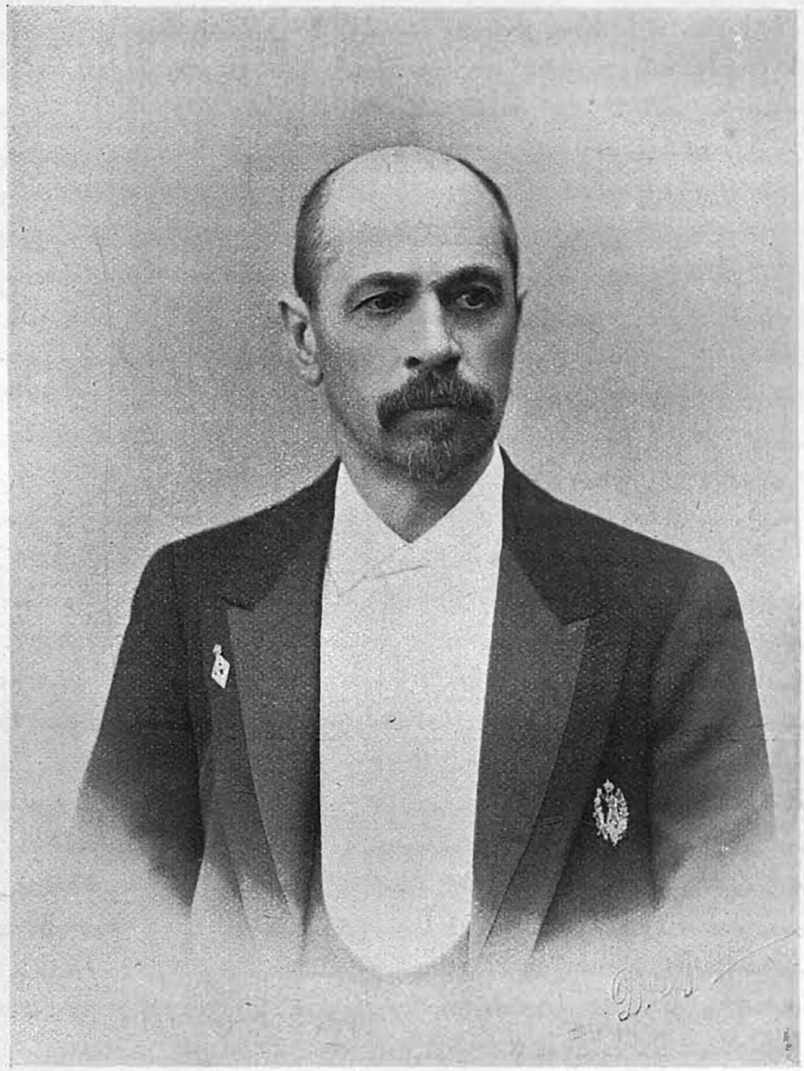
21-го ноября 1902 г. русская Петербургская опера осиротѣла: не стало виднаго представителя строго-художественнаго исполненія—Ѳ. И. Стравинскаго, память о которомъ не исчезнетъ никогда и слава о созданныхъ этимъ артистомъ образовъ будетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ѳ. И. Стравинскій происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи. Родился 8 іюня 1834 года въ Черниговской губерніи и раннее дѣтство свое провелъ въ деревнѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Мозырскомъ (Минской губ.) Дворянскомъ пансіонѣ и Мозырской прогимназіи, и уже здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе, благодаря своему голосу, такъ какъ принималъ участіе въ гимназическомъ хорѣ, пѣвшемъ въ мѣстномъ соборѣ, и своимъ выдающимся исполненіемъ привлекалъ многихъ слушателей. Изъ Мозырской гимназіи онъ былъ переведенъ въ Нѣжинскую гимназію, по окончаніи которой поступилъ въ Кіевскій Университетъ св. Владиміра, а впослѣдствіи перешелъ на послѣдній семестръ въ бывшій Юридическій лицей (Нѣжинскій) кн. Кушелева-Безбородка, гдѣ и окончилъ курсъ юридическихъ наукъ по первому разряду въ 1869 г.

По окончаніи лицея, Ѳ. И. пріѣхалъ въ Петербургъ, предполагая поступить на службу и заниматься музыкой лишь между прочимъ. Но тутъ онъ познакомился съ извѣстными въ то время выдающимися музыкальными дѣятелями Вильбоа и Кологривовымъ (они вмѣстѣ съ Рубинштейномъ были основателями Русск. Имп. Музыкальнаго Общ. и Консерваторіи) и это знакомство рѣшило дальнѣйшую судьбу Ѳ. И. Они обратили

вниманіе на его голосъ и будущій пѣвецъ, поддавшись своему влеченію къ искусству и ихъ совѣтамъ, и заручившись рекомендательными письмами къ представителямъ консерваторіи, въ томъ же году поступилъ туда, гдѣ, пробывъ 4 года и занимаясь подъ руководствомъ лучшихъ въ то время и извѣстныхъ профессоровъ Віардо, Репетто, Ниссенъ-Саломонъ и Эверарди, окончилъ курсъ въ 1873 г. Въ томъ-же году, прямо съ консерваторской скамьи, Ѳ. И. былъ приглашенъ на кіевскую оперную сцену, гдѣ и дебютировалъ съ огромнымъ успѣхомъ 11 сентября 1873 г. въ роли Мефистофеля въ оперѣ „Фаустъ".

Въ Кіевѣ онъ прослужилъ 3 года (сперва у Бергера, а затѣмъ у Сѣтова). Въ первый же годъ, служа у Бергера, онъ пѣлъ лѣтній сезонъ въ Одессѣ. Весною 1876 года Ѳ. И. былъ приглашенъ въ Петербургъ на Императорскую сцену, гдѣ 18 и 23 апрѣля дебютировалъ въ Маріинскомъ театрѣ въ Фарлафѣ и Мефистофелѣ. Съ этого времени онъ до конца жизни оставался на Императорской сценѣ. За 25 лѣтъ своего служенія на Имп. сценѣ Ѳ. И. былъ Высочайше пожалованъ въ званіе заслуженнаго артиста и сдѣланъ пожизненнымъ членомъ Имп. Русск. Оперы. Всего на сценѣ онъ былъ 29½ лѣтъ. (3 года въ Кіевѣ и 26½ въ Петербургѣ).

Ѳ. И. съ первыхъ шаговъ на сценѣ сдѣлался однимъ изъ главныхъ и незамѣнимыхъ дѣятелей русской оперы. За 26 лѣтъ своего пребыванія въ Маріинскомъ театрѣ, онъ участвовалъ въ 59 самыхъ разнообразныхъ операхъ, изъ которыхъ 31 принадлежитъ русскимъ композиторамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ исполнялъ даже по двѣ партіи. Голосъ Ѳ. И. представлялъ собою настоящій basso cantante, одинаково звучный во всѣхъ регистрахъ, прекрасно разработанный, и пѣніе Ѳ. И., отличавшееся замѣчательной музыкальностью, всегда носило на себѣ печать полной художественной законченности. Но не вокальное исполненіе поставило Стравинскаго на исключительную высоту, — хорошихъ пѣвцовъ на русской сценѣ много было и до него, — а тотъ изъ ряду вонъ выходящій драматическій талантъ, которымъ былъ надѣленъ этотъ пѣвецъ и который помогъ ему опрокинуть царствовавшую до того на оперныхъ подмосткахъ рутину. Онъ былъ новаторомъ въ оперномъ искусствѣ, такъ какъ больше, чѣмъ кто-либо другой, доказалъ, что въ оперѣ мало только хорошо пѣть, но можно и должно заботиться о художественномъ воплощеніи сценическихъ образовъ. И онъ далъ цѣлую галлерею яркихъ, незабываемыхъ типовъ. Каждая роль изучалась имъ до мельчайшей подроб-



Өедоръ Игнатьевичъ

Стравинскій.

† 21 ноября 1902 г.

ности; всякое свое сценическое созданіе онъ вынашивалъ въ атмосферѣ исторіи и изобразительныхъ искусствъ, пока оно не являлось отвѣчающимъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ научной и художественной критики. Въ этомъ ему помогало то счастливое обстоятельство, что, будучи тонкимъ знатокомъ искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, онъ таилъ въ себѣ необыкновенную, фанатическую любовь къ книгамъ и гравюрамъ, собирая которыя всю жизнь, постепенно составлялъ себѣ грандіозную библіотеку. Такимъ образомъ у него всегда былъ подъ руками обширный матерьялъ, служившій необходимымъ подспорьемъ для созданія вполнѣ законченныхъ сценическихъ образовъ. Многія изъ старыхъ знаменитыхъ басовыхъ партій получили новую окраску въ исполненіи Стравинскаго и новую полную художественную жизнь. Много создано имъ и чисто русскихъ, до него не существовавшихъ на сценѣ, типовъ, крайне разнообразныхъ и своеобразныхъ. Еремка во „Вражьей силѣ" Сѣрова, Панасъ въ „Ночи передъ Рождествомъ" Н. А. Римскаго-Корсакова, Голова въ „Майской ночи" того-же композитора, Скула въ „Князѣ Игорѣ" Бородина, Дуда въ „Садко" Римскаго-Корсакова, Фарлафъ въ „Русланѣ", Іоаннъ Грозный въ „Купцѣ Калашниковѣ" и „Князѣ Серебрянномъ" и, наконецъ, Олофернъ въ „Юдиѳи", врядъ ли скоро будутъ имѣть послѣ Стравинскаго достойныхъ преемниковъ. Съ трудомъ вѣрится, что одно и то же лицо могло дать такое громадное разнообразіе одинаково правдивыхъ обликовъ; но Стравинскій своимъ изумительнымъ художественнымъ чутьемъ понималъ и обнималъ все. Этою богатою сокровищницею трагическихъ, комическихъ, историческихъ и бытовыхъ ролей, онъ увѣковѣчилъ себѣ имя великаго художника и артиста.

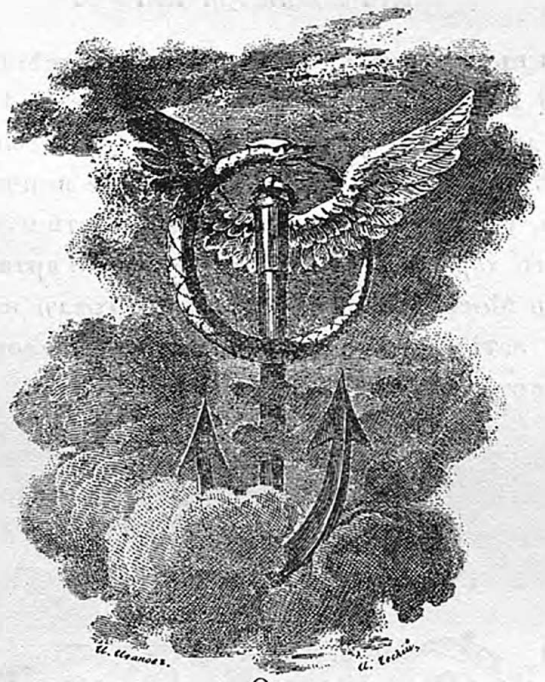
Приводимый перечень исполненныхъ имъ ролей даетъ понятіе о разнообразіи и гибкости его таланта.

„Сомнамбула" (графъ Родольфъ), „Фаустъ" (Мефистофель), „Русланъ и Людмила" (Русланъ и Фарлафъ), „Эрнани" (Сильва), „Севильскій цирульникъ" (донъ Базиліо и донъ Бартоло), „Фра-Дьяволо" (Милордъ и Джіакомо), „Гугеноты" (Марсель и Сенъ-Бри), „Русалка" (мельникъ и сватъ), „Линда ди-Шамуни" (маркизъ), „Опричникъ" (князь Вязьминскій), „Волшебный стрѣлокъ" (Каспаръ), „Риголетто" (Спарафучиле), „Донъ-Жуанъ" (Лепорелло), „Жидовка" (кардиналъ), „Жизнь за Царя" (Сусанинъ и начальникъ польскаго отряда), „Рогнѣда" (Странникъ), „Пророкъ" (анабаптистъ Захарій), „Кузнецъ Вакула", Чайковскаго (свѣтлѣйшій),

„Тангейзеръ“ (Ландграфъ), „Лоэнгринъ“ (Генрихъ Птицеловъ), „Каменный гость“ (командоръ), „Борисъ Годуновъ“ (Рангони и Варлаамъ), „Маккавеи“ (Воозъ), „Аида“ (Рамфисъ), „Виндзорскія кумушки“ (Фальстафъ), „Тѣнь воеводы“ (Кюнеръ), „Нижегородцы“ (Мининъ), „Бронзовый конь“ (Чинъ-Као), „Ріэнци“ (Колонна), „Вражья сила“ (Еремка), „Майская ночь“ (голова), „Купецъ Калашниковъ“ (Іоаннъ Грозный), „Тарасъ Бульба“ (Тарасъ Бульба), „Орлеанская дѣва“ (Дюнуа), „Снѣгурочка“ (Дѣдъ-Морозъ), „Кавказскій плѣнникъ“ (Казанбекъ), „Мазепа“ (Орликъ), „Карменъ“ (Цунига), „Корделія“ (Югурта), „Гарольдъ“ (Вильгельмъ Завоеватель), „Мефистофель“ (Мефистофель), „Чародѣйка“ (дьякъ Мамыровъ), „Жуанъ ди-Теноріо“ (Лепорелло), „Вильгельмъ Тель“ (Гесслеръ), „Юдиѳь“ (Олоферн), „Горюша“ (бояринъ Полтевъ), „Африканка“ (донъ-Діего), „Князь Игорь“ (Скула), „Ромео и Джульетта“ (Капулетто), „Князь Серебрянный“ (Іоаннъ Грозный), „Млада“ (Мстивой), „Фальстафъ“ (Пистоль), „Черное домино“ (Жиль-Перезъ), „Дубровскій“ (Дубровскій-отецъ), „Орестейя“ (Агамемнонъ), „Ночь передъ Рождествомъ“ (Панасъ), „Вертеръ“ (судья), „Сарацинъ“ (Раймондъ), „Садко“ (Дуда). Итого въ 59 операхъ 66 ролей.

Наибольшій подъемъ и расцвѣтъ дѣятельности Стравинскаго приходится на конецъ 80-хъ и на начало 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда онъ въ нѣкоторые сезоны выступалъ на сценѣ по шестидесяти, а иногда даже по девяносто разъ. Голосъ пѣвца сталъ въ послѣдніе годы слабѣть, но художественность его игры заставляла совершенно забывать объ этомъ. Въ послѣдніе годы жизни Ѳ. И. сталъ появляться на сценѣ рѣже; такъ въ сезонъ 1896-й—97-й годовъ онъ пѣлъ всего 14 разъ въ восьми операхъ, а въ сезонъ 1900—1901 годовъ участвовалъ всего 15 разъ въ 5-ти операхъ. Съ этимъ послѣднимъ сезономъ совпало его юбилейное торжество: 3-го января 1901 года исполнилось 25-лѣтіе его сценической дѣятельности; въ этотъ день онъ выступилъ въ одной изъ лучшихъ своихъ партій: Олоферна въ „Юдиѳи“ и былъ предметомъ самыхъ задушевныхъ овацій, какъ со стороны представителей музыкальнаго міра и публики, такъ и со стороны своихъ товарищей. Вскорѣ послѣ этого, Стравинскаго сталъ подкашивать страшный недугъ. Въ послѣдній разъ онъ выступилъ 5 февраля 1902 г. въ оперѣ „Карменъ“, въ роли Цуниги. 21 ноября того же года его не стало. Это былъ превосходный человѣкъ и товарищъ въ полномъ значеніи этого слова. Особенно цѣнна была въ немъ присущая ему неизмѣнная артистическая скромность. Онъ никогда

не гастролировалъ, не выступалъ ни въ какихъ концертахъ или вечерахъ, сопряженныхъ съ его личными матеріальными выгодами, на призывы же благотворительности откликался самымъ щедрымъ образомъ, принявъ за время своей артистической дѣятельности участіе въ громадномъ количествѣ концертовъ, иногда даже по два раза въ день; никогда не прибѣгалъ ни къ какимъ рекламамъ, не унижалъ достоинствъ истиннаго художника путемъ тѣхъ практическихъ, въ житейскомъ смыслѣ слова, дѣйствій, съ какими нерѣдко приходится встрѣчаться въ артистическомъ мірѣ.



А. П. Грубинъ.

Некрологъ.

† 18-го декабря 1903 г.

18-го декабря въ г. Каширѣ скончался небезызвѣстный артистъ-антрепренеръ Анатолій Павловичъ Грубинъ (Булгаковъ). Анатолій Павловичъ происходилъ изъ дворянъ Курской губерніи, воспитывался въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ увлекшись сценой, курса не кончилъ. Покойный въ молодости не безъ успѣха игралъ молодыя драматическія роли, по преимуществу бытового характера. Большая часть его артистической дѣятельности протекла въ Москвѣ, гдѣ онъ сначала игралъ на сценѣ Артистическаго кружка, а затѣмъ нѣкоторое время въ Маломъ Императорскомъ театрѣ, оставивъ который онъ занялся антрепризой.

Николай Ѳедоровичъ

Сазоновъ.

† 22 декабря 1902 г.

Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ.

Некрологъ.

† 22-го декабря 1902 г.

Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ родился 20-го апрѣля 1843 г. въ Петербургѣ. Талантливый артистъ служилъ въ молодости въ Главномъ обществѣ росс. ж. д. На улицѣ, Сазоновъ случайно познакомился съ преподавателемъ драматическаго искусства въ Театральномъ училищѣ В. П. Василько-Петровымъ. Послѣдній, узнавъ о страсти Сазонова къ сценѣ, согласился представить его начальнику репертуара П. С. Ѳедорову и принять вольноприходящимъ ученикомъ въ училище. Въ училищѣ Сазоновъ былъ признанъ лишеннымъ всякихъ сценическихъ способностей. Василько-Петровъ рекомендовалъ его въ провинцію и это сохранило Сазонова для сцены. Сазоновъ, подъ фамиліей Шувалова, игралъ во Владимірѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Во время пребыванія въ училищѣ, уже возвратившись изъ провинціи и отличившись на ученическомъ спектаклѣ, Сазоновъ былъ переведенъ изъ вольноприходящихъ въ пансіонеры и получилъ 10 р. въ мѣсяцъ жалованья, на что долженъ былъ содержать семью. По окончаніи школы, ему назначили 600 р. въ годъ. На столичную сцену онъ выпущенъ въ 1863 г. и выступилъ въ комедіи Дружинина „Не всякому слуху вѣрь". Въ 1864 году Сазоновъ былъ зачисленъ артистомъ въ труппу Александринскаго театра съ жалованьемъ 600 р. въ годъ. Съ этого времени его имя начинаетъ все чаще и чаще появляться на афишахъ Александринскаго театра. Онъ играетъ съ успѣхомъ: Нилова въ ком. „Несчастье особаго рода", Смѣльскаго въ ком. „Которая изъ двухъ", Алинскаго—„Хороша и дурна"; имѣетъ шумный, выдающійся успѣхъ въ роли Карлуши, въ ком. „Булочная".

Отношеніе критики къ молодому артисту первое время было весьма недружелюбно. В. А. Александровъ (Крыловъ) писалъ въ „Петербургскихъ

Вѣдомостяхъ" послѣ его дебютовъ, что „изъ дебютанта никакого толку не будетъ". Интересно, насколько впослѣдствіи В. А. измѣнилъ свое мнѣніе о немъ: Н. Ѳ. игралъ постоянно всѣ главныя роли въ его пьесахъ. Одобрительно встрѣтили юнаго артиста только рецензенты М. Г. Вильде и Театральный Нигилистъ (А. А. Соколовъ). Полныя жизни и правды пьесы А. Н. Островскаго дали однако Н. Ѳ. возможность въ самомъ скоромъ времени показать чуткость и разнообразіе его дарованія въ роляхъ: Гольцова—въ ком. „Шутники", Мити—въ ком. „Бѣдность не порокъ", Бородкина — въ ком. „Не въ свои сани не садись" и др. Своей задушевностью, искренностью тона, тщательной отдѣлкой и художественной простотой исполненія, онъ заявилъ себя прекраснымъ актеромъ на роли бытовыхъ любовниковъ и простаковъ.

Къ глубокому сожалѣнію Н. Ѳ. увлекся въ сторону и бросился въ оперетку, царившую въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на сценѣ Александринскаго театра, которая, доставивъ ему дешевый успѣхъ, чуть было не убила въ публикѣ всякое довѣріе въ возможности серьезнаго отношенія молодого артиста къ драматическому искусству. Къ счастію увлеченіе это продолжалось недолго. Н. Ѳ. отказался отъ оперетки, чѣмъ отчасти способствовалъ тому, что она потеряла почву, лишившись въ немъ, все-таки, весьма талантливаго исполнителя. Публика стала относиться гораздо радушнѣе и внимательнѣе къ исполненію Сазоновымъ серьезныхъ ролей въ драмахъ и комедіяхъ, и сезоны середины семидесятыхъ годовъ могутъ считаться лучшими въ дѣятельности покойнаго. Въ продолженіи ихъ онъ выступилъ въ роляхъ: Бомбикова („Общее благо"), Куницына („Ваалъ"), Василькова („Бѣшеныя деньги"), Сергѣя Хлопонина („Злоба дня"), Зайчикова-сына („Мишура"), Грунцова („Трудовой хлѣбъ"), Мурзавецкаго („Волки и овцы"), Фрола (въ пьесѣ г. Аверкіева „Фролъ Скабѣевъ"), Платона („Правда хорошо, а счастье лучше"), и наконецъ Андрея Бѣлугина въ комедіи Н. Соловьева и Островскаго „Женитьба Бѣлугина", изъ роли котораго онъ создалъ неувядаемый типъ русскаго человѣка, въ его переходномъ состояніи отъ прежняго купца къ новому. Около этого же времени Н. Ѳ. дѣлаетъ попытку сыграть пожилую характерную роль Сладнева въ комедіи Шпажинскаго „Майорша", которая увѣнчивается нѣкоторымъ успѣхомъ. Изъ пьесъ иностраннаго репертуара въ этотъ періодъ времени ему удаются также роли: Тартюфа въ комедіи того-же названія Мольера, и Фигаро въ комедіи Бомарше „Свадьба Фигаро".

Начало восьмидесятыхъ годовъ ознаменовалось появленіемъ на сценѣ Александринскаго театра, съ новой обстановкой и новымъ составомъ исполнителей, комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума". Н. Ѳ. Сазонову была поручена роль Чацкаго; онъ съ должной серьезностью отнесся къ этой трудной роли и съ успѣхомъ ее исполнилъ. Правда, въ его исполненіи роли были мало оттѣнены сарказмъ и иронія, которыми дышутъ монологи Чацкаго, въ особенности въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, но зато другая сторона роли — пылкость, искренность негодованія на ничтожность окружающихъ его людей, страстная любовь къ Софьѣ были имъ ярко и жизненно обрисованы. Онъ имѣлъ особенно большой успѣхъ въ 3-мъ и 4-мъ актахъ. За послѣдній монологъ Чацкаго въ 4-мъ актѣ его вызывали безъ конца.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Н. Ѳ. окончательно переходитъ на роли пожилыхъ резонеровъ полукомическаго характера. Изъ ролей этого порядка ему особенно удаются: Князь Чембарскій („Первая муха"), Репетиловъ („Горе отъ ума"), Чичиковъ („Мертвыя души"), Радловъ („Джентльменъ") и Тарелкинъ („Дѣло").

Сазоновъ былъ любимцемъ публики, какъ хорошій талантливый актеръ. Артистъ умный съ художественнымъ чутьемъ, съ большимъ знаніемъ своего дѣла, онъ былъ весь преданъ ему, ни на минуту не успокаиваясь на пріобрѣтенныхъ лаврахъ, а ежедневно стремясь все къ новому труду. „Сазоновъ иногда возбуждалъ зависть въ товарищахъ тѣмъ, (разсказываетъ про Н. Ѳ. извѣстный драматургъ В. А. Крыловъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ), что получалъ отъ авторовъ лучшія роли. — Но дѣло въ томъ, что Сазоновъ, серьезно любя свое искусство, искалъ себѣ общества среди литераторовъ; онъ заблаговременно разузнавалъ, что новаго готовили драматическіе писатели, разыскивалъ пьесы, прочитывалъ каждую новинку прежде даже, чѣмъ она попадала въ цензуру. Благодаря своему знакомству и пріятельству въ литературныхъ сферахъ, онъ зачастую побуждалъ драматурговъ къ творчеству, ободряя ихъ, подталкивая ихъ къ новому труду. Съ самымъ строгимъ вниманіемъ относился онъ къ своимъ актерскимъ обязанностямъ. Не было случая, чтобы онъ не прочиталъ и не зналъ подробно пьесы, въ которой онъ игралъ, что мы видимъ далеко не у всѣхъ актеровъ. Несмотря на свое крупное дарованіе и положеніе на сценѣ, Сазоновъ любилъ, чтобы посторонніе присутствовали на его репетиціяхъ и не только выслушивалъ охотно

дѣлаемыя ему замѣчанія, но самъ даже просилъ объ этомъ, прислушивался ко всему тому, что ему говорили, и бралъ все, что находилъ справедливымъ. Н. Ѳ. былъ вспыльчивъ, что приводило иногда его къ проявленію рѣзкости, въ которой потомъ онъ самъ раскаивался; но съ другой стороны эта горячность не разъ выказывала въ немъ человѣка правдиваго, искренняго, вѣрнаго тому, что онъ считалъ хорошимъ. Онъ умѣлъ постоять за себя и за дорогое ему искусство. „Въ Н. Ѳ. Сазоновѣ, писалъ вскорѣ послѣ его кончины о немъ В. С. Кривенко, заложенъ былъ организаторъ, руководитель театра". Помимо превосходнаго знанія сцены, глубокаго пониманія дѣла, онъ обладалъ сильной, непреклонной волей. Постановка Бориса Годунова въ Эрмитажномъ театрѣ, показала его талантъ отвѣтственнаго режиссера, который впослѣдствіи развернулся въ Народномъ Попечительствѣ. Изъ ничего, на небольшія средства, онъ организовалъ тамъ драматическую, оперную и балетную труппу. Покойный, кромѣ того, преподавалъ драматическое искусство въ Театральномъ училище и въ Консерваторіи. Смерть Н. Ѳ. не явилась неожиданностью. Тяжелая и не поддававшаяся излѣченію болѣзнь (параличъ мозга) первые признаки которой почувствовалъ покойный артистъ еще весною 1902 года, подготовила близкихъ къ нему лицъ къ печальному неизбѣжному концу. Весною Н. Ѳ. уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Болѣзнь здѣсь, несмотря на самыя благопріятныя условія жизни, прогрессировала. Это сказалось при первой попыткѣ Н. Ѳ. принять участіе въ спектаклѣ мѣстнаго театральнаго кружка съ благотворительною цѣлью. Тѣмъ не менѣе, Н. Ѳ. возвратился въ Петербургъ, и игралъ въ день открытія сезона 1-го мужика въ „Плодахъ Просвѣщенія". Но отъ порученной ему большой роли Василія Шуйскаго въ пьесѣ Островскаго того-же названія, онъ принужденъ былъ отказаться. Къ октябрю, болѣзненное состояніе Н. Ѳ. сильно обострилось. Посѣщавшій больного артиста докторъ заявилъ въ концѣ концовъ о необходимости консиліума. На консиліумъ были приглашены: профессоръ Мержеевскій, лейбъ-медикъ Бертенсонъ и докторъ медицины Гизе. Результатъ совѣщанія былъ быстро опредѣленъ: Н. Ѳ. оставалось жить всего нѣсколько часовъ. Въ четверть десятаго вечера 22-го декабря 1902 г. Н. Ѳ. не стало. Онъ скончался почти наканунѣ 40-лѣтняго юбилея своего служенія искуству.

В. Р. Шемаевъ.

Некрологъ.

† 11 января 1903 г.

В. Р. Шемаевъ родился 23-го января 1836 г. Онъ былъ внукъ небезизвѣстнаго въ свое время пѣвца Шемаева и сынъ скульпторнаго мастера. Воспитывался онъ въ Театральномъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ выпущенъ пенсіонеромъ на 10 рублей жалованья. Дебютировалъ весной 1854 г. въ роли Фамусова въ комедіи „Горе отъ ума" на сценѣ Александринскаго театра, и затѣмъ выступалъ въ первое время своей артистической карьеры въ слѣдующихъ отвѣтственныхъ роляхъ: Молчалинъ („Горе отъ ума"), Алексѣй („Чужое добро въ прокъ не идетъ", А. Потѣхина), Миша („Провинціалка", Тургенева), Осипъ („Ревизоръ"), Замухрышкинъ („Игроки", Гоголя), Андрей Титычъ („Въ чужомъ пиру похмѣлье", Островскаго), Милашинъ и Добротворскій („Бѣдная невѣста", Островскаго), Кулигинъ („Гроза"), Маломальскій („Не въ свои сани не садись"), Подколесинъ („Женитьба"), Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ („Бѣдность не порокъ"), Орѣхинъ („Карьера"), Расплюевъ („Свадьба Кречинскаго"), Рисположенскій („Свои люди—сочтемся"), Ивановъ („Нахлѣбникъ"), Жабинъ („Однодворецъ"), Капустинъ („Испорченная жизнь"), Поль („Не сошлись характерами"), Троша („Друзья-пріятели"), и мн. другія. Словомъ, это былъ артистъ огромнаго репертуара, въ который входили роли отъ jeune premier (Поль „Не сошлись характерами") до комиковъ (Расплюевъ) включительно, артистъ съ не менѣе огромной любовью къ сценѣ и добросовѣстностью, но съ весьма ограниченнымъ дарованіемъ. Съ 1895 г. В. Р. состоялъ преподавателемъ драматическаго искусства въ Театральномъ училищѣ, а со дня основанія Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, впослѣдствіи преобразованнаго въ Русское Театральное, онъ считался незамѣнимымъ его казначеемъ, отличаясь своей удивительной аккуратностью, пунктуальностью и честностью. Скончался онъ отъ болѣзни легкихъ 11-го января 1903 года.

Я. Г. Брянскій.

(По поводу 50-лѣтія его кончины, 20-го февраля 1853 г.).

Сыну бѣднаго чиновника, учившемуся на мѣдныя деньги, юному Григорьеву (фамилія Брянскаго внѣ сцены), пристроившемуся въ одной изъ петербургскихъ канцелярій, судьба сулила уже должность повытчика, когда онъ пристрастился къ театру и полюбилъ трагедію, бѣгая за четвертакъ мѣдью въ раекъ посмотрѣть Яковлева и Шушерина. Страсть пробилась чрезъ чиновничью оболочку и привела молодого человѣка къ царившему тогда на сценѣ князю Шаховскому. Двадцатилѣтнимъ юношею безъ всякой спеціальной подготовки, Брянскій какъ то на вечерѣ у него прочелъ роль Полиника изъ трагедіи Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ" и тотчасъ же былъ принятъ въ русскую драматическую труппу, въ которой тогда господствовалъ знаменитый Яковлевъ. 11-го сентября 1811 г. Брянскій уже дебютируетъ въ роли „Влюбленнаго Шекспира", и выходитъ побѣдителемъ. Яковлевъ оцѣнилъ игру новичка, а публика приняла его восторженно. Но до самой смерти Яковлева, Брянскому не удавалось выступать въ трагедіи, къ которой онъ питалъ сильную страсть. Послѣ смерти Яковлева (1817 г.) Брянскому открывается широкая дорога: онъ съ успѣхомъ выступаетъ въ роляхъ покойнаго. Исполненіе „Танкреда" упрочило за нимъ симпатіи публики. Въ 1820 г. взошло на Александринской сценѣ новое свѣтило—Каратыгинъ и звѣзда Брянскаго хотя не закатилась, но и не пошла къ зениту. Брянскій долженъ былъ уступить дорогу, а самъ занялъ второе мѣсто, которое съ честью удержалъ за собою втеченіе 30 лѣтъ. Изъ героевъ онъ перешелъ на „злодѣевъ", благородныхъ отцовъ и т. д. Самыми блестящими ролями Брянскаго въ сезоны 1821—1843 годовъ были: Старнъ („Фингалъ"), Агамемнонъ („Поликсена"), Тераменъ („Федра"), Тезей („Эдипъ въ Аѳинахъ"), Президентъ и Миллеръ („Коварство и любовь"), Францъ Мооръ („Разбойники"), Филиппъ VI („Донъ-Карлосъ"), Юстиніанъ („Велизарій"), Шейлокъ („Венеціанскій купецъ"), Уголино (въ пьесѣ

того же названія, Полевого), Минина („Рука Всевышняго отечество спасла"), Колриджа („Отцовское проклятіе"), Квазимодо („Эсмеральда"), Вернеръ („Тридцать лѣтъ или жизнь игрока"), Яго („Отелло", въ переводѣ Панаева). Въ роли Яго онъ, по словамъ современниковъ, превзошелъ себя; всѣ детали роли были отдѣланы имъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Роль Ричарда III-го исполнялась имъ такъ, что въ ней онъ могъ бы имѣть успѣхъ на любой изъ европейскихъ сценъ. Самая наружность Брянскаго, по словамъ его біографовъ, вполнѣ подходила къ этимъ ролямъ. Онъ былъ невысокаго роста, не особенно тученъ, коренастъ; густые, черные какъ смоль, волосы падали на довольно низкій лобъ. Изъ подъ густыхъ бровей сверкали небольшіе глаза; онъ рѣдко улыбался, смѣхъ же проявлялся въ немъ вспышками и быстро обрывался. Обычная его поза была — заложенныя за спину руки, при сгорбленномъ станѣ и наклоненной головѣ. Вслѣдствіе этого взглядъ его былъ большею частью исподлобья. Вообще, въ наружности Брянскаго была какая-то угрюмость и суровость. Я. Г. первый изъ всѣхъ актеровъ въ 1830 году обратился къ Булгарину, который имѣлъ право на „Горе отъ ума", за позволеніемъ поставить эту комедію въ свой бенефисъ. До этого времени изъ нея разъ были поставлены Каратыгинымъ только отрывки, причемъ Булгаринъ ничего не взялъ съ актера за право постановки. Брянскій же испрашивалъ позволеніе дать всю пьесу. Булгаринъ разрѣшилъ, но взялъ съ бенефиціанта тысячу рублей. Пьеса была представлена 28-го октября 1830 г. Семенова играла въ ней Софью, Каратыгинъ — Чацкаго, Брянскій — Платона Михайловича. По свидѣтельству П. Каратыгина, Брянскій не сдѣлалъ въ бенефисъ полнаго сбора, потому что назначилъ высокія цѣны за мѣста. По словамъ же дочери Брянскаго, г-жи Головачевой-Панаевой, сборъ былъ превосходный, несмотря на всѣ опасенія родныхъ, которые отговаривали Якова Григорьевича отъ затраты на покупку права. „За день до бенефиса, — говоритъ она, — билеты уже всѣ были разобраны въ кассѣ, и много ливрейныхъ лакеевъ являлось къ намъ на домъ за билетами, но отецъ никогда не бралъ изъ кассы билетовъ, чтобы продавать на дому, а также не развозилъ самъ ни креселъ, ни ложъ въ свой бенефисъ богатымъ и важнымъ особамъ, что дѣлали всѣ артисты, не исключая и В. А. Каратыгина".

Черезъ годъ или черезъ два, Брянскій взялъ въ комедіи „Горе отъ ума" роль Фамусова и исполнилъ ее недурно. Но въ его игрѣ былъ одинъ

недостатокъ, за который его упрекали и публика и актеры: этотъ недостатокъ—„серьезность", которая не позволяла развернуться актеру и придать характеру Фамусова извѣстную типичность. Въ 1842 г., не сойдясь съ дирекціею въ условіяхъ, Брянскій оставилъ службу при Императорскомъ театрѣ. Ему была назначена пенсія 1127 р. въ годъ, или какъ тогда считали 4000 ассигн.; но этой пенсіи было недостаточно для содержанія такой большой семьи, которая была у Я. Г.; къ тому же онъ вскорѣ соскучился по театру, и лѣтъ черезъ пять, въ 1847 г., онъ снова поступаетъ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ на сцену. Черезъ три года, когда память начинаетъ измѣнять ему, а слухъ ослабѣвать, онъ вторично бросаетъ театръ, чтобы отдохнуть и полѣчиться, и переселяется въ Самару, но тамъ остается весьма недолго:—не будучи въ силахъ поладить со складомъ провинціальной жизненной обстановки, онъ возвращается въ Петербургъ и въ третій разъ поступаетъ на сцену. Для напоминанія публикѣ о выдающихся роляхъ Я. Г., было возобновлено нѣсколько лучшихъ пьесъ изъ прежняго его репертуара. Затѣмъ ему приходилось играть заурядъ въ драмахъ, комедіяхъ и мелодрамахъ роли самаго разнообразнаго характера, которыя, несмотря на ихъ пестроту и преклонные годы Я. Г.—ему было тогда болѣе шестидесяти лѣтъ,—онъ исполнялъ съ прежнимъ усердіемъ и любовью. Такъ было до 1853 года. Передъ самой масленицей, въ пятницу 20 февраля, съ Я. Г. внезапно сдѣлался приступъ холеры и онъ умеръ совершенно неожиданно. Его имя въ день смерти значилось на афишѣ: онъ долженъ былъ играть Квазимодо въ „Эсмеральдѣ". Я. Г. былъ женатъ на Аннѣ Матвѣевнѣ Степановой, нѣкоторое время подвизавшейся на сценѣ и между прочимъ исполнявшей одну изъ главныхъ ролей въ трагедіи „Семирамида" (1816 г., мая 14).

Изъ его многочисленнаго семейства одна только Евдокія Яковлевна разъ въ бенефисъ своего отца въ 1836 г. выступала на театральныхъ подмосткахъ въ роли Дездемоны („Отелло", переводъ Панаева), но не поступила на сцену, несмотря на свой удачный дебютъ. Вскорѣ она вышла замужъ за переводчика трагедіи И. И. Панаева, посвятивъ себя литературѣ; подъ именемъ Станицкаго она пріобрѣла себѣ въ ней вскорѣ довольно громкое имя между русскими романистками. Ея литературныя воспоминанія представляютъ значительный вкладъ въ литературу, талантливо характеризуя эпоху.

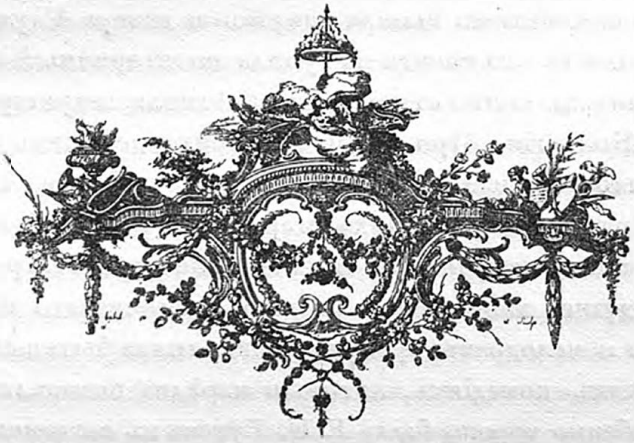
Памяти Е. И. Гусевой.

(По случаю 50-ти лѣтія ея кончины).

27-го февраля 1903 года исполнилось пятьдесять лѣтъ со дня кончины извѣстной въ свое время артистки петербургскаго Александринскаго театра Елены Ивановны Гусевой. Покойная родилась въ 1787 году. Она была выпущена изъ Театральнаго училища въ 1809 году, 11-го августа,—служила, слѣдовательно, театру слишкомъ сорокъ три года. Въ дѣвушкахъ она называлась Ежовой, потомъ вышла замужъ за актера Глухарева и носила его фамилію; а послѣ его смерти вступила во вторичный бракъ съ Гусевымъ, служившимъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, секретаремъ въ департаментѣ Каммеръ-Коллегіи. При первыхъ своихъ дебютахъ на сценѣ, она сравнительно мало обращала на себя вниманіе публики. Но когда Е. И. Гусева перешла на роли комическихъ старухъ—кухарокъ-бабъ, то сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ украшеній Александринскаго театра. Она какъ бы „предварила" будущее направленіе нашего сценическаго искусства и во времена трагедіи и мелодрамы прекрасно исполняла бытовыя роли въ тѣхъ немногихъ русскихъ комедіяхъ, которыя изрѣдка попадали въ тогдашній репертуаръ. Особенно хороша была Е. И. Гусева въ созданныхъ ею роляхъ: Пошлепкиной („Ревизоръ") и Ѳеклѣ Ивановнѣ („Женитьба"). Болѣе сорока лѣтъ посвятила артистка служенію родному искусству и умерла, какъ вѣрный солдатъ, на своемъ посту—во время представленія, 27-го февраля 1853 года, въ пятницу, на масленицѣ. Е. И. Гусева должна была играть няню въ извѣстной комедіи Сухонина „Русская свадьба". Когда начинали спектакль, артистка чувствовала себя уже очень плохо, но всетаки не захотѣла отказаться отъ участія. Игравшій вмѣстѣ съ нею Максимовъ, окончивъ свою роль въ первомъ актѣ, пришелъ за кулисы и сказалъ

П. А. Каратыгину (брату знаменитаго трагика):—„Что это сегодня съ Гусевой? я поцѣловалъ ее въ лобъ (такъ слѣдовало по пьесѣ) и испугался—точно я прикоснулся ко льду, или къ мертвой головѣ?“ Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора вышла за кулисы и Е. И. Гусева, только что окончившая свою послѣднюю сцену. Вдругъ она зашаталась, упала на руки кого-то изъ стоявшихъ позади нея. Ее тотчасъ-же отнесли въ уборную, и по дорогѣ туда артистка, не приходя въ себя, скончалась. Спектакль, между тѣмъ, продолжался обычнымъ порядкомъ. „По внезапной болѣзни г-жи Гусевой“ (такъ было анонсировано со сцены) роль няни въ слѣдующихъ актахъ исполнила г-жа Рамазанова.

(Подробную библіографію Е. И. Гусевой см. въ прил. къ „Ежегодн. Имп. Театр.“ 1894—1895 г., кн. I).



О. А. Петровъ.

(По поводу 25-ти-лѣтія его смерти 27-го февраля 1878 года).

Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ родился 3-го ноября 1807 года, въ городѣ Елисаветградѣ Херсонской губерніи. Отецъ Петрова былъ мелкій бакалейный торговецъ; вскорѣ послѣ рожденія сына онъ умеръ, оставивъ семью безо всякихъ средствъ, такъ что мать Петрова должна была переселиться съ сыномъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, къ брату покойнаго. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, О. А. обнаруживалъ музыкальныя способности, обладая звонкимъ дискантомъ; онъ по воскреснымъ днямъ пѣлъ на клиросѣ въ своей приходской церкви. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ переселенія Петровой къ брату ея мужа, въ домѣ его былъ отведенъ постой полковому капельмейстеру Бехману. Тотъ, замѣтивъ талантъ въ юномъ Петровѣ, тайно отъ его дяди, сталъ учить играть на кларнетѣ и читать ноты. Въ 1826 году, 19-ти лѣтъ отъ роду, О. А. въ первый разъ попалъ въ театръ, антрепренеромъ котораго въ то время былъ въ Елисаветградѣ Жураховскій. Спектакль произвелъ такое сильное впечатлѣніе на юношу, что онъ безсознательно почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ сценѣ, и на другой день, выпросивъ у театральнаго портного костюмъ, вышелъ на сцену въ числѣ статистовъ. Жураховскій, замѣтивъ сильную любовь въ Петровѣ къ театру, въ октябрѣ того же года далъ ему отвѣтственную роль въ оперетке „Казакъ-стихотворецъ", соч. князя Шаховскаго и Кавоса, послѣ удачнаго исполненія которой пригласилъ его въ свою труппу, на жалованье 15 рублей въ мѣсяцъ. Изъ Елисаветграда труппа Жураховскаго переѣхала въ Николаевъ, соединясь тамъ съ труппою другого провинціальнаго антрепренера, Штейна, въ которую перешелъ и Петровъ. Въ этой труппѣ онъ пробылъ четыре года, играя съ ней въ Харьковѣ, Одессѣ

и другихъ городахъ; въ 1830 году въ Курскѣ онъ познакомился съ Лебедевымъ, тогдашнимъ режиссеромъ петербургскихъ театровъ, откомандированнымъ директоромъ петербургскихъ театровъ въ провинцію „обрѣсти нужныхъ для казенной сцены артистовъ" (см. Дѣло архива Дирекціи Императорскихъ театровъ за № 71 подъ заглавіемъ: „Объ откомандированіи режиссера Лебедева для отысканія артистовъ").

„Въ 1830 году когда я съ труппою Штейна, разсказываетъ О. А. Петровъ въ своей автобіографіи, игралъ въ Курскѣ на Коренной ярмаркѣ, совершенно неожиданно режиссеръ Петербургской оперы М. С. Лебедевъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе поступить въ Петербургъ на придворный театръ. Это было для меня такою неожиданностью, что я подумалъ первоначально, не шутитъ-ли онъ со мной. Но когда онъ серьезно объяснилъ мнѣ, что посланъ начальствомъ для пріисканія артистовъ и что мой голосъ и физіономія ему очень понравились, то я его поблагодарилъ и сказалъ ему, что несмотря на все мое пламенное желаніе побывать въ Петербургѣ, я на дебюты не поѣду ни за какія деньги, потому что нигдѣ не учился пѣть. Если онъ находитъ во мнѣ способность быть артистомъ, то я согласенъ принять его предложеніе, но только на одинъ годъ въ видѣ испытанія, и если втеченіе этого времени у меня не окажется способностей, то пусть меня отправятъ на казенный счетъ туда, откуда меня взяли. Лебедевъ согласился на мои условія, назначилъ мнѣ жалованье 1.000 руб. ассигнаціями (280 р. серебромъ), заключилъ со мной формальный договоръ, и въ началѣ іюля 1830 года увезъ меня изъ Курска въ Петербургъ". По пути Петровъ съ Лебедевымъ остановились на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ О. А. отыскалъ М. Н. Щепкина, съ которымъ былъ знакомъ ранѣе, такъ какъ участвовалъ съ нимъ въ Полтавѣ въ опереткѣ „Казакъ-стихотворецъ". „Щепкинъ, разсказываетъ О. А. очень похвалилъ мою рѣшимость на трудный подвигъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ободрилъ, сказавъ, что замѣтилъ во мнѣ большія артистическія способности. Ахъ, какъ мнѣ было отрадно слышать эти слова отъ такого великаго артиста! Они придали мнѣ столько бодрости и силы, что я не зналъ, какимъ образомъ выразить ему благодарность за его доброту къ неизвѣстному заѣзжему человѣку. Кромѣ того М. С. водилъ меня въ Большой театръ на концертъ г-жи Зонтагъ. Я пришелъ въ полный восторгъ отъ ея пѣнія. До сихъ поръ я ничего подобнаго не слышалъ и даже не понималъ до какого совершенства можетъ дойти человѣческій голосъ. Итакъ

первымъ художественнымъ впечатлѣніемъ я обязанъ М. С. Щепкину и Зонтагъ". Лебедеву по дѣламъ нужно было остаться въ Москвѣ, а О. А. онъ отправилъ съ драматическимъ актеромъ Алекинымъ въ Петербургъ, куда они пріѣхали 23-го іюля 1830 года. По пріѣздѣ въ Петербургъ О. А. тотчасъ отправился къ начальнику репертуара Зотову и затѣмъ въ канцелярію директора князя С. С. Гагарина, который сдѣлалъ распоряженіе явиться ему въ залъ Большого театра къ капельмейстеру и инспектору музыки, Катарину Альбертовичу Кавосу. Кавосъ принялъ О. А. чрезвычайно ласково, долго распрашивалъ,—знаетъ ли онъ ноты и интервалы, много-ли пѣлъ въ театрѣ и что пѣлъ. О. А. откровенно отвѣтилъ ему, что ноты читаетъ порядочно и что пѣть никогда не учился. Попробовавъ его голосъ и слухъ, Кавосъ остался доволенъ и тѣмъ и другимъ. Впрочемъ въ то время и было чѣмъ остаться довольнымъ: голосъ у О. А. былъ двѣ съ половиною октавы отъ *до* до *соль*. Кавосъ назначилъ ему учиться пѣть у господина Даль-Окка (а впослѣдствіи у Доминика Рубини) и обѣщалъ прислать на квартиру фортепіано, чтобъ О. А. могъ заниматься у себя дома пѣніемъ. Вскорѣ, по распоряженію Кавоса, казенный настройщикъ Дерингъ привезъ небольшое фортепіано О. А. „Когда его уставили, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, я пренаивно попросилъ Деринга показать мнѣ клавишу С. Онъ хотѣлъ показать и остальныя, но я поблагодарилъ его и сказалъ ему, что мнѣ довольно одной С, остальныхъ я добьюсь самъ,—и черезъ день зналъ всю клавіатуру. Спасибо, что квартирные хозяева (О. А. поселился у портного въ Коломнѣ, гдѣ платилъ за комнату безъ мебели но со столомъ 30 р. ассигнац. въ мѣсяцъ) терпѣливы были, а то бывало барабанишь часовъ до 3-хъ ночи. Зато какъ придешь къ учителю, онъ тотчасъ услышитъ, что занимался дома и похвалитъ; кромѣ того съ сентября Кавосъ велѣлъ мнѣ являться къ нему ежедневно къ часу на урокъ пѣнія. Послѣ четвертаго урока онъ нашелъ, что я вскорѣ буду въ состояніи показаться на сценѣ и далъ мнѣ разучить партію Зороастра изъ „Волшебной флейты" Моцарта, которая была мною скоро выучена наизусть, такъ что въ концѣ сентября начали дѣлать общія спѣвки и дѣло дошло до генеральной репетиціи съ оркестромъ; но тогдашній теноръ Климовскій часто болѣлъ и мой дебютъ все откладывался, къ моей радости. Наконецъ 10-го октября 1830 года онъ состоялся. Когда я увидѣлъ свою фамилію на афишѣ, „вновь ангажированный Петровъ" у меня мурашки пошли по тѣлу и неудивительно: въ

концѣ іюля пріѣхалъ, не успѣлъ хорошенько осмотрѣться, а въ началѣ октября дебютъ! Въ день его я пришелъ въ театръ рано, часовъ въ пять, еще и портныхъ не было; пошелъ я на сцену и принялся голосъ пробовать. Но одинъ изъ плотниковъ остановилъ меня, замѣтивъ, что я могу преждевременно устать. Наконецъ меня позвали одѣваться. Пришелъ режиссеръ и при немъ меня одѣли въ костюмъ Зороастра. Первое мое появленіе на сценѣ, — на колесницѣ, запряженной тиграми и львами. Повезли меня голубчика, и только что колесница показалась на сценѣ, слышу,—публика начинаетъ смѣяться и чѣмъ ближе подвигается къ авансценѣ, тѣмъ болѣе смѣхъ усиливается. Я готовъ былъ сквозь землю провалиться, думая, что смѣются надо мной. Чего то мнѣ тогда не мерещилось! а между тѣмъ надо было пѣть, когда дыханіе замирало отъ страха и конфуза. Лишь только колесница остановилась, публика перестала хохотать, но апплодисмента—ни одного! Я кое какъ собрался съ духомъ, пропѣлъ первый речитативъ („Возстань прелестная дѣва" и пр.) и сошелъ съ колесницы; слушаю—публика не смѣется, пропѣлъ арію—поапплодировали немного, ну, думаю себѣ, слава Богу! Но когда меня стали увозить, въ публикѣ опять послышался смѣхъ. Что бы это значило?—думаю себѣ. Наконецъ ужъ за кулисами я узналъ причину этого веселаго настроенія зрителей. Оказалось, что звѣри были одѣты кое какъ, въ худыя шкуры. У кого не хватало половины морды, у кого ноги, у кого хвоста. (Вотъ какова была обстановка того времени). Я, незная этого, только напрасно перестрадалъ, думая, что смѣются надо мною. Не будь этой передряги, мой дебютъ былъ бы удачнѣй. На другой день я съ радостью прочелъ въ „Сѣверной пчелѣ" слѣдующій отзывъ: „Нынѣшній разъ въ оперѣ „Волшебная флейта" явился впервые на нашей сценѣ г. Петровъ, обѣщающій намъ хорошаго пѣвца-актера. Помоги только Аполлонъ, чтобы онъ постарался сдержать это обѣщаніе. Природа, одѣливъ его ростомъ, надѣлила его обширнымъ голосомъ и сильною грудью. Басъ его довольно пріятенъ, но весьма мало обработанъ, что доказалъ намъ рѣзкій переходъ онаго въ высокія ноты. Впрочемъ, мы замѣтили у г. Петрова довольно правильную дикцію. Даже въ жестахъ онъ дѣйствовалъ обѣими руками, тогда какъ г. Шуваловъ всѣ почти жесты дѣлаетъ правою рукой. Въ добромъ мнѣніи о будущихъ способностяхъ г. Петрова еще болѣе насъ утверждаетъ то, что въ началѣ второго акта онъ удачно выразилъ монологъ и спѣлъ трудную арію".

Для второго своего дебюта О. А. сыгралъ роль Сенешаля въ оперѣ Боальдье „Жанъ Парижскій“, а для третьяго—роль тюремщика въ оперѣ „Монтенерскій замокъ“ послѣ чего былъ принятъ въ составъ оперы. Мѣсяца за два до окончанія своего контракта, О. А. подалъ въ контору прошеніе, чтобы его увѣдомили, находятъ ли его способнымъ продолжать службу. Ему объявили, что директоръ приказалъ заключить съ нимъ условіе на три года, жалованье 1.500 р. ассигн. въ годъ, съ правомъ уволить его во всякое время по усмотрѣнію Дирекціи. Послѣдній пунктъ ос корбилъ, но не испугалъ его, потому что онъ былъ въ себя увѣренъ. Жалованье-же показалось ему малымъ и онъ по совѣту добрыхъ людей сталъ просить себѣ на первый годъ—1.500 р. асс., на второй—2.000 р. асс., на третій—2.500 р. асс. Условія эти, хотя и не безъ нѣкотораго протеста, Дирекціей были приняты. Послѣ заключенія контракта, О. А. остался въ Петербургѣ навсегда. Въ 1832 году князь Гагаринъ безъ всякой просьбы со стороны О. А., въ награду за успѣхи, подарилъ ему полъ-бенефиса, который состоялся 20-го іюля 1832 года. Шла опера Обера „Невѣста“ и несмотря на то, что время для бенефиса было очень плохое, на его долю все таки очистилось 600 р. асс. Въ этотъ періодъ времени, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, у О. А. изъ ряда ролей его многочисленнаго репертуара особенно выдались: Каспара („Волшебный стрѣлокъ“, Вебера), въ которой онъ поражалъ публику трагичностью злобнаго элемента; Мандарина Цингъ-Цинга (въ „Бронзовомъ конѣ“ Обера), въ которой онъ былъ удивительно комиченъ, и роль Бертрама въ оперѣ „Робертъ“ Мейербера, давшая возможность выказать ему свой драматическій талантъ въ полномъ блескѣ; имена Бертрама и Петрова стали неразлучны, и въ петербургскомъ обществѣ, начиная со среднихъ слоевъ до высшаго включительно, только и было рѣчи въ это время, что о превосходномъ исполненіи Петровымъ роли Бертрама.

27-го ноября 1836 года — день памятный для русскаго искусства. Въ этотъ день впервые была поставлена опера Глинки „Жизнь за Царя“ и роль Сусанина создалъ О. А. Петровъ, самый блестящій исполнитель роли этого народнаго героя, какъ никто до него проникшій въ народный духъ творчества Глинки. Въ передачѣ О. А. Петрова не только приходилось восхищаться его могучимъ басомъ, но и потрясающимъ, полнымъ истиннаго драматизма и благороднаго паѳоса исполненіемъ. Тріумфы Глинки и О. А. Петрова дѣлила молодая пѣвица А. Я. Воробьева, впослѣдствіи

вѣрная жизненная спутница незабвеннаго пѣвца *), создавшая роль Вани, для которой Глинка написалъ сцену у монастыря.

А. Я. Воробьева—дочь репетитора хоровъ при Императорскихъ петербургскихъ театрахъ, родилась 2-го февраля 1816 года. Свое воспитаніе и образованіе она получила въ петербургскомъ Театральномъ училищѣ, гдѣ сперва обучалась въ балетномъ классѣ Дидло, а затѣмъ переведена въ музыкальный классъ пѣнія Сапіенца, откуда и была выпущена въ труппу петербугской казенной оперы въ 1832 году. Дебютировала А. Я. въ 1833 году въ роли Пино въ оперѣ Россини „Сорока-воровка" и съ перваго появленія на сценѣ очаровала всѣхъ своимъ замѣчательнымъ голосомъ — контральто удивительно мягкаго бархатистаго тембра, а также задушевнымъ полнымъ страсти пѣніемъ. По свидѣтельству современныхъ ей хроникъ, она заставляла своихъ слушателей проливать слезы при исполненіи ею различныхъ партій ея обширнаго репертуара. Къ сожалѣнію эта знаменитая артистка недолго раздѣляла тріумфы со своимъ мужемъ. Заботы о семействѣ и постепенная утрата дивнаго голоса заставили ее въ 1845 году сойти со сцены **). За время своего пребыванія на ней А. Я. участвовала въ слѣдующихъ операхъ: „Жизнь за Царя" и „Русланъ и Людмила"—Глинки; „Семирамида", „Танкредъ", „Графъ Ори", „Сорока-воровка",—Россини; „Монтекки и Капулетти", „Норма" — Беллини; „Осада Калэ" — Доницетти; „Теобальдъ и Изолина"—Морлакки; „Цампа"—Герольда „Пуритане",—Беллини, въ которыхъ она исполняла баритонную партію. Въ 1840 году, она вмѣстѣ со знаменитой, геніальной итальянкой Пастой пѣла „Монтекки и Капулетти", и приводила публику въ неописуемый восторгъ своимъ страстнымъ, патетическимъ исполненіемъ партіи „Ромео". Въ томъ же году, она исполняла съ одинаковымъ же совершенствомъ и энтузіазмомъ партію „Теобальдо" въ оперѣ Морлакки „Теобальдо и Изолина", по либретто своему очень сходной съ „Монтекки и Капулетти". По поводу первой изъ этихъ двухъ оперъ, Кукольникъ писалъ въ „Художественной Газетѣ": „Скажите, у какого Тальмы или Гаррика училась г-жа Петрова? У кого перенялъ Теобальдо дивную простоту и правду игры? Только способностямъ высшаго разряда дозволено однимъ вдохновеннымъ предчувствіемъ уга-

*) А. Я. Воробьева въ 1837 году вступила въ бракъ съ О. А. Петровымъ.

**) Сойдя со сцены, А. Я. скромно доживала остальную часть своей жизни въ семьѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія она стала терять зрѣніе и за послѣднія пять лѣтъ утратила его совершенно. Она скончалась 13-го апрѣля 1902 года на 86 году жизни.

дывать предѣлы изящнаго и, увлекая другихъ, самимъ увлекаться, выдерживая до конца и возрастаніе страстей, и силу голоса, и малѣйшіе оттѣнки роли. Оперное пѣніе врагъ жестикуляціи. Нѣтъ артиста, который не былъ бы хотя нѣсколько смѣшонъ въ оперѣ. Г-жа Петрова въ этомъ отношеніи поражаетъ изумленіемъ. Не только не смѣшно, напротивъ, все у ней картинно, сильно, выразительно, граціозно, а главное, правдиво, истинно!"

О. А. Петровъ нетолько былъ крупнымъ несравненнымъ художникомъ въ произведеніяхъ національнаго генія (стоитъ вспомнить его мельника въ „Русалкѣ", Лепорелло въ „Каменномъ гостѣ" Даргомыжскаго, Фарлафа и Руслана въ „Русланѣ", Варлаама въ „Борисѣ" Мусоргскаго и др.), но и въ многочисленныхъ роляхъ иностраннаго репертуара. Съ честью подвизался О. А. Петровъ на нашей итальянской казенной сценѣ, въ 40-хъ годахъ, вмѣстѣ съ Віардо, Лаблашемъ, Рубини, Тамбурини и др. корифеями итальянскаго музыкально-драматическаго искусства. Въ общей сложности О. А. Петровъ создалъ слишкомъ сто ролей въ разнообразнѣйшемъ репертуарѣ. Упомянуть должно и его чудесное исполненіе, полное художественной красоты, романсовъ Глинки, Даргомыжскаго и Мусоргскаго, новыя музыкальныя вѣянія котораго нашли въ артистѣ-художникѣ весьма чуткаго истолкователя.

21-го апрѣля 1876 года праздновался въ Маріинскомъ театрѣ 50-тилѣтній юбилей О. А. Это торжество было совершенно необычайное. Не многіе изъ русскихъ представителей сценическаго искусства удостоивались такихъ шумныхъ овацій, какихъ онъ былъ удостоенъ въ этотъ день. Отъ Государя Императора была пожалована ему и надѣта публично на сценѣ, переполненной артистами французской, нѣмецкой и балетной труппъ, золотая медаль съ бриліантами; затѣмъ прочитаны были рескриптъ отъ Великаго Князя Константина Николаевича, покровителя Русскаго Музыкальнаго Общества, множество адресовъ, телеграммъ и стихотвореній, присланныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи, потомъ были поднесены разные цѣнные подарки какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ обществъ. Главными между ними были: два шифра, украшенные бриліантами и золотой вѣнокъ съ бриліантами, на каждомъ листочкѣ котораго было выгравировано названіе одной изъ 100 оперъ, исполненныхъ впродолженіе долгой своей художественной карьеры, О. А. Петровымъ. Наконецъ, возвратясь домой въ каретѣ, которую везла сама публика, при восклицаніяхъ слѣдовавшей за нею безчисленной толпы народа, художникъ нашелъ домъ свой весь

сіяющій газовой иллюминаціей съ шифровымъ щитомъ. 27-го февраля 1878 года тихо и безболѣзненно заснулъ и отошелъ въ вѣчность этотъ знаменитый артистъ, богатырь русской оперной сцены, незабвенный въ ея исторіи. Больше пятидесяти лѣтъ прослужилъ онъ родному искусству, озаряя его лучами своего высокаго и могучаго таланта и умеръ, не переживъ своей славы, еще за день — за два до смерти дивя зрителей крѣпостью своихъ силъ и неувядаемостью дарованія.

О. А. Правдинъ.

(По поводу 25-лѣтія его сценической дѣятельности).

Осипъ Андреевичъ Правдинъ родился 16-го іюня 1849 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, купецъ 1-й гильдіи Трейлебенъ, имѣлъ большое торговое дѣло и готовилъ своего сына въ морской корпусъ. Но торговыя дѣла отца Правдина пошатнулись, онъ вышелъ изъ 1-й гильдіи и тѣмъ самымъ потерялъ право помѣстить сына въ корпусъ. О. А. Правдинъ учился сначала въ Peterschule, а затѣмъ въ 5-й Петербургской гимназіи, гдѣ и кончилъ курсъ (тогда семиклассный). Между гимназистами четвертаго класса образовался любительскій кружокъ, въ которомъ О. А. Правдинъ занялъ видное мѣсто. Его дядя, художникъ, былъ тоже страстный любитель: въ его квартирѣ была устроена постоянная, довольно большая сцена, небезизвѣстнаго въ то время любительскаго кружка „Конкордія". О. А. удалось уговорить своего дядю и тотъ уступилъ гимназистамъ свою сцену, на которой они и практиковались. Затѣмъ юный любитель подвизался въ труппѣ извѣстнаго артиста-любителя Квадри-Рамина. Два года подрядъ не пропускалъ онъ ни одной репетиціи этого кружка и молча сидѣлъ на нихъ въ глубинѣ театра. Случай однако помогъ и ему заговорить. Репетировали „Бѣдность не порокъ". Локтевъ, игравшій Разлюляева, заболѣлъ. Замѣнить его было не кѣмъ. Раминъ тогда вспомнилъ о молчаливомъ гимназистѣ.—Можете сыграть Разлюляева?—Очень могу.—Играйте. Правдинъ сыгралъ, и имѣлъ шумный успѣхъ, окончательно рѣшившій его судьбу. Въ этомъ спектаклѣ роль Гуслина игралъ извѣстный пѣвецъ Саріотти (Сиротининъ), тоже бывшій гимназистъ 5-й гимназіи; знаменитый пѣвецъ Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, пришелъ посмотрѣть на своего сотоварища. Увидѣвъ Правдина въ Разлюляевѣ, онъ былъ пріятно пораженъ и,

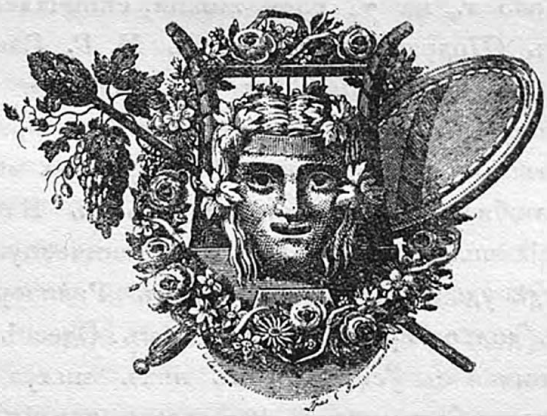
похваливъ молодого дебютанта, сказалъ ему: „работай, трудись, изъ тебя выйдетъ очень хорошій актеръ". Все это было въ эпоху перваго появленія частныхъ театровъ, въ концѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, когда частные спектакли были очень въ ходу и пользовались большой симпатіей у публики, что дало мысль двумъ театральнымъ критикамъ—М. Е. Рапопорту и М. Г. Вильде устроить лѣтомъ 1868 г. театръ въ Лѣсномъ. Труппа состояла исключительно изъ молодыхъ актеровъ. Въ ней сразу выдвинулись и стали любимцами публики слѣдующія лица: Н. П. Кирѣевъ (тогда еще офицеръ), К. А. Варламовъ, О. А. Правдинъ, А. М. Невскій, сестры Козловскія, Бѣльскія, Алексѣевы, Уманецъ-Райская, Весеньевъ, извѣстный любитель полковникъ Щукаревъ, Я. М. Холодовъ и многіе др. Репертуаръ состоялъ изъ комедій, драмъ и опереттъ. О. А. Правдинъ, благодаря своей талантливости, выдвинулся весьма скоро. Успѣхъ его не прошелъ незамѣтнымъ, онъ обратилъ вниманіе Гельсингфорской казенной дирекціи, которая въ августѣ 1869 г. пригласила его на роли комиковъ. Конкурентъ О. А., извѣстный провинціальный артистъ Андреевъ-Бурлакъ, опасно заболѣлъ и Правдинъ самостоятельно неся весь репертуаръ первыхъ комиковъ, съ успѣхомъ прослужилъ въ Гельсингфорсѣ два сезона. На 1871 годъ О. А. Правдинъ получилъ приглашеніе въ Новочеркасскъ, гдѣ въ то время директоромъ былъ графъ Ю. Н. Подгоричани. Тамъ Правдинъ игралъ драмы и комедіи, водевили и главнымъ образомъ оперетки, которыя въ то время вошли въ моду и игрались на всѣхъ сценахъ. По словамъ О. А., директоръ Новочеркасскаго театра былъ очень образованный и чуткій человѣкъ; онъ относился съ замѣчательной любовью къ театру и интересовался всѣми мельчайшими подробностями театральной техники. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ раздачѣ ролей; зачастую на дому у графа дѣлались считки. Графъ обладалъ солиднымъ музыкальнымъ образованіемъ и поэтому дѣлалъ всегда указанія капельмейстеру Шмиту, типичному флегматичному нѣмцу. Однажды графъ заѣхалъ на репетицію въ камергерскомъ мундирѣ, при орденахъ. Его возмутилъ какой-то неправильный темпъ капельмейстера; онъ попросилъ уступить ему на моментъ капельмейстерское кресло, а самъ, увлекшись, прекрасно продирижировалъ всю оперетку, чѣмъ вызвалъ громъ рукоплесканій труппы. Послѣ двухъ очень успѣшныхъ сезоновъ въ Новочеркасскѣ, О. А. былъ приглашенъ съ апрѣля 1873 г. (на круглый годъ) въ г. Тифлисъ, гдѣ режиссеръ Императорскихъ театровъ А. А. Яблочкинъ

снялъ театръ. О. А. пробылъ въ Тифлисѣ два года и имѣлъ очень большой успѣхъ. Вѣроятно онъ пробылъ-бы тамъ еще долгое время, но на несчастье 11-го октября 1874 г. сгорѣлъ чудный зимній театръ, выстроенный кн. Воронцовымъ, и О. А. пришлось разстаться съ Тифлисомъ. Послѣ пожара Тифлисскаго театра, О. А. поѣхалъ къ себѣ домой въ Петербургъ, гдѣ встрѣтился со своимъ бывшимъ директоромъ графомъ Подгоричани, который предложилъ ему свое содѣйствіе и сталъ сильно хлопотать о поступленіи О. А. на Императорскую Петербургскую сцену. Директоръ театровъ баронъ Кистеръ и П. С. Ѳедоровъ, тогдашній начальникъ репертуара, отнеслись къ ходатайству графа съ должнымъ вниманіемъ и Правдинъ былъ допущенъ къ дебютамъ на Александринскомъ театрѣ 27-го апрѣля 1875 г. въ комедіи А. Н. Островскаго „Лѣсъ", въ роли Счастливцева, и въ водевилѣ „Настроилъ, разстроилъ, устроилъ" въ роли Штиммера, 30-го апрѣля въ „Прекрасной Галатеѣ" опереткѣ Зуппе, (роль Мидаса), 7-го мая въ „Мужья одолѣли" А. Плещеева (ролью Ивана Ивановича Шмерца), и 14-го мая онъ выступилъ въ „Птичкахъ пѣвчихъ", опереткѣ Оффенбаха въ роли губернатора. Очень большую нравственную поддержку во время дебюта оказалъ молодому дебютанту извѣстный въ свое время артистъ И. И. Монаховъ. Дебютантъ имѣлъ солидный успѣхъ во всѣхъ выше помянутыхъ роляхъ, но не сошелся въ условіяхъ съ дирекціей. Дирекція предлагала 900 руб. жалованья, 10 р. разовыхъ, Правдинъ же просилъ кромѣ этого еще и полубенефисъ. Не сойдясь, онъ вновь уѣхалъ въ провинцію. Въ Кіевѣ у Сѣтова, гдѣ онъ игралъ послѣдній лѣтній сезонъ 1877 г., на гастроли пріѣхалъ артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ Шумскій. Послѣдній обратилъ вниманіе на О. А., какъ на выдающагося актера и посовѣтовалъ ему ѣхать въ Москву и дебютировать въ Маломъ театрѣ. Правдинъ послушался его совѣта и поѣхалъ въ Москву искать счастья. Здѣсь онъ вначалѣ устроился въ артистическомъ кружкѣ, поступивъ туда въ качествѣ актера и режиссера (обязанности котораго онъ не разъ исполнялъ и въ провинціальныхъ театрахъ). Громадный успѣхъ на сценѣ артистическаго кружка посодѣйствовалъ тому, что управляющій московскими театрами П. А. Кавелинъ, по настоянію тогдашняго начальника репертуара В. П. Бѣгичева, разрѣшилъ ему дебюты въ Маломъ театрѣ, гдѣ они и состоялись: 5-го марта 1878 г. въ комедіи „Мужья одолѣли", 11-го марта въ „Запискахъ сумасшедшаго", Гоголя, 12-го марта въ комедіи „Лѣсъ",

А. Н. Островскаго и 15-го марта въ комедіи К. Тарновскаго „Тетеревамъ не летать по деревамъ". Дебютантъ во всѣхъ этихъ роляхъ понравился публикѣ, имѣлъ выдающійся успѣхъ и дирекція предложила ему 900 р. жалованья, 15 р. разовыхъ и полубенефисъ. Интересенъ разсказъ самого О. А. объ его настроеніи на этихъ дебютахъ: „Какъ я вошелъ въ уборную, какъ я загримировался и вышелъ изъ нея на сцену, какъ ухватился за стулъ и опустился на него, благо онъ стоялъ около двери, я этого ничего тогда не помнилъ. Только рукоплесканія публики вывели меня изъ полнаго оцѣпенѣнія и призвали меня снова къ жизни. Я всталъ и началъ роль, мнѣ и не надо было садиться. Я опустился только потому, что сами ноги подкосились", такъ высоко стоялъ тогда московскій Малый театръ и такъ велико было преклоненіе провинціальныхъ артистовъ передъ традиціями театра. „Мало того, прибавляетъ О. А, „даю вамъ честное слово, что въ продолженіи 2—3 лѣтъ я ни разу не игралъ, отдаваясь вполнѣ безотчетному чувству воплощенія роли. Всегда докучный анализъ, надоѣдливая самокритика, сопровождали каждое мое слово, каждый мой жестъ. Даже такая высокохудожественная игра, какъ покойныхъ Н. М. Медвѣдевой, С. П. Акимовой, И. В. Самарина и нынѣ здраствующихъ Г. Н. Ѳедотовой, М. Н. Ермоловой, Н. А. Никулиной, не могли меня заставить забыться вполнѣ. Только по истеченіи приблизительно трехъ лѣтъ я сталъ принадлежать самому себѣ, какъ артистъ, и нашелъ возможность отдаваться во время игры воплощенію задуманнаго типа". О. А. Правдинъ артистъ весьма разнообразнаго дарованія, съ обширнымъ репертуаромъ, и одно изъ выдающихся качествъ его—это умѣніе гримироваться.

О. А. очень рано занялся театральной педагогикой: еще въ Тифлисѣ началъ онъ давать уроки драматическаго искусства, преподавалъ и преподаетъ его и въ Императорскомъ театральномъ училищѣ и въ школѣ Филармоническаго общества. Когда въ Москвѣ, въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, учреждалась драматическая школа при Императорскихъ театрахъ, по новой программѣ, О. А. Правдинъ былъ командированъ дирекціей въ Петербургъ для принятія участія въ Комиссіи по выработкѣ ея новыхъ положеній, правъ и программы. Въ числѣ учениковъ и ученицъ Правдина, надо назвать Е. К. Лешковскую, М. А. Потоцкою, Е. П. Полянскую, И. А. Рыжова, Н. К. Яковлева, Ѳ. А. Парамонова. О. А. является также первымъ иниціаторомъ поѣздокъ артистовъ Императорскихъ театровъ. Самые отдаленные города видѣли не разъ образцовое сценическое исполненіе

благодаря энергіи и стараніямъ ихъ организатора. Остается прибавить о весьма плодотворной дѣятельности юбиляра на почвѣ филантропіи. Онъ, какъ предсѣдатель Общества для призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ, положилъ много труда, энергіи и силъ для успѣха этого симпатичнаго учрежденія.



Гавріилъ Николаевичъ Стремляновъ.

Некрологъ.

† 18-го марта 1903 г.

18-го марта 1903 г., на 72 году жизни, скончался въ Петербургѣ Г. Н. Стремляновъ (Подраменцовъ), отецъ М. Г. Савиной. Покойный, окончивши курсъ въ московской школѣ живописи и ваянія, долгое время былъ въ провинціи учителемъ рисованія, профессію котораго въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ перемѣнилъ, послѣ многолѣтняго удачнаго участія въ любительскихъ спектакляхъ въ Каменецъ-Подольскѣ, на званіе провинціальнаго актера. Свою сценическую карьеру Г. Н. началъ въ Кіевѣ, гдѣ удачно дебютировалъ въ „Ревизорѣ" Гоголя ролью Осипа; затѣмъ онъ долгое время служилъ въ Одессѣ и многихъ южныхъ городахъ, занимая съ успѣхомъ въ нихъ амплуа комика резонера. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Г. Н., переселясь въ Петербургъ, сталъ играть на клубныхъ сценахъ роли самаго разнообразнаго характера; изъ числа ихъ любимой его была Самсона Вырина въ драмѣ „Станціонный смотритель", передѣланной изъ повѣсти Пушкина, которую онъ дѣйствительно исполнялъ очень удачно. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ поступить на Императорскую сцену, Г. Н. въ 1886 году былъ принятъ на нее; прослуживъ 14 лѣтъ, онъ, получивъ пенсію, въ которую была зачислена его служба по министерству народнаго просвѣщенія, вышелъ 1 февраля 1900 г. въ отставку и несмотря на свои преклонные года, не разрывалъ связи съ театромъ, появляясь на его подмосткахъ почти до послѣднихъ дней своей жизни.

Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ.

Некрологъ.

Александръ Васильевичъ Суховò-Кобылинъ—сынъ полковника артиллеріи, героя Отечественной войны трижды раненаго георгіевскаго кавалера, которому при взятіи Парижа было поручено съ его батареей занять и охранять Пала-руаяль. Александръ Васильевичъ родился въ 1817 году, 17-го сентября, получилъ домашнее образованіе, затѣмъ поступилъ въ московскій Университетъ по второму отдѣленію философскаго факультета и окончилъ курсъ въ 1838 году кандидатомъ, съ серебряною медалью за сочиненіе „Ingenie Horatiani historia interior". Въ университетѣ Александръ Васильевичъ пристрастился къ философіи и поѣхавъ въ Берлинъ, окунулся въ первоисточникъ философіи, слушая лекціи самого Гегеля. Сухово-Кобылинъ, вѣроятно, никогда не сдѣлался-бы литераторомъ, еслибы суровая дѣйствительность не заставила его задуматься надъ условіями тогдашней жизни и не натолкнула его на оригинальные типы. Въ 1851 году въ Москвѣ 16-го января была убита француженка Симонъ. Она вышла вечеромъ изъ дома и назадъ не возвращалась. Встревоженный этимъ А. С. Сухово-Кобылинъ, имѣвшій основаніе считать ее себѣ лицомъ болѣе близкимъ, а не только гувернанткой дочери, заявилъ объ этомъ исчезновеніи въ канцелярію московскаго оберъ-полицмейстера. Начались розыски полиціи. Симонъ была найдена черезъ нѣсколько дней въ сугробѣ снѣга на Ходынскомъ полѣ убитой, съ переломленными ребрами, со слѣдами удушенія на горлѣ. Она была одѣта такъ, какъ вышла изъ дому—въ шубкѣ, шляпкѣ, съ муфтой въ рукахъ, на которыхъ были перчатки, въ ушахъ серьги, при часахъ, съ портмонэ съ деньгами, на пальцахъ

кольца. Словомъ, никакихъ слѣдовъ ограбленія или какой-либо корыстной цѣли. Явилось убѣжденіе, что поводомъ убійства могла быть месть, злоба или иныя побужденія подобнаго свойства. Дознали, что убитая француженка была вспыльчива, и, по условіямъ того крѣпостнаго времени, нерѣдко жестока съ людьми, прислугой. Тѣло убитой найдено было по указанію самого Сухово-Кобылина, что впослѣдствіи послужило одной изъ уликъ противъ него, хотя обвиняемый и объяснялъ вполнѣ правильно свое указаніе: наканунѣ убитая говорила ему, что поѣдетъ кататься въ Петровскій паркъ. Оговоръ противъ Сухово-Кобылина сдѣлала „дворовая дѣвка", Аграфена Иванова, показавшая слѣдователю, будто „баринъ" обѣщаніями награды и заступничества склонилъ „вѣрныхъ слугъ своихъ" на дѣло убійства и на лжесвидѣтельство. Все это въ концѣ-концовъ по суду было признано ложью и Сухово-Кобылинъ былъ оправданъ. Но ложь эта открыла ему глаза на многія явленія въ жизни... И ей мы, по всему вѣроятію, обязаны появленіемъ его пьесъ. Существуетъ мнѣніе, что „Свадьба Кречинскаго" написана въ тюрьмѣ, куда А. В. Сухово-Кобылинъ попалъ по дѣлу Симонъ. Это невѣрно. Самъ Александръ Васильевичъ не разъ разсказывалъ, что знаменитая комедія писалась въ Берлинѣ и набрасывалась имъ „между прочимъ" въ промежутки между „настоящимъ дѣломъ", т. е. занятіями философіей Гегеля. „Я не придавалъ этимъ набросками никакого значенія и не думалъ о томъ, что мои эскизы когда нибудь попадутъ на сцену!" говорилъ А. В. Сюжетомъ для своего перваго произведенія А. В. избралъ надѣлавшій много шума скандальный случай, сильно взволновавшій петербургское общество,—о подмѣнѣ драгоцѣнной булавки нѣкіемъ полякомъ красавцемъ Крысинскимъ, выдававшемъ себя за графа, а потому имѣвшемъ входъ въ лучшее петербургское общество, но оказавшимся въ концѣ концовъ лакеемъ князя Радзивилла. Крысинскій долгое время жилъ въ Ярославлѣ, гдѣ съ нимъ встрѣчался и Сухово-Кобылинъ въ семьѣ мѣстнаго помѣщика Ильина, давшей ему матеріалъ для созданія Муромскаго и Атуевой; прототипомъ Расплюева для А. В. послужилъ нѣкій пѣвчій Ярославскаго архіерейскаго хора Евсей Крыловъ, состоящій при Крысинскомъ во время его пребыванія въ Ярославлѣ, „билліардный" игрокъ и шулеръ, покончившій весьма печально свою жизнь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Ярославлѣ, послѣ одной шулерской продѣлки съ актерами мѣстнаго театра на билліардѣ въ гостиницѣ „Столбы".

А. В. Сухово-Кобылинъ окончилъ „Свадьбу Кречинскаго“ въ 1854 году и тогда-же познакомилъ съ ней гостившаго у него П. М. Садовскаго. Сохранилось преданіе, что послѣдній забраковалъ комедію и предсказывалъ ей неуспѣхъ на сценѣ. С. В. Шумскому, взявшему пьесу въ свой бенефисъ, большихъ трудовъ стоило уговорить знаменитаго артиста исполнить въ ней роль Расплюева, сдѣлавшуюся впослѣдствіи одной изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. Первое представленіе знаменитой комедіи состоялось 26-го ноября 1855 года въ бенефисъ г. Шумскаго. Но именно то обстоятельство что „Свадьба Кречинскаго“ шла въ бенефисный, а не въ казенный спектакль повлекло за собою для автора большую непріятность. Онъ двадцать пять лѣтъ не получалъ за ея представленія никакого вознагражденія. Роли въ комедіи при первой ея постановкѣ на сценѣ Малаго театра играли: Муромскаго—г. Щепкинъ; Лидочку—г-жа Воронова; Атуеву—г-жа Рыкалова; Расплюева—г. Садовскій; Нелькина—г. С. В. Васильевъ; Ѳедора—г. Дмитревской; Щебнева—г. Никифоровъ. Первое представленіе комедіи прошло съ громаднымъ успѣхомъ и для автора и для артистовъ, а на слѣдующія представленія билеты брались уже съ бою и попасть въ театръ на пьесу считалось необыкновеннымъ счастіемъ. По поводу этого рѣдкаго успѣха существуетъ даже такой характерный анекдотъ. Послѣ одного изъ представленій пьесы, былъ поставленъ водевиль „Подставной женихъ“. Въ самомъ концѣ, когда, по обыкновенію всѣхъ водевилей, дѣло оканчивается свадьбой, знаменитый комикъ-буффъ В. И. Живокини долженъ былъ, по замыслу автора, пригласить присутствующихъ въ театрѣ зрителей на свадебный балъ своей дочери. „Иди, иди, проси къ себѣ на бракосочетаніе“—говоритъ Живокини дочери, указывая на публику. Дочь конфузится. „Ну, я за тебя попрошу“,—говоритъ онъ, и обращается къ зрителямъ; „Моя дочь выходитъ замужъ, черезъ недѣлю состоится ея свадьба. Удостойте чести молодыхъ—пожалуйте на свадьбу... Что-съ? Вы молчите? Вамъ не угодно?—Ахъ, папенька! робко шепчетъ невѣста.—Не хотятъ! съ комическою гордостью произноситъ Живокини и вставляетъ импровизацію. „Вотъ на твоей-то свадьбѣ и побывать не хотятъ, а на „Свадьбу Кречинскаго“, посмотри-ка, такъ и лѣзутъ, мѣстъ не хватаетъ!“ Успѣхъ „Свадьбы Кречинскаго“ возрасталъ съ каждымъ представленіемъ. Многія выраженія изъ нее стали поговорками: „Была игра“, „Просвѣщенные мореплаватели“, „Ударь разъ, ударь два“ и другія вошли во всеобщее употребленіе, а Кречинскій, и въ особенности Расплюевъ, стали нарицательными именами.

„Свадьба Кречинскаго“ была сыграна на сценѣ Малаго театра 194 раза. Роли въ ней исполняли послѣдовательно: Муромскаго — гг. Щепкинъ, Нѣмчиновъ, Петровъ, Никифоровъ, Акимовъ, Рыбаковъ; Лидочки — г-жи Воронова, Никифорова 1-ая, Мухина, Зеленькова, М. Н. Ермолова, Ермолова-Кречетова, Домашева, Н. Васильева, Шумская, Бирилева, Арсеньева; Атуевой—г-жи Рыкалова, Акимова, Полянская, Г. Н. Ѳедотова; Нелькина—гг. С. В. Васильевъ, В. Ленскій, Нѣмовъ, Александровъ, Лавровъ 2, Ленскій 2-ой, Яковлевъ, Рыжовъ, Красовскій; Кречинскаго — гг. Шумскій, Рѣшимовъ, Южинъ; Расплюева—гг. Садовскій, П. М., Макшеевъ, Грековъ, Парамоновъ; Бека—гг. Кремневъ, Черневскій, Кондратьевъ, Рябовъ, Колосовъ, Дротовъ, Гаринъ; Ѳедора—гг. Дмитревскій, Миленскій, Шаломытовъ, Д. Живокини, Падаринъ, Лазаревъ 2; Щебнева,—Никифоровъ, Разсказовъ, Охотинъ, Ленскій, Геннертъ. Постановка „Свадьба Кречинскаго“, въ Петербургѣ на сценѣ Александринскаго театра встрѣтила также протестъ со стороны актеровъ. Знаменитые Максимовъ и Мартыновъ, которымъ самъ Сухово-Кобылинъ предназначалъ роли Кречинскаго и Расплюева отказались принять какое-либо участіе въ пьесѣ, мотивируя свой отказъ несимпатичнымъ освѣщеніемъ героевъ, одного шулера, другого — мошенника [1]). Лично симпатизировавшій автору директоръ Гедеоновъ, самъ упрашивалъ актеровъ согласиться, но даже его просьбы оказались безплодны. Обѣ знаменитости пророчили пьесѣ рѣшительный провалъ. Быть можетъ, здѣсь играло роль и опасеніе скандала, такъ какъ ни для кого не могло быть секретомъ, что въ Кречинскомъ нужно узнавать Крысинскаго, темная исторія котораго только что отгремѣла. Приходилось или отложить постановку пьесы, или отдавать роли другимъ. Кречинскій былъ отданъ Самойлову, Расплюевъ—Бурдину, что автору было не по душѣ. Мало того, когда пьесу репетировали, случился любопытный эпизодъ. Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что комедія неоригинальна: недавно въ Парижѣ была поставлена комедія „Le Faiseur“ („Аферистъ“), въ которой почти такія же сценическія положенія, какъ и въ репетируемой сейчасъ, и также она кончается словомъ: „сорвалось!“ А. В.

---

[1]) Мартыновымъ впослѣдствіе была сдѣлана попытка сыграть роль Расплюева, но она оказалась неудачной: „Роль Расплюева, — пишетъ одинъ изъ театральныхъ хроникеровъ того времени, — представляла много возможности отличиться г. Мартынову, но онъ не вполнѣ воспользовался этою возможностью. Онъ не создалъ лица, а явился просто г. Мартыновымъ, которому зрители много апплодировали—какъ не апплодировать г. Мартынову!“

Сухово-Кобылинъ въ ужасѣ! Онъ—плагіаторъ?! Онъ даетъ честное слово, что о парижскомъ „Фезерѣ“ даже не слышалъ. Впрочемъ, инцидентъ скоро исчерпывается и „Свадьба Кречинскаго“, данная 4-го мая 1856 года въ бенефисъ Ѳ. Бурдина, имѣетъ выдающійся успѣхъ. Критика, или точнѣе сказать, журналы отозвались о комедіи Сухово-Кобылина чрезвычайно холодно, какъ это почти всегда бываетъ относительно пьесъ опередившихъ свое время, и возвышающихся надъ уровнемъ пониманія критиковъ. Безпристрастнѣй другихъ въ этомъ отношеніи былъ А. Шпилевскій, давшій послѣ перваго представленія пьесы, въ „Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ“ Раппапорта слѣдующій отзывъ: „Легкость языка и умѣнье пользоваться лицами и событіями — выдвигаютъ комедію на степень очень занимательной пьесы. Мы видимъ въ комедіи г. Сухово-Кобылина умно-слаженную пьесу для занимательнаго и успѣшнаго сценическаго представленія. Авторъ показалъ много знанія въ первомъ своемъ сценическомъ опытѣ: достоинство его знанія состоитъ въ томъ, что онъ не запутался въ довольно сложной интригѣ и всю эту сложность сумѣлъ вдвинуть въ три дѣйствія. Въ пьесѣ—много очень дѣльныхъ, мѣткихъ и ловкихъ фразъ, въ которыхъ проглядываетъ умное намѣреніе казнить дурную сторону человѣка, казнить ѣдко, но безъ громкихъ пустыхъ фразъ... Многія фразы какъ бы выхвачены изъ жизни и производятъ надлежащее дѣйствіе... Вообще „Свадьбу Кречинскаго“—можно смѣло назвать искусно задуманнымъ и счастливо выполненнымъ сценическимъ представленіемъ... Кречинскій вышелъ превосходный живой фатъ... Расплюевъ—тоже. Зрители были очень довольны піесою и вызовы автора были дружные, единогласные... Но автора не было въ театрѣ... Г. Самойловъ окончательно дополнилъ мысли автора и, если можно такъ выразиться, доконалъ Кречинскаго... Сомнѣваемся, чтобъ г. Шумскій въ Москвѣ могъ сравниться съ нашимъ Самойловымъ въ роли Кречинскаго... Лишь только явился г. Самойловъ, въ первомъ дѣйствіи, въ домѣ Муромскихъ—всѣ такъ и изумились, увидя предъ собою живую натуру этихъ самоувѣренныхъ, пустыхъ, безденежныхъ фатовъ, умѣющихъ какъ-то, съ перваго своего появленія въ обществѣ, обратить на себя общее вниманіе. Г. Самойловъ былъ безподобенъ! Роль Кречинскаго—богатое созданіе генія-артиста!.. Какъ вѣрно онъ держалъ себя въ обществѣ съ тетушкой, съ отцомъ Лидочки, съ самой Лидочкой! Какъ натураленъ въ обращеніи со своимъ паразитомъ; во всемъ видно творческое созданіе артиста... Но каковъ былъ г. Самойловъ, въ сценѣ мнимо-бла-

городнаго негодованія, по случаю возведенной на него клеветы!! Какое умѣнье угадать положеніе самоувѣреннаго наглеца, понимающаго, какъ должно воспользоваться правомъ своего мнимо-честнаго поведенія... Презрѣніе, гордость, торжество и вмѣстѣ внутреннее сознаніе своей порочности — все это вмѣстѣ отразилось въ физіономіи г. Самойлова, когда онъ выгонялъ изъ дому Нелькина... А какъ спокойно и вмѣстѣ величаво произнесъ онъ „Сорвалось"! Какъ ясно обнаружилъ онъ происхожденіе своего героя, когда на вопросъ полицейскаго: „ваша фамилія? отвѣтилъ роднымъ акцентомъ героя: „Кречинскій"! Зрители торжествовали при видѣ чудной, неподражаемой игры г. Самойлова; вызовамъ въ продолженіи комедіи, даже въ срединѣ, не было счету... Роль Нелькина у автора не совсѣмъ замѣтная... Но г. Максимовъ выдвинулъ ее силою своего таланта и оживилъ блѣдный очеркъ этого лица. Въ первомъ дѣйствіи онъ очень вѣрно очерчиваетъ характеры такихъ людей, какъ Кречинскій; съ насмѣшкой, но безъ желчи онъ передаетъ свои мнѣнія о Кречинскомъ. Но особенно хорошъ былъ г. Максимовъ въ сценѣ отчаянія, когда его обвиняютъ въ клеветѣ и отказываютъ отъ входа въ домъ любимаго имъ семейства, гдѣ онъ находилъ отраду въ обществѣ съ Лидочкой... Съ горькимъ упрекомъ онъ жалуется на свою судьбу, на свою неловкость и скорбитъ, что свѣтъ предпочитаетъ „бакенбарды войлокомъ" прямой, честной, но не вертлявой натурѣ... Какъ жаль, что авторъ, не совсѣмъ окончилъ изображеніе лица Нелькина... Г. Максимовъ заслужилъ всеобщее, восторженное браво: первый выходъ его встрѣченъ былъ даже гораздо восторженнѣе, чѣмъ появленіе г. Самойлова. Роль Муромскаго исполнена г. Григорьевымъ нѣсколько вяло: болѣе удаченъ былъ онъ въ разговорѣ съ Расплюевымъ. Г-жа Громова—какъ намъ кажется, преувеличила мысль автора въ роли тетушки, когда эта тетушка и безъ того очерчена авторомъ (хотя и неполно) слишкомъ размашисто. „Роль Лидочки, по словамъ рецензента, очень шла къ г-жѣ Владиміровой; чтоже касается роли Расплюева, исполненной самимъ бенефиціантомъ, то, по свидѣтельству „Современника" (1856 г., к. 6 стр. 160). „Г. Бурдинъ, понялъ ея грубо, чисто внѣшнимъ образомъ и тѣмъ набросилъ на всю пьесу непріятную тѣнь". „Свадьба Кречинскаго" до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара. Исполнителями въ ней главныхъ ролей послѣдовательно являлись: Кречинскаго: г.г. Самойловъ, Шумскій (гастроли), Монаховъ, Полонскій, Киселевскій, Далматовъ, Ленскій; Расплюева: г.г. Бурдинъ, Мартыновъ, Шемаевъ, П. Садовскій (гастроли),

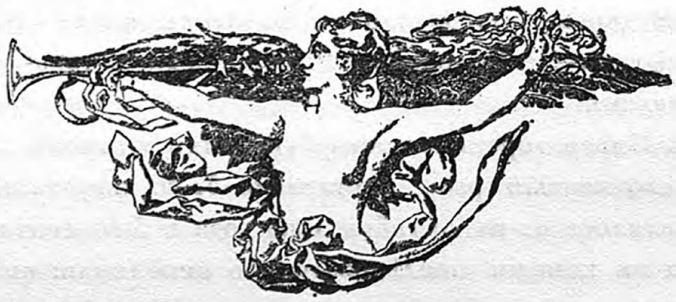
П. Васильевъ, Виноградовъ, Градовъ-Соколовъ, Давыдовъ и П. М. Медвѣдевъ.

„Свадьба Кречинскаго" составляетъ въ сущности первую часть трилогіи, остальныя части которой—драма „Дѣло" и комедія-шутка „Смерть Тарелкина". „Дѣло" является яркою иллюстраціею дореформенныхъ судебныхъ порядковъ. По признанію самого автора, пьеса эта „плоть и кровь его", написана его „желчью": это его месть его врагамъ. Самое важное въ ней то, что она по его же заявленію, прямо списана съ натуры и является такимъ образомъ документальною дѣйствительностью. По цензурнымъ условіямъ, на сценѣ комедія была представлена лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея написанія (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія), т. е. когда были введены новыя судебныя учрежденія, а потому и не произвела сильнаго впечатлѣнія на зрителей. „Дѣло", подъ названіемъ „Отжитое время", было дано на московскомъ Маломъ театрѣ въ первый разъ 16-го апрѣля 1882 года, въ бенефисъ А. М. Кондратьева, режиссера драматической труппы, а затѣмъ возобновлено 9-го ноября 1900 г. въ бенефисъ г. Правдина, выдержавъ со дня его первой постановки 18 представленій. Главныя роли въ драмѣ послѣдовательно исполняли: Муромскаго—гг. Самаринъ, Ленскій; Лидочки—г-жи Ѳедотова и Яблочкина; Атуевой—г-жа Медвѣдева и Ѳедотова; Нелькина—гг. Рыбаковъ, Рыжовъ; Ивана Ѳедорова—гг. Дурново и Ѳедотовъ; князя—гг. Рѣшимовъ и Айдаровъ; Варравина—гг. Правдинъ и Рыбаковъ; Тарелкина—гг. Андреевъ—Бурлакъ, Правдинъ

На сценѣ Императорскихъ петербургскихъ театровъ „Дѣло" (Отжитое Время) было первый разъ поставлено 31-го августа 1882 года; а затѣмъ возобновлялось 11-го октября 1896 года и 3-го сентября 1903 года, причемъ роли въ комедіи послѣдовательно исполняли: князя—гг. Киселевскій, Далматовъ, Ленскій; Варравина — г. Варламовъ; Тарелкина — гг. Сазоновъ, Аполлонскій; Живца—гг. Арди, Ремезовъ, Медвѣдевъ; Чибисова—гг. Осокинъ, Ждановъ; Ибисова — гг. Душкинъ, Лирскій, Усачевъ; Шила—гг. Трофимовъ, Осокинъ; Герца—гг. Глазуновъ, Гарлинъ; Шерца—гг. Трофимовъ, Крюковъ; Шмерца—гг. Шемаевъ, Лукашевичъ; Омеги—гг. Парамоновъ, Шаповаленко, Пантелѣевъ; Муромскаго—гг. Давыдовъ, Свободинъ; Лидочку—г-жи Дюжикова, Мичурина, Пасхалова, Стравинская; Атуеву—г-жи Жулева, Немирова-Ральфъ; Нелькина—гг. Горевъ, Новинскій, Аполлонскій, Петровъ; Разуваева—гг. Шкаринъ, Санинъ, Ст. Яков-

левъ; Тишку—гг. Петровскій, Берляндъ, Парамоновъ. Третья часть трилогіи А. С. Сухово-Кобылина—„Веселые Расплюевскіе дни“ (Смерть Тарелкина), написанная еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (въ 1868 г.), болѣе тридцати лѣтъ не появлялась на сценѣ, вслѣдствіе несогласія автора на нѣкоторыя измѣненія, потребованныя цензурой и не исполнялась на Императорской сценѣ. Пьеса была поставлена въ первый разъ 15-го сентября 1900 года на сценѣ театра Петербургскаго Литературно-Артистическаго Общества. Успѣхъ, который имѣла тамъ эта комедія-шутка, показалъ, что она не совсѣмъ еще устарѣла и не утратила интереса для нашего времени.

Кромѣ трилогіи, А. С. Сухово-Кобылинъ не написалъ ничего, Вся популярность и слава его основаны на „Свадьбѣ Кречинскаго“ и благодаря этой пьесѣ онъ избранъ въ почетные академики по разряду изящной словесности. А. С. Сухово-Кобылинъ скончался въ Больё на Ривьерѣ, 10-го марта 1903 года.



О. И. Дютшъ.

(По поводу сорокалѣтія его смерти).

5-го апрѣля 1863 года во Франкфуртѣ, вслѣдствіе хроническаго пораженія легкихъ, скончался извѣстный въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ О. И. Дютшъ, дѣятельность котораго по стеченіи разныхъ случайностей, не была оцѣнена такъ, какъ она этого заслуживала. Дютшъ былъ родомъ датчанинъ и музыкантъ по призванію, окончившій свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ знаменитаго Мендельсона-Бартольди. Онъ явился въ Петербургъ юношей, безо всякихъ матеріальныхъ средствъ, но съ большимъ запасомъ энергіи, жаждой труда и извѣстности и самыми блестящими надеждами, какъ и всякій артистъ, сознающій въ себѣ присутствіе творческой силы. Къ несчастью, съ нимъ повторилась таже печальная судьба, которая уже сломила столько дарованій. Надежды его не осуществились; разочарованіе наступило очень скоро; онъ долженъ былъ отказаться отъ самостоятельнаго труда, къ которому себя готовилъ и ради насущнаго хлѣба принять горькую обязанность поденщика нѣкоторыхъ бездарныхъ эксплуататоровъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя лица—имена ихъ извѣстны только близкимъ друзьямъ покойнаго—заказывали Дютшу разныя танцы для фортепіано и оркестра, безстыдно выставляли подъ ними свое имя, выпускали въ свѣтъ, пріобрѣтая такимъ образомъ и матеріальныя выгоды и нѣкоторую извѣстность на счетъ Дютша. Бѣдный артистъ не могъ долго выносить ни унизительной зависимости отъ эксплуататоровъ, ни гнетущей бѣдности, которая не оставляла его съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, и получивъ, по приглашеніи князя А. И. Барятинскаго, мѣсто капельмейстера въ одномъ изъ нашихъ армейскихъ полковъ, отправился на Кав-

казъ. Онъ пробылъ тамъ семь лѣтъ, впродолженіе которыхъ изъ музыкантовъ князя Чернышева полка образовалъ лучшій во всемъ краю, не только духовой, но и скрипичный оркестръ. Оставивъ службу, Дютшъ рѣшился снова поселиться въ Петербургѣ. Довольно скоро по возвращеніи Дютша съ Кавказа, онъ былъ опредѣленъ въ дирекцію Императорскихъ театровъ на должность капельмейстера, въ которой и оставался до самой смерти. Ему была также поручена обязанность разучивать вокальныя партіи съ хористами и пѣвцами. Дѣятельность Дютша какъ композитора почти незамѣтна, потому что, кромѣ оперетки „Узкіе башмаки", драматической оперы „Кроатка", музыки къ комедіи „Русская свадьба", „Деньщикъ" и проч., онъ подъ своимъ именемъ издалъ лишь нѣсколько вокальныхъ пьесъ для пѣнія, сонатъ и симфоній. Музыкальная критика, замѣтившая въ произведеніяхъ Дютша нѣкоторую искусственность (Gemachtheit) мелодіи, отдавала справедливость ихъ главному достоинству: мастерской, истинно художественной оркестровкѣ, которою онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Но надобно замѣтить, что произведенія Дютша, для того, чтобы гармоническія достоинства ихъ выступали передъ слушателями рельефно, требовали исполнителей первоклассныхъ, чего не въ такой степени требуютъ произведенія съ оригинальною мелодичностью. Знаніе контрапункта было въ немъ изумительно... О личныхъ свойствахъ покойнаго Дютша, какъ члена общества, семьянина, можно сказать, что каждому, знавшему добрую и симпатическую личность этого артиста—не любить его было невозможно.

Антонина Михайловна Дюжикова.

(По поводу 30-лѣтія ея артистической дѣятельности).

Антонина Михайловна Дюжикова родилась въ 1853 году и на 8-мъ году жизни поступила въ частный нѣмецкій пансіонъ М-me Щерба. Она окончила курсъ въ этомъ пансіонѣ въ 1869 году и послѣ долгихъ споровъ съ отцомъ, предназначавшимъ ее къ учительской дѣятельности, поступила въ 1870 году экстерной на драматическіе курсы Императорскаго Петербургскаго театральнаго училища, гдѣ и пробыла 3 года. Преподавателемъ драматическаго искусства на курсахъ былъ въ это время Павелъ Васильевичъ Васильевъ 2-й, у котораго она была любимой ученицей, вмѣстѣ съ покойнымъ Свободинымъ. А. М. была выпущена въ драматическую труппу 27-го мая 1873 года, на роли „первыхъ драматическихъ любовницъ" съ окладомъ жалованья въ 600 р. и дебютировала 5-го сентября того же года въ „Бѣдной невѣстѣ" Островскаго. Первую прибавку (10 рублей разовыхъ) за роль Крамолиной Антонина Михайловна получила сыгравъ пьесу Н. Потѣхина „Мертвая петля", въ которой она имѣла настолько шумный успѣхъ, что начальникъ репертуара, Павелъ Степановичъ Федоровъ, назначилъ ей эту прибавку послѣ 3-го акта, на первомъ же представленіи драмы Н. Потѣхина. Съ 1881 года окладъ жалованья Антонины Михайловны возвысился до 5,500 р., а съ іюня 1893 года она оставлена была на вторую службу и получила пенсію. Изъ массы ролей Антонины Михайловны (ей пришлось переиграть чуть ли не всѣ соотвѣтствующія ея амплуа роли репертуара) отмѣтимъ главнѣйшія: Марія Андреевна („Бѣдная невѣста"), Офелія („Гамлетъ"), Софья („Горе отъ ума"), Крамолина („Мертвая петля", Николая Потѣхина), Беатриче („Много шума изъ пустяковъ"), Катерина („Гроза"), Юдифь („Уріэль-Акоста"), Маріанна Крафъ

(„Призраки счастья"), Гедвига („Вильгельмъ Телль" Шиллера), Василиса Мелентьева, княгиня въ „Чародѣйкѣ" (Шпажинскаго), Каркунова въ „Сердце не камень", царевна Софья („Правительница Софья"), Клавдія („Старые годы"), Буланова („Въ духѣ времени"), вдова („На новыхъ началахъ"—Ге), Степанида („Около денегъ", Алексѣя Потѣхина), Паулина („Зимняя сказка", Шекспира), Пелагея („Хворая", Алексѣя Потѣхина) и т. д. Въ 1902 году, Антонина Михайловна по болѣзни, въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, покинула сцену, которой еще долгое время могла бы, благодаря своему недюжинному дарованію, служить украшеніемъ, Артисты-товарищи, для которыхъ утрата Антонины Михайловны была большой неожиданностью, душевно простились съ ней, поднеся ей на память при разставаніи драгоцѣнный медальйонъ, осыпанный бриліантами. Но, быть можетъ, долгое и строгое лѣченіе, возстановитъ силы А. М., и позволитъ ей вернуться на сцену.

И. И. Монаховъ.

(По поводу 25-лѣтія его смерти).

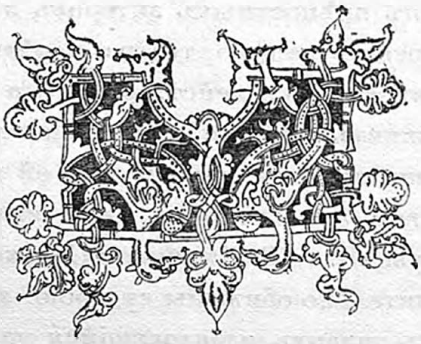
27 ноября 1877 года скончался отъ разрыва сердца Ипполитъ Ивановичъ Монаховъ. На сцену онъ поступилъ въ 1865 году совершенно случайно, удачно продебютировавъ въ водевилѣ Н. Кулакова „Средство выгонять волокитъ". Первое время служилъ онъ безъ жалованья, но послѣ превосходнаго исполненія роли Молчалина, былъ зачисленъ на окладъ 900 руб. и 15 руб. разовыхъ, при бенефисѣ; кромѣ Молчалина, онъ игралъ въ „Горе отъ ума" Чацкаго; Гончаровъ посвятилъ ему обширную статью подъ заглавіемъ „Милліонъ терзаній". Незадолго до смерти онъ попробовалъ свои силы въ роли „Репетилова". Репертуаръ Монахова очень великъ и крайне разнообразенъ. Въ продолженіе своей двѣнадцатилѣтней сценической карьеры имъ было сыграно 138 ролей, въ числѣ которыхъ къ самымъ удачнымъ могутъ быть причислены: Митрофанушка „Недоросль", Хлестаковъ „Ревизоръ", Кочкаревъ „Женитьба", Тартюфъ „Тартюфъ", Дмитрій Самозванецъ „Дмитрій Самозванецъ" — (Островскаго), Коршуновъ „Бѣдность не порокъ", Городулинъ „На всякаго мудреца", Гольцевъ „Шутники", Счастливцевъ „Лѣсъ", Кутузкинъ и Теодоръ „Виноватая", Лынчиковъ „Въ мутной водѣ", Жакъ „Скупой" — Кречинскій „Свадьба Кречинскаго", Дорси „Гувернеръ". Во время царства на Александринской сценѣ оперетки, онъ въ этой области сценическаго искусства занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ, создавъ Валентина „Маленькій Фаустъ" — Эрве, Фальзакаппа „Разбойники" — Оффенбаха, Ахилла „Прекрасная Елена" его-же, Януса „Легкая кавалерія" — Зуппе, Си-фа-ю „Чайный цвѣтокъ" — Лекока, Пикилло „Перикола" — Оффенбаха, Герцога „Зеленый островъ" — Лекока, Рисоляре „Всѣ мы

жаждемъ любви" и м. др. Монахова по справедливости считали русскимъ Лавассаромъ. Онъ дѣйствительно въ совершенствѣ передавалъ пѣсенки Беранже и комическіе куплеты; въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ только одного соперника на русской сценѣ—незабвеннаго Живокини. Не чуждъ былъ онъ также и литературы. Имъ написанъ цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ различнаго рода изданіяхъ. Монаховъ легко владѣлъ стихомъ и послѣ него осталась масса стихотвореній, частью напечатанныхъ, частью неудобныхъ еще пока къ обнародованію, такъ какъ живы еще затронутыя въ нихъ лица. Свою любовь къ этому артисту, угасшему преждевременно въ полной силѣ своего дарованія, умершему тридцати пяти лѣтъ, публика выразила самымъ нагляднымъ образомъ на его похоронахъ: толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ шла за его гробомъ и почти до могилы несла его на рукахъ... На могилѣ усопшаго было сказано нѣсколько задушевныхъ рѣчей и поэтъ-композиторъ, тоже покойный, Г. А. Лишинъ, написавшій для него цѣлый рядъ куплетовъ, и извѣстную свою комедію съ куплетами „Гамбетта" (Ромео Пензенскаго уѣзда), произнесъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти покойнаго:

Еще зарытая могила,
Еще слезъ искреннихъ потокъ,
Еще одинъ на вѣки слегъ,
Еще загубленная сила!
Угасшій другъ,—въ прощанія часъ
Мы рады вѣрить, что средь насъ
Твой свѣтлый духъ еще витаетъ,
Что видитъ онъ людей сердца,
И въ нихъ унынье безъ конца,
И скорбь гнетущую читаетъ.
Почти ребенкомъ я когда-то
Свой первый трудъ ему принесъ...
Легка ли мнѣ того утрата,
Въ комъ я нашелъ участье брата,
Въ комъ сердце дружбою зажглось.
Въ немъ было столько обаянья,
Ума, раздумья, теплоты,
Что недостойны порицанья
Тѣ, чьи завѣтныя мечты

Къ нему стремились... Кто готовымъ
Былъ на призывъ его всегда:
Бывало взглянетъ... Только словомъ
Подаритъ, грусти нѣтъ слѣда.
Творцу средь горняго селенья
Безплотныхъ силъ звучатъ хвалы,
Но долетятъ и тѣ моленья,
Что шлемъ изъ нашей сѣрой мглы.
И вѣримъ: славою сіяя,
Тѣней великихъ вспрянетъ рядъ,
Забывъ отраду пѣсенъ рая,
Собрата встрѣтить поспѣшатъ.
И скажутъ: здѣсь, гдѣ нѣтъ печали,
Ему за то вѣнецъ сплетенъ,
Что слезы въ смѣхѣ томъ звучали,
Которымъ землю тѣшилъ онъ.

(Смотри о И. И. Монаховѣ „Воспоминанія“,
„Ежегодн. Импер. театр.“ 1892—93 г., прил. I).



Надежда Васильевна Рѣпина,

(По поводу 35-лѣтія ея смерти).

Надежда Васильевна была жена извѣстнаго композитора, автора „Аскольдовой могилы", А. Н. Верстовскаго, но и сама была знаменита не менѣе своего мужа. Это была одна изъ тѣхъ актрисъ, имена которыхъ не умираютъ. Довольно сказать, что Н. В. Верстовская до своего замужества была актрисой московскаго театра, „г-жею Н. Рѣпиной" (какъ писалось на театральныхъ афишахъ), и всякому любителю театра припомнится имя извѣстное и дорогое. Н. В. Рѣпина родилась 25-го сентября 1809 г. Отецъ ея, Б. Д. Рѣпинъ, былъ музыкантомъ Московскаго театра, происходилъ изъ крѣпостныхъ людей Столыпиныхъ и былъ выкупленъ на волю дирекціей московскаго театра. Въ то время, когда въ Москвѣ существовало не мало труппъ крѣпостныхъ актеровъ и оркестровъ крѣпостныхъ музыкантовъ, дирекція нашего театра нерѣдко выкупала на волю актеровъ и музыкантовъ съ ихъ семействами, внося за нихъ деньги, которыя потомъ они заслуживали. И эти выкупленники дирекціи большею частію своими талантами приносили не малую ей пользу. Такъ и семейство В. Д. Рѣпина славно заплатило за свой выкупъ: оно дало театру Н. В. Рѣпину. Ея сестры, М. и Т. Рѣпины и Сорокина, и братъ, игравшій въ операхъ, были сравнительно обижены судьбою: имъ не было отпущено никакого таланта, а весь талантъ, назначавшійся на семейство Рѣпиныхъ, украсилъ только одну Н. Рѣпину. Н. В. Рѣпина поступила въ Московское театральное училище 7-го іюля 1816 г. Еще въ бытность свою въ училищѣ она (съ 1823 г.) начала появляться на сценѣ московскаго театра и съ первыхъ же выходовъ на сцену своимъ талантомъ обратила на себя вниманіе и публики, и дирекціи. Особенно обратилъ на нее вниманіе служившій въ

то время при театрѣ инспекторомъ музыки А. Н. Верстовскій. Будучи самъ хорошимъ актеромъ-любителемъ и прекрасно понимая театральное искусство, онъ много помогалъ своими совѣтами развитію таланта молодой воспитанницы. Здѣсь, кстати разсказать, какъ строго относилась въ то время дирекція къ воспитанницамъ училища. Рѣпиина разсказывала извѣстному театралу В. И. Родиславскому, что разъ, при первомъ представленіи переведенной съ французскаго пьесы Скриба „Простая исторія", въ которой она играла главную женскую роль, она сбилась въ куплетѣ, и за это послѣ спектакля ее поставили на колѣни. 26-го мая 1825 г. Рѣпина вышла изъ училища и сразу заняла первое мѣсто на московской сценѣ. Это была артистка первоклассная; ей, по выраженію Д. Т. Ленскаго, недоставало только игры въ Парижѣ и похвалы французскихъ журналовъ, чтобъ имя ея гремѣло, какъ имя европейской знаменитости. Талантъ ея былъ обширенъ и многостороненъ: отъ ролей наивныхъ и веселыхъ до ролей страстныхъ и сильно драматическихъ, отъ ролей водевильныхъ до первыхъ ролей въ драмахъ и до первыхъ партій въ операхъ. Для нея написаны партіи: Надежды въ „Аскольдовой могилѣ" и Пахиты въ „Тоскѣ по родинѣ"; кромѣ того, французская комическая опера (какъ, напримѣръ, „Невѣста", „Фра-Дьяволо", „Черное домино" и друг.) имѣла въ ней прекрасную исполнительницу, хотя и не обладавшую обширнымъ голосомъ, но вполнѣ искупавшую этотъ недостатокъ превосходною игрой; а извѣстно, что французскія оперы требуютъ хорошей игры не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ хорошаго пѣнія. Г-жа Рѣпина не была красавица. „Я увидѣлъ ее въ первый разъ на сценѣ въ 1840 г., писалъ про нее въ своемъ некрологѣ В. И. Родиславскій, то-есть уже въ концѣ ея артистическаго поприща и не въ первой молодости, но на сценѣ она была миловидна, и хотя ей уже было тридцать лѣтъ, и между критиками и зрителями иногда прорывались намеки на то, что для молодыхъ водевильныхъ ролей она уже начинаетъ старѣть, но силой таланта, молодостью своей души, она скрывала свои лѣта. Въ ней много было наивности въ роляхъ наивныхъ, хитрости и лукавства въ тѣхъ роляхъ, которыя этого требовали, но главное—въ ней было много чувства, страсти. Игра ея кипѣла ими не только въ роляхъ драматическихъ, но и въ роляхъ водевильныхъ. Въ игрѣ Рѣпиной было очень много одушевленія, веселости и вообще жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она, при всей одушевленности и страстности своей игры, не была только такъ-называемой артисткой вдохновенія, артисткой ми-

нуты; нѣтъ, она большею частію создавала роль и вполнѣ выдерживала ее сначала до конца. Но она также не принадлежала и къ числу тѣхъ актрисъ, которыя замѣняютъ талантъ однимъ изученіемъ, которыя разсчитываютъ и изучаютъ каждое слово, каждый жестъ, каждое движеніе, что невольно кладетъ на игру такихъ артистокъ печать мертвенности. Это была актриса чрезвычайно живая, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не пренебрегавшая и отдѣлкой роли, всегда обдумывавшая ее до мельчайшихъ подробностей. Все это давало ей возможность изъ ролей, которыя сами по себѣ какъ бы ничего не представляли, дѣлать такія созданія, которыя доселѣ живутъ въ памяти публики. Напримѣръ, возьмемъ роль Лизы въ „Синичкинѣ": десятокъ актрисъ видала въ этой роли московская публика послѣ Н. В. Рѣпиной, и между ними актрисъ далеко не бездарныхъ, но роль эта въ ихъ исполненіи всегда казалась безцвѣтною; такою она кажется и при чтеніи пьесы; а между тѣмъ она считалась одной изъ лучшихъ ролей Рѣпиной. Рѣпина какъ этой ролью, такъ и многими другими, какъ бы подтверждала слова: „нѣтъ дурныхъ ролей, есть только дурные актеры". „Бѣлинскій пошелъ еще далѣе: говоря объ игрѣ Рѣпиной въ роли Сусанны въ „Свадьбѣ Фигаро", онъ сказалъ: „признаемся, что если-бы всѣ и всегда такъ играли, то не было-бы больше плохихъ пьесъ, но всѣ пьесы, даже дурныя, были бы превосходны" („Соч. Бѣлинскаго", т. III-й, стр. 124-я). При исполненіи пѣсни Земфиры въ „Цыганахъ" Пушкина—„Старый мужъ, грозный мужъ!" г-жа Рѣпина, по словамъ того же Бѣлинскаго, „вся была огонь, страсть, трепетъ, дикое упоеніе" („Соч. Бѣлинскаго" т. III-й стр. 158-я). Бывшій режиссеръ московскаго театра, С. П. Соловьевъ, въ статьѣ своей „Отрывки изъ записной книжки отставного режиссера" („Антрактъ" 1865 г. № 68-й) разсказываетъ, что П. С. Мочаловъ, игравъ роль Алеко, до того поддался очарованію игры Рѣпиной, что при стихахъ пѣсни: „Какъ ласкала его—я въ ночной тишинѣ", совершенно забылся и вскричалъ: „Это чортъ, а не женщина". Публика была приведена въ неописанный восторгъ, и театръ задрожалъ отъ криковъ и грома рукоплесканій. Въ роли Луизы въ драмѣ „Коварство и любовь" Рѣпина была превосходна. Точно также прекрасно играла она мольеровскія роли, которыя доставались на ея долю. Послѣднею ролью, созданною Рѣпиной, была роль Славской, въ водевилѣ Ленскаго — „Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ сатана". Въ этой роли г-жа Рѣпина была совершенство. Это капризное дитя, мучащее наединѣ своего

мужа, а между тѣмъ, при людяхъ умѣющее казаться съ нимъ ангеломъ смиренія, кротости, покорности и любви, было передаваемо Рѣпиной прекрасно, до малѣйшихъ подробностей, до тончайшихъ переходовъ. Напримѣръ, въ первомъ актѣ,—въ той сценѣ, когда мужъ заставляетъ Славскую уѣхать съ бала, досада кипитъ въ ней, она долго старается удержаться, но не можетъ; на глазахъ ея блеснула слеза досады. Но какъ мгновенно удерживала она эту слезу, какъ только замѣчала, что ее видятъ другіе, и съ какою улыбкой смиренія, покорности, ласки и любви произносила отвѣтъ мужу на его зовъ ѣхать: „Я иду, иду, папаша!" Такъ что невольно можно воскликнуть вмѣстѣ со всѣми бывшими на этомъ балѣ: „Это ангелъ—не жена!" И потомъ съ какимъ совершенствомъ этотъ ангелъ во второмъ актѣ, когда она была наединѣ съ мужемъ, превращался въ демона! Но какъ только слышались голоса кого-либо пріѣхавшаго въ гости, этотъ демонъ мгновенно и совершенно превращался снова въ ангела. Съ особенною же прелестью Рѣпина произносила какъ бы по секрету публикѣ, приложивъ при послѣднемъ словѣ палецъ къ губамъ, слова заключительнаго куплета: „И здѣсь есть вѣрно не одна, что въ людяхъ ангелъ — не жена, а дома съ мужемъ—сатана!" Въ этой роли Рѣпина въ послѣдній разъ играла на московской сценѣ 8-го февраля 1841 г. *). Рѣпина оставила сцену, не прослуживъ узаконеннаго числа лѣтъ и не получивъ полной пенсіи. Какая причина заставила ее сойти со сцены, на которой она была любимицей публики, на которой участіе ея обезпечивало успѣхъ піесы,—не знаю. Иные говорятъ, что назначеніе А. М. Гедеонова директоромъ московскаго театра, послѣ М. Н. Загоскина, мѣсто котораго, по слухамъ, надѣялся занять А. Н. Верстовскій, ускорило намѣреніе Рѣпиной оставить сцену; другіе говорятъ, что артистка сама чувствовала, что становилась недостаточно молода для занимаемыхъ ею ролей (хотя ей было всего только 31-й годъ); наконецъ, иные утверждаютъ, что причиною оставленія ею сцены былъ бракъ ея съ А. Н. Верстовскимъ, по-

*) С. П. Соловьевъ пишетъ слѣдующее: „Послѣ этого спектакля наша превосходная артистка уже не появлялась на сценѣ. Публикѣ это было совершенно неизвѣстно, а иначе прощаніе съ любимицей было бы очень шумно и трогательно. Я зналъ, что она играетъ въ послѣдній разъ, и впродолженіе всего спектакля мнѣ было чрезвычайно грустно, грустно по моей искренней любви къ искусству и по понятному чувству—пишущаго для сцены; присутствіе въ піесѣ Н. В. Рѣпиной всегда ассюрировало успѣхъ; съ ея выходомъ московская сцена понесла великую утрату, и, Богъ знаетъ, когда и кѣмъ она будетъ пополнена; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мѣсто незабвенной артистки остается вакантнымъ. Истинные таланты не родятся какъ грибы. („Антрактъ" 1865 г. № 57-й).

слѣдовавшій вскорѣ послѣ ея отставки. Выйдя въ отставку, Верстовская, до смерти своего мужа часто посѣщала московскій театръ, особенно въ то время, когда Верстовскій еще служилъ при немъ. Актеры, и особенно актрисы, очень дорожили ея мнѣніемъ объ ихъ игрѣ; хотя приговоръ ея былъ всегда очень снисходительный, но всегда показывавшій въ бывшей артисткѣ вкусъ и пониманіе дѣла. Здоровье Надежды Васильевны въ послѣднее время, особенно послѣ смерти ея мужа, было постоянно слабо, но, все-таки, она не была положительно больна. Вечеромъ 19-го ноября 1867 года, она почувствовала себя дурно, а 20-го ноября, въ 11 часовъ утра, ея уже не было въ живыхъ. Тѣло ея похоронено на Ваганьковскомъ кладбищѣ, подлѣ могилы ея мужа.

Александра Ивановна Колосова,

артистка Московскаго Малаго театра.

(По поводу 35-ти-лѣтія ея смерти). [1]).

Александра Ивановна Колосова, до замужества Григорьева, родилась въ Москвѣ 14-го апрѣля 1834 г. Въ Московское Театральное Училище, она поступила въ число пенсіонерокъ Дирекціи 15-го мая 1849 года. Еще дѣвочкой она участвовала въ балетахъ; покойная разсказывала съ какимъ страхомъ опускалась она въ живомъ хороводѣ сильфидъ въ послѣднемъ актѣ балета „Сильфида", въ хороводѣ, такъ прекрасно устроенномъ бывшимъ машинистомъ Московскаго театра, Пино. Драматическому искусству въ Театральномъ Училищѣ обучалъ тогда бывшій режиссеръ московской драматической труппы С. П. Соловьевъ. Занятія его принесли много хорошихъ плодовъ; его ученицами были двѣ Бороздины, Косицкая, Медвѣдева, Соболева 2-я, Дмитріева, Воронова и др. А. И. Григорьева была также его ученицею, и притомъ одною изъ любимыхъ; по крайней мѣрѣ С. П. Соловьевъ еще до появленія ея передъ публикой не разъ говорилъ о ней, какъ о дѣвочкѣ, подающей большія сценическія надежды. Но при появленіи своемъ на сценѣ, Григорьева не сразу заняла видное мѣсто и только уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлалась любимицею публики. Первый ея выходъ на московской сценѣ, былъ въ водевилѣ Ленскаго „Минеральныя воды", шедшей въ бенефисъ этого артиста 26-го октября 1849 г. Въ маленькой роли Эрнестины молодая дебютантка не могла выказать своего дарованія, но публика и тутъ уже замѣтила весьма выгодную для сцены симпатичную наружность молодой воспитанницы, а одинъ тогдашній рецензентъ отозвался объ ней, какъ о дѣвушкѣ, подающей сценическія

[1]) Извлечено изъ бумагъ В. И. Родиславскаго.

надежды. Съ тѣхъ поръ Григорьева стала появляться, хотя и очень рѣдко, и въ другихъ пьесахъ. Во время представленія съ Фанни Эльслеръ пьесы Скриба „Ольга, русская сирота“ (въ 1851 г.,) въ которой Григорьева исполняла незначительную роль Аглаи, публика встрѣтила ее уже съ рукоплесканіями. Но вообще г-жа Григорьева не принадлежала къ числу тѣхъ счастливцевъ, которыя сразу овладѣваютъ любовью публики, которыхъ самые первые дебюты сопровождаются блестящими успѣхами. Талантъ ея высказывался какъ-то медленно и надо сказать правду и высказываться то ему было не въ чемъ; начинающая артистка имѣла очень мало хоть сколько нибудь выдающихся ролей, которыя исполнялись въ это время другими артистками: Косицкой, Лавровой (Васильевой), Бороздиной, Соболевой, Дмитріевой, Михайловой, Наумовой, Сорокиной и др. 15-го мая 1852 года Григорьева была выпущена изъ училища въ драматическо-оперную труппу актрисою „на роли по способностямъ“, съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Воспитанницею она имѣла еще хоть сколько нибудь выдающіяся роли (какъ напр. роль Добраго генія въ волшебствѣ „Вотъ такъ пилюли“), такъ какъ, по заведенному обычаю, воспитанницамъ всетаки дирекція какъ-бы считала своею обязанностью покровительствовать и не обдѣлять ихъ ролями; но съ выходомъ изъ училища, на долю Григорьевой стали доставаться только самыя пустыя, почти выходныя роли. 24-го августа 1852 г. Александра Ивановна вышла замужъ за актера московскаго театра К. П. Колосова, отчего сценическая карьера артистки не сдѣлалась блестящѣе. Въ началѣ 1854 г. мы видимъ ее въ циркѣ, содержимомъ въ то время Новосильцевымъ рядомъ съ Малымъ театромъ, играющую роль Тамары въ „Блокадѣ Ахты“. Но въ томъ-же году Колосовой представились случай заявить свой талантъ. Лѣтомъ 1854 г. ей удалось сыграть роль Лизы въ „Горе отъ ума“, исполнявшуюся въ то время г-жею Рябовой 2-й (Дмитріевой). Роль эта была исполнена Колосовой хорошо. Этимъ же лѣтомъ была сыграна ею, за болѣзнью Бороздиной, довольно видная роль въ водевилѣ Востокова „Пустяки“. Игра Колосовой обратила на себя вниманіе немногихъ любителей театра, посѣщающихъ московскіе лѣтніе спектакли, но все-таки она оставалась въ тѣни. Мнѣ кажется, что съ моей стороны не будетъ нескромностью разсказать случай, немало содѣйствовавшій Колосовой выдвинуться на первый планъ нашей сцены. Я разскажу его затѣмъ, чтобы показать, отъ какихъ незначительныхъ обстоя-

тельствъ иногда зависитъ карьера артистки. Подарившій нашу сцену нѣсколькими водевилями П. Н. Баташевъ, перевелъ съ французскаго для бенефиса Е. В. Бороздиной пьесу „Сосѣдъ и сосѣдка". Двѣ роли этого водевиля назначались Шумскому и Е. Бороздиной. По какимъ то обстоятельствамъ водевиль этотъ не былъ данъ въ бенефисъ той актрисы, для которой былъ переведенъ. Его назначилъ въ свой бенефисъ г. Шумскій и по болѣзни Бороздиной роль Луизы была передана въ немъ, безъ согласія переводчика, — Колосовой. Узнавъ объ этой передачѣ, Баташевъ пріѣхалъ ко мнѣ посовѣтоваться, что ему надо дѣлать, чтобы снять пьесу съ афиши, такъ какъ роль Луизы въ своемъ водевилѣ онъ назначалъ Бороздиной и молодой переводчикъ боялся, что игра видѣнной имъ только въ однѣхъ незначительныхъ роляхъ актрисы погубитъ его водевиль. Но я уже имѣлъ случай видѣть Колосову и въ „Горе отъ ума" и въ „Пустякахъ", и былъ твердо увѣренъ, что Колосова хорошо сыграетъ главную роль въ водевилѣ и потому посовѣтывалъ Баташеву прежде, чѣмъ онъ приметъ какія либо мѣры къ снятію съ афиши его водевиля, отправиться на репетицію и посмотрѣть игру Колосовой, увѣряя его, что піеса нисколько не пострадаетъ отъ ея игры. Онъ отправился на репетицію. Возвращаясь съ нея, онъ заѣхалъ опять ко мнѣ. Онъ уже былъ въ восторгѣ отъ игры Колосовой, о снятіи пьесы съ афиши не было уже и рѣчи, и потомъ всѣ свои водевили Баташевъ писалъ уже для Колосовой. Въ самомъ дѣлѣ, роль Луизы Колосова исполняла прекрасно, несмотря на робость явиться почти передъ полнымъ театромъ въ роли, назначавшейся для первой водевильной актрисы того времени, для Бороздиной. „Московскія Вѣдомости", отозвались о Колосовой въ этой роли слѣдующимъ образомъ: „намъ пріятно при этомъ случаѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на молодую артистку, г-жу Колосову, которая была истинно превосходна въ этой маленькой пьескѣ и по справедливости заслужила всеобщія рукоплесканія публики. Сколько веселости, сколько жизни, сколько неподдѣльнаго комизма! Мы увѣрены, что эта молодая артистка въ самое короткое время сдѣлается любимицей публики" („Моск. Вѣдомости" 6-го ноября 1854 г. № 133). Слова эти сбылись вполнѣ. Роль Луизы была первою ролью, обратившею на Колосову вниманіе и публики, и дирекціи, и съ тѣхъ поръ актриса эта пошла быстро впередъ и начала занимать первое мѣсто между артистками Малаго театра. Для нея въ началѣ 1855 г. была поставлена трехъ-актная комедія, переведен-

ная съ французскаго Каратыгинымъ „Бабушкина внучка"; хотя довольно и эксцентричный, но эффектно и симпатично поставленный характеръ внучки, полудѣвушки, полуребенка, балованной, но съ душею и сердцемъ, былъ прекрасно переданъ г-жею Колосовою. Съ этихъ поръ она уже нерѣдко стала исполнять значительныя роли. Передѣлавшій съ французскаго большое число водевилей К. А. Тарновскій, старался найти въ московской труппѣ другую водевильную актрису достойную стать рядомъ съ Е. В. Бороздиной. Большая часть попытокъ его найти такую актрису была неудачна; наконецъ успѣхи Колосовой помогли ему въ этомъ. Правя въ 1856 г. должность инспектора репертуара, онъ сталъ давать Колосовой часто исполнять первыя роли въ водевиляхъ, и успѣхъ постоянно сопровождалъ ея исполненіе. Дирекція не оставила безъ вниманія успѣховъ молодой артистки, и еще въ 1855 г. ея незначительное жалованье (200 руб. въ годъ) было увеличено болѣе, чѣмъ вдвое; она начала получать по 500 руб. въ годъ, а въ 1856 г. ей былъ назначенъ первый бенефисъ. Съ этихъ поръ Колосова стала получать бенефисы ежегодно. Въ одномъ изъ нихъ (въ 1858 г.) шла передѣланная Л. Н. Оберомъ изъ французской повѣсти драма „Мать и дочь". Пьеса эта открыла въ Колосовой новую сторону ея таланта. До сихъ поръ она играла только въ комедіяхъ и водевиляхъ, но и въ нихъ въ игрѣ ея уже замѣтно было много страсти; теперь Колосова явилась въ драматической роли и вполнѣ выказала, что въ игрѣ ея очень много чувства. Въ 1858 же году была сдѣлана Колосовой новая прибавка жалованья, — ей было назначено по 800 р. въ годъ.

Послѣ этого, Колосова нерѣдко начала появляться въ драмахъ и хотя не всегда выдерживала вполнѣ и вѣрно драматическіе характеры, но вносила въ игру свою много чувства и страсти. Въ 1859 г. въ бенефисъ П. М. Садовскаго, она играла роль принцессы Эболи въ „Донъ-Карлосѣ" Шиллера. Характеръ этой страстной, рѣшительной, увлекающей и увлекающейся женщины не былъ вполнѣ ею переданъ; но сцены раскаянія Эболи были сыграны съ такимъ истиннымъ, съ такимъ горячимъ чувствомъ, что заставляли невольно мириться съ невѣрнымъ исполненіемъ остальной части роли.

Колосова была уже любимицей публики и по всей справедливости занимала мѣсто между первыми актрисами московской сцены, но получала жалованья менѣе, чѣмъ другія актрисы перваго амплуа. По

правиламъ Московскаго Театральнаго Училища казенныя воспитанницы, по выпускѣ, обязаны, въ благодарность за полученное образованіе, прослужить при Императорскомъ театрѣ 10 лѣтъ безъ контракта по усмотрѣнію дирекціи, съ тѣмъ жалованьемъ, которое будетъ имъ назначено. По странному недоразумѣнію правило это прилагали и къ пансіонеркамъ дирекціи, которыя были обязаны прослужить за свое воспитаніе не 10, а только 8 лѣтъ. Это недоразумѣніе было столь общимъ, что ему всѣ подчинялись, и никто не думалъ противъ него протестовать. Колосова дожидалась окончанія 10-тилѣтія своей службы, чтобы предложить дирекціи свои условія. Въ то время я служилъ въ конторѣ московскихъ театровъ и мнѣ посчастливилось разъяснить это недоразумѣніе. Казенныхъ воспитанницъ, обязанныхъ прослужить за свое воспитаніе 10 лѣтъ, съ 1845 г. уже не было, и были только пансіонерки дирекціи, а онѣ обязаны служить только 8 лѣтъ. Въ то время, какъ мнѣ удалось разъяснить недоразумѣніе относительно лѣтъ службы „въ благодарность за воспитаніе", исполнилось 8 лѣтъ службы Колосовой (въ 1860 г.); я объяснилъ ей, что она уже имѣетъ право заявить свои предложенія дирекціи. Колосова воспользовалась этимъ и подала прошеніе о заключеніи съ нею контракта на условіяхъ, на которыхъ служили другія актрисы нашего театра, занимавшія въ то время, подобно ей, первое амплуа. По просьбѣ ея, 15-го іюля 1860 г. состояласъ слѣдующая резолюція Министра Императорскаго двора, графа В. О. Адлерберга: „Согласенъ назначить жалованье, поспектакльныя и полубенефисъ наравнѣ съ г-жами Васильевой и Медвѣдѣвой". Согласно съ этою резолюціею дирекція заключила контрактъ съ Колосовою срокомъ на три года (съ 15-го іюля 1860 г.) съ жалованьемъ по 1,143 руб. въ годъ (maximum жалованья, опредѣленнаго закономъ для русскихъ артистовъ) поспектакльныхъ по 7 руб. за представленіе и по полубенефису ежегодно. По прошествіи этихъ лѣтъ контрактъ былъ возобновленъ еще на три года съ назначеніемъ поспектакльной платы уже по 10 руб. за представленіе, а 15-го іюля 1866 года контрактъ этотъ возобновленъ на тѣхъ же условіяхъ еще на три года, но смерть не дозволила Колосовой дослужить до срока этого контракта. Еще 18-го октября 1867 г. артистка эта играла роль Дорины въ „Тартюфѣ" публика рукоплескала своей любимицѣ, и никто не могъ подумать, что за этой женщиной, полной жизни, здоровья, цвѣтущей молодостью и талантомъ, стоитъ уже смерть за плечами. 19-го октября Колосова простудилась, съ нею сдѣла-

лось сильнѣйшее воспаленіе; 21-го она слегла въ постель, 22-го перестала уже говорить, а 23-го ея уже не было въ живыхъ.

Трудно исчислить лучшія роли г-жи Колосовой: она была болѣе или менѣе хороша во всѣхъ игранныхъ ею роляхъ (за исключеніемъ весьма немногихъ, какъ напр., Маріи Антоновны въ „Ревизорѣ" и Варвары въ „Грозѣ"). Мольеръ нашелъ въ ней хорошую исполнительницу своихъ субретокъ и недурную Агнессу; Бомарше — умную Розину, Грибоѣдовъ — хорошую Лизу, Гоголь — Агафью Тихоновну, Островскій назначалъ ей первыя роли во многихъ своихъ пьесахъ и въ большей части изъ этихъ ролей она была очень хороша (какъ, напр., въ роли Татьяны въ др. „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ", въ роли Полины въ ком. „Доходное мѣсто" и мног. др.). Колосовой переиграно множество ролей во множествѣ драмъ, комедій, водевилей, опереттъ и во всѣхъ этихъ роляхъ, какъ я уже сказалъ, она была болѣе или менѣе хороша. Нѣкоторыя роли, поддерживаемыя ея игрою, производили огромный эффектъ на публику. Припомнимъ, напр., хотя бы роль Наташи (въ комедіи „Пріемышъ"), въ которой игра Колосовой была превосходна и производила огромный фуроръ. На долю Колосовой выпалъ завидный жребій: въ ея бенефисъ поставлена была комедія Шекспира „Укрощеніе строптивой", первая изъ Шекспировскихъ пьесъ на нашей сценѣ, сыгранная послѣ продолжительнаго промежутка времени, въ который на московской сценѣ не ставилась ни одна изъ пьесъ Шекспира. Такимъ образомъ слава возобновленія Шекспира на нашей сценѣ падаетъ и на г-жу Колосову.

Въ игрѣ этой артистки было много ума, правды, естественности, жизни, веселости, огня, чувства и страсти; но иногда проявлялась излишняя рѣзкость и не всегда доставало чувства надлежащей мѣры. Впрочемъ, несмотря на этотъ недостатокъ, г-жа Колосова по всей справедливости должна быть причислена къ лучшимъ украшеніямъ драматической труппы Малаго театра. Публика навсегда сохранитъ память о своей даровитой любимицѣ, а имѣвшіе счастіе знать покойную лично, а также и ея товарищи—о доброй, прекрасной и умной женщинѣ.

Ровно черезъ 18 лѣтъ послѣ перваго ея дебюта на сценѣ, 26-го октября 1867 года, происходило отпѣваніе ея тѣла въ церкви св. Пимена, именуемой „Старымъ". Церковь была полна явившимися отдать послѣдній долгъ усопшей. Трупъ покойной и весь гробъ ея были убраны цвѣтами; на

крышѣ гроба лежали два великолѣпныхъ вѣнка; въ срединѣ одного изъ нихъ, сдѣланнаго съ необыкновеннымъ вкусомъ, была выложена надпись изъ бѣлыхъ безсмертокъ: „Артистическій кружокъ своему достойному члену А. К.“, а въ срединѣ надписи былъ сдѣланъ крестъ изъ розовыхъ камелій.

Во время отпѣванія было видно много слезъ, слышались рыданія, и эти слезы и эти рыданія были не однихъ только родныхъ покойной. По выносѣ изъ церкви, гробъ не дали поставить на дроги, и почитатели таланта покойной донесли его до самаго Ваганьковскаго кладбища.

В. И. Родиславскій.

Николай Петровичъ Домашевъ.

(По поводу 25-лѣтія его дѣятельности).

Николай Петровичъ Домашевъ родился 7-го декабря 1861 г. въ Москвѣ. Образованіе г. Домашевъ получилъ въ балетномъ отдѣленіи Московскаго Императорскаго Театральнаго Училища и бралъ уроки танцевъ сначала у Г. И. Легата, а потомъ у И. А. Ермолова. Находясь еще на школьной скамьѣ, г. Домашевъ обратилъ на себя вниманіе училищнаго начальства, которое поручило даровитому и воспріимчивому ученику исполненіе ролей „подростковъ". Первою піесой, въ которой г. Домашевъ выступилъ на подмосткахъ Малаго театра, была комедія „Практичный людъ". Окончивъ курсъ училища въ 1877 г. артистъ былъ зачисленъ въ балетную труппу Большого театра. Не разъ за время своей службы Н. П. очень умѣло ставилъ отдѣльные па и нумера въ различныхъ балетахъ. Лучшія роли обширнаго репертуара Н. П.—Мефистофель въ балетѣ „Фаустъ", Шутъ въ „Свѣтланѣ", Дьяволино въ „Катаринѣ", Иванушка—дурачекъ въ „Конькѣ-Горбункѣ", Японецъ въ „Коппеліи", Паша въ „Корсарѣ", Котъ въ „Спящей красавицѣ" и др.

Съ 1898 г. г. Домашевъ состоитъ преподавателемъ классическихъ танцевъ въ мужскомъ балетномъ отдѣленіи Императорскаго Театральнаго Училища.

Аполлонъ Александровичъ

Майковъ.

† 1902 г.

А. А. Майковъ.

(Бывшій управляющій Московскими Императорскими театрами).

Некрологъ.

Гофмейстеръ Высочайшаго двора и бывшій адъюнктъ Московскаго Университета по каѳедрѣ русской словесности, членъ корреспондентъ Академіи Наукъ и управляющій Императорскими театрами въ Москвѣ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, скончавшійся 17-го октября 1902 г. былъ двоюроднымъ братомъ извѣстныхъ писателей Аполлона, Валеріана и Леонида Майковыхъ. Онъ родился въ Москвѣ 28-го іюля 1826 г., воспитывался въ Московскомъ Дворянствѣ Институтѣ и окончилъ курсъ въ Университетѣ въ 1847 г. Ранній любитель литературы и театра, онъ еще въ молодости перевелъ съ нѣмецкаго вмѣстѣ съ Родиславскимъ драму „Байронъ или поэтъ и общество", и имѣвшую громадный успѣхъ на сценѣ Московскаго Малаго Театра драму Денери „Актриса". Позже писалъ онъ о театрѣ: таковы его статьи о драмѣ Писемскаго „Горькая судьбина". (СПБ. Вѣд. 1860, №№ 65, 67, 69 „Донъ Жуанъ Мольера" (Голосъ № 1876 352). „Объ авторскихъ правахъ на драматическія произведенія. (Суд. Вѣстн. 1874. № 162)" „О правѣ драматической собственности". (Моск. Вѣд. 1875, 213). Втеченіе 30 л., А. А. былъ казначеемъ Общества драматическихъ писателей, и въ концѣ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія съ 1887 г. по 1888 г. занималъ постъ Управляющаго Императорскими театрами въ Москвѣ. Какъ дворянинъ и землевладѣлецъ Владимірской губерніи и домовладѣлецъ Москвы, Майковъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ дворянства и земства своей губерніи, состоялъ членомъ Владимірскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, а затѣмъ былъ мировымъ посредникомъ съ

1861 по 1869 годъ, а съ 1869 по 1872 годъ—ковровскимъ предводителемъ дворянства. Втеченіе 1875 — 1886 г. онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Долгорукомъ. Какъ домовладѣлецъ и гражданинъ Московскій, въ 1874 и 1875 г. Майковъ живо интересуясь городскимъ хозяйствомъ, напечаталъ шесть статей въ „Русскихъ Вѣд." подъ названіемъ „Замѣтки о нуждахъ и пользѣ г. Москвы" („Русс. Вѣд. 1874 №№ 15, 32, 97 и 105, 1875 г. №№ 148, 159) и въ Судебн. Вѣстн. (1873 № 8) „О денежномъ сборѣ на частныя дворянскія повинности съ домовъ, принадлежащихъ дворянамъ въ Москвѣ. „Кромѣ того онъ состоялъ редакторомъ журнала „Бесѣда", издаваемаго г. Кошелевымъ; но какъ ни почтенны были всѣ эти литературные труды и общественная дѣятельность А. А. Майкова, не ими однако завоевалъ онъ себѣ видное мѣсто въ исторіи науки. Его магистерская диссертація 1875 г. увѣнчанная Академіей Наукъ Демидовскою преміею—„Исторія Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею въ связи съ исторіею, народа",—это строго обдуманный тщательно исполненный почти десятилѣтній трудъ Майкова смѣло можетъ быть названъ классическимъ. А. А. въ немъ свелъ все, что было до него писано по сербски и на разныхъ европейскихъ языкахъ по исторіи народа и языка сербскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ образцовый трудъ Майкова возбудилъ и повелъ за собою въ Россіи и заграницей цѣлый рядъ новыхъ изысканій историческихъ, филологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ о народности сербской, какъ южныхъ окраинъ Австро-Венгріи, такъ и западной половины юговосточнаго полуострова за Дунаемъ и за Савой. До А. А. Майкова, кромѣ замѣчательныхъ статей Прейса о сербской народной поэзіи и Срезневскаго о Вукѣ Караджичѣ, да двухъ интересныхъ книжекъ Е. Ковалевскаго и А. Попова о „Черной Горѣ," русская литература не имѣла по этой части ничего самостоятельнаго. За великую цѣнность его труда говоритъ и то, что хотя прошло почти полъ вѣка съ выхода его въ свѣтъ, но и теперь постоянно приходится къ нему обращаться за справками и указаніями. Предпріятіемъ и завершеніемъ такого труда, тщательною точностью и богатствомъ собранныхъ въ немъ данныхъ и трезвою критическою ихъ оцѣнкою—съ одной стороны,—а съ другой своимъ благодушіемъ и участливымъ отношеніемъ къ людямъ, А. А. Майковъ оставилъ по себѣ славную и добрую память, какъ въ лѣтописяхъ науки, такъ и въ сердцахъ множества людей его знавшихъ.

„Жизнь А. А. Майкова, писалъ вскорѣ послѣ его смерти М. Поліектовъ, была богата не внѣшними событіями, но разносторонними впечатлѣніями, и литературное наслѣдіе имъ оставленное, обильно и разнообразно. Натура живая и отзывчивая, Майковъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ высказываться по каждому очередному общественному вопросу, разъ чувствовалъ, что его мнѣніе будетъ вѣско и компетентно. Самая широкая гласность была для него не отвлеченнымъ требованіемъ, но насущной потребностью, дѣломъ всей его жизни. „Вѣдь не напишутъ... нельзя объ этомъ написать",—вотъ фраза, которая зачастую съ горечью срывалась съ его устъ, когда разговоръ касался какой-либо интересующей его темы. А какія темы его не интересовали? Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ болѣе широкимъ горизонтомъ, духовные интересы котораго не замыкались въ какомъ либо одномъ опредѣленномъ кругѣ, но вплоть до послѣднихъ дней его жизни росли и направлялись на новые, до этой поры оставляемые имъ въ сторонѣ вопросы. Интересуясь всѣмъ, А. А. Майковъ никогда не удовлетворялся наскоро схваченными фактами и постоянно старался пополнять свѣдѣнія, необходимыя ему для тѣхъ темъ, которыя онъ разрабатывалъ въ данное время въ своихъ статьяхъ. Посторонніе занятія зачастую отвлекали покойнаго отъ его литературной работы; нерѣдко ему приходилось вести ее урывками, но все это не оказывало вліянія на результаты работы. Шагъ за шагомъ онъ шелъ къ намѣченной имъ цѣли, къ выясненію того или другого спорнаго пункта, захватывая въ своихъ работахъ все новыя и новыя темы. Произнести оцѣнку всей литературной и общественной дѣятельности А. А. Майкова теперь еще не настало время. Будущій историкъ не оставитъ эту дѣятельность безъ вниманія, но можно быть твердо убѣжденнымъ, что со временемъ его имя займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи русской общественности. Около 40 лѣтъ онъ работалъ на поприщѣ русской журналистики. За это время жизнь далеко ушла впередъ и заставила людей болѣе молодыхъ поколѣній измѣнить взглядъ на многое. Получило новое толкованіе и само понятіе народности, этотъ нервъ всей дѣятельности А. А. Майкова. Въ своихъ трудахъ болѣе поздняго времени хотя онъ стоялъ на той-же точкѣ зрѣнія, какую развилъ еще во своей вступительной лекціи въ 1858 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ было живо и прежнее горячее чувство правды и глубокой симпатіи къ народнымъ интересамъ. Это послѣднее придаетъ

всей дѣятельности А. А. Майкова чисто юношескую свѣжесть и дѣлаетъ его духовный обликъ понятнымъ и дорогимъ не только для его сверстниковъ и единомышленниковъ, но и для людей иного поколѣнія, иныхъ воззрѣній.